
Voennyi

Sbornik

Has been issued since 1858.
ISSN 2309-6322. E-ISSN 2409-1707
2016. Vol.(13). Is. 3. Issued 4 times a year

EDITORIAL BOARD

Cherkasov Aleksandr – International Network Center for Fundamental and Applied Research, Sochi, Russian Federation, Sochi, Russian Federation (Editor-in-Chief)

Anca Alejandro – Ministry of Defence of Spain, Spain

Atanesyan Artur – Yerevan State University, Yerevan, Armenia

Crawford Kent – Gunnery Fire Control Group, USA

Gogitidze Mamuka – Shota Rustaveli National University, Tbilisi, Georgia

Katorin Yuri – Admiral Makarov State University of Maritime and Inland Shipping, Saint-Petersburg, Russian Federation

Krinko Evgenii – Southern Scientific Center, Russian Academy of Sciences, Rostov-on-Don, Russian Federation

Plachy Yizhi – Military History Institute of the Ministry of Defence Czech Republic

Senyavskaya Elena – Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Šmigel' Michal – Matej Bel University, Banská Bystrica, Slovakia

Ter Oganov Nugzar – Tel Aviv University, Tel Aviv, Israel

The journal is registered by Federal Service for Supervision of Mass Media, Communications and Protection of Cultural Heritage (Russian Federation). Registration Certificate ПИ № ФС 77 - 55398 от 17.09.2013.

Journal is indexed by: **CiteFactor** (USA), **CrossRef** (UK), **Electronic scientific library** (Russia), **Global Impact Factor** (Australia), **Open Academic Journals Index** (Russia), **Sherpa Romeo** (Spain), **ULRICH's WEB** (USA), **Universal Impact Factor** (Australia).

All manuscripts are peer reviewed by experts in the respective field. Authors of the manuscripts bear responsibility for their content, credibility and reliability.

Editorial board doesn't expect the manuscripts' authors to always agree with its opinion.

Postal Address: 26/2 Konstitucii, Office 6
354000 Sochi, Russian Federation

Website: <http://ejournal6.com/>
E-mail: sochio03@rambler.ru

Founder and Editor: Academic Publishing
House *Researcher*

Passed for printing 16.09.16
Format 21 × 29,7/4.

Headset Georgia.
Ych. Izd. l. 4,5. Ysl. pech. l. 4,2.

Order № 13.

Voennyi Sbornik

2016

Is.

3

Издается с 1858 г. ISSN 2309-6322. E-ISSN 2409-1707
2016. № 3 (13). Выходит 4 раза в год.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

- Черкасов Александр** – Международный сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований, Сочи, Российская Федерация (Гл. редактор)
Анка Алехандро – Министерство обороны Испании, Испания
Атанесян Артур – Ереванский государственный университет, Ереван, Армения
Гогитидзе Мамука – Национальный университет им. Шота Руставели, Тбилиси, Грузия
Каторин Юрий – государственный университет морского и речного флота им. адмирала С.О. Макарова, Санкт-Петербург, Российская Федерация
Крауфорд Кент – Группа управления артиллерийским огнем, США
Кринко Евгений – Южный научный центр РАН, Ростов-на-Дону, Российская Федерация
Плахий Йижи – Военный исторический институт Министерства обороны Чехии, Чехия
Сенявская Елена – Институт российской истории РАН, Москва, Российская Федерация
Тер-Оганов Нугзар – Тель-Авивский университет, Тель-Авив, Израиль
Шмигель Михал – Университет Матяя Бэла, Банска Быстрица, Словакия

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия (Российская Федерация). Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС 77 - 55398 от 17.09.2013 г.

Журнал индексируется в: **CiteFactor** (США), **CrossRef** (Соединенное королевство), **Global Impact Factor** (Австралия), **Научная электронная библиотека** (Россия), **Open Academic Journals Index** (Россия), **Sherpa Romeo** (Испания), **ULRICH's WEB** (США), **Universal Impact Factor** (Австралия).

Статьи, поступившие в редакцию, рецензируются. За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы публикаций.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.

Адрес редакции: 354000, Россия, г. Сочи,
ул. Конституции, д. 26/2, оф. 6
Сайт журнала: <http://ejournal6.com/>
E-mail: sochioo3@rambler.ru

Подписано в печать 16.09.16
Формат 21 × 29,7/4.

Учредитель и издатель: ООО «Научный
издательский дом "Исследователь"» -
Academic Publishing House *Researcher*

Гарнитура Georgia.
Уч.-изд. л. 4,5. Усл. печ. л. 4,2.
Заказ № 13.

2016

№ 3

CONTENTS

Articles and Statements

The Plans of the Parties and the Balance of Forces on the Southern Wing of the Soviet-German Front on the Eve of Spring - Summer 1942 Campaign Vladimir I. Afanasenko	112
The Bomb-Gyroscopes Yuri F. Katorin	134
The Militärgrenze from the battle of Solferino before the beginning of demilitarization: three views out of Russia (F. F. Tornau, N.I. Krasnov, B. Katalinich). Part II Artyom Y. Peretyatko	145
The Cossack troops of Russia on the eve of "Great reforms" of Alexander II: (on materials the vsepoddaneyshikh of reports of the Ministry of Defence for 1858-1862) Alexey A. Volvenko	164
Forerunner of Pearl Harbor Igor V. Yurin, Artem A. Gonchar	182
Background of the Military Aviation Meteorological Service V.I. Zshumatiy, V.N. Pryamitsyn	193

Copyright © 2016 by Academic Publishing House *Researcher*

Published in the Russian Federation
 Voennyi Sbornik
 Has been issued since 1858.
 ISSN: 2309-6322
 E-ISSN: 2409-1707
 Vol. 13, Is. 3, pp. 112-133, 2016

DOI: 10.13187/vs.2016.13.112
www.ejournal6.com

Articles and Statements

UDC 94(47).084.8(470.61)

The Plans of the Parties and the Balance of Forces on the Southern Wing of the Soviet-German Front on the Eve of Spring - Summer 1942 Campaign

Vladimir I. Afanasenko

Institute of Social-Economic Research and Humanities, Russian Federation
 Southern Scientific Centre, Russian Academy of Sciences

Abstract

In the summer campaign of 1942 both warring sides were planning offensive operations with strategic goals. Stavka expected during successive operations from south to north to break the main enemy grouping in the Crimea, Donbass, in the direction of Moscow, Leningrad unlock. The German command was preparing a major impact on the southern wing of the Soviet-German front.

For this it was quantitatively and qualitatively enhanced the southern group of German troops, sent here as the main forces of the Allies, Romanian, Hungarian and Italian troops, two divisions of the Slovaks. The Soviet command of the Bryansk, South-Western and Southern Fronts failed to reveal the direction of the main Wehrmacht forces and organize defenses in the offensive zone percussion groups of forces of Germany and its allies troops.

Keywords: the Great Patriotic War, the quality and quantity of the USSR troops, Germany, Romania, Hungary, Italy, on the southern wing of the Soviet-German front in June 1942.

Введение

Тема о планах и соотношении сил противоборствующих сторон накануне летнего наступления 1942 года немецких войск и их союзников на южном крыле советско-германского фронта остается до настоящего времени предметом острых дискуссий историков и военных специалистов и сохраняет свою актуальность. Анализ архивных источников, мемуаров и исследований по этой теме показывает, что только количественного насыщения армии личным составом и бронетехникой, обеспечивающей полуторное или даже двойное превосходство над противником, недостаточно. Организационные и структурные изменения сухопутных войск и ВВС СССР, направленные на повышение огневой мощи пехоты, создание танковых и кавалерийских корпусов путем объединения существующих и формируемых танковых бригад и легких кавалерийских дивизий, создание воздушных армий еще не обеспечивали качественного превосходства над противником. Наступательный вектор советской стратегии весной 1942 г. отодвинул на второй план вопросы создания мощных полевых оборонительных рубежей на участках вероятного наступления врага. Слабым звеном оставалась фронтовая и радиотехническая разведка, как и командные кадры армейского и фронтового уровня, умение делать правильные выводы

из полученной информации о противнике. Немецкое командование учло ошибки первого года войны на Восточном фронте и усилило пехоту противотанковыми средствами, а мобильные соединения – модернизированными танками и САУ, ПТО, позволившее нивелировать былое превосходство Т-34 и КВ. Немецкая разведка, в первую очередь воздушная, точно вскрыла места сосредоточения советских танковых и кавалерийских соединений, «нащупала» слабую полевую оборону в полосе армий Брянского и Юго-Западного фронтов.

Материалы и методы

Материалами для подготовки статьи стали: документы Центрального архива министерства обороны (Российская Федерация), мемуары и статьи советских и немецких военачальников, а также научные публикации послевоенного (советского) и современного периодов. В работе использованы историко-ситуационный, сравнительный и нарративный методы, которые предполагает изучение фактов в контексте изучаемой эпохи в совокупности с «соседствующими» событиями и фактами на принципах «историзма».

Обсуждение и результаты

Замысел Ставки ВГК на кампанию 1942 года состоял в том, чтобы последовательно осуществить ряд стратегических операций на разных направлениях, заставить противника распылить свои резервы, не дать создать ему сильную ударную группировку для отражения наступления ни на одном направлении. В связи с весенней распутицей наступательные операции планировалось проводить, по мере просыхания местности и грунтовых дорог, с юга на север. Харьковская наступательная операция должна была положить начало разгрому вермахта. Одновременно с нею планировалась наступательная операция в Крыму, где войска Крымского фронта имели задачу деблокирования осажденного Севастополя, затем, совместно с Приморской армией – очистить Крым от противника. Это открывало путь в Таврию, навстречу армиям Тимошенко и Малиновского, (по планам) – наступающим и громившим группу армий «Юг». После этого в наступление переходили войска Брянского фронта на Львовско-Курском направлении, а после, в середине лета, Западный и Калининский фронты должны были разгромить Ржевско-Вяземскую группировку. Заключительными операциями планировалась деблокада Ленинграда и выход армий Карельского фронта на линию государственной границы СССР от полуострова Рыбачий до Выборга. 1 мая 1942 года Верховный Главнокомандующий И.В. Сталин обратился к вооружённым силам с приказом № 130, в котором говорилось: «Приказываю... всей Красной Армии добиться того, чтобы 1942 год стал годом окончательного разгрома немецко-фашистских войск и освобождения советской земли от гитлеровских мерзавцев» [1].

5 апреля 1942 года верховный главнокомандующий и фюрер Адольф Гитлер подписал директиву № 41 на подготовку к летней кампании 1942 года. В разделе директивы, озаглавленной как «Главные операции на Восточном фронте», в частности, говорилось: «цель этой операции заключается в том, чтобы для овладения Кавказским фронтом разбить и уничтожить русские силы, расположенные западнее и севернее р. Дон... Если в ходе этих операций, особенно благодаря захвату неповрежденных мостов, представится возможность образовать предмостные плацдармы восточнее и южнее Дона, то таким случаем необходимо воспользоваться. Было бы особенно желательно захватить неповрежденные мосты хотя бы в самом Ростове, или другие, защищенные плацдармы южнее Дона, для дальнейшего ведения операций, запланированных на будущее. Для того, чтобы не дать возможности значительной части русских сил, расположенных севернее Дона, отступить через реку в южном направлении, необходимо, чтобы боевая группа, наступающая из района Таганрога в восточном направлении, усилила свой правый фланг танками и подвижными частями, в качестве которых в случае необходимости могут служить также импровизированные части [2]». Летняя кампания, спланированная верховным командованием Германии (ОКВ) как цепь последовательных операций на охват и окружение советских войск на южном крыле Восточного фронта с выходом на Волгу и Кавказ, имела пять этапов. Первый этап (операция «Блау») предусматривал разгром армий Брянского фронта и выход к Воронежу, с последующим поворотом подвижных соединений вдоль правого берега р. Дон на юг, в тыл войскам Юго-Западного и Южного фронтов.

Вторым этапом летней кампании было окружение и уничтожение армий Юго-Западного и Южного фронтов севернее Ростова-на-Дону (операция «Клаузевиц»).

К 28 июня 1942 г. на 800-километровом фронте, от Курска до Таганрога, стояла готовая к наступлению группа армий «Юг» и ждала сигнала. Она состояла из трех мощных ударных группировок: одна — в районе северо-восточнее Курска, другая — северо-восточнее Харькова (ее в Генштабе РККА именовали Волчанской) и третья — в районе Краматорска. Эти группировки должны были овладеть средним и нижним течением Дона и Волги и захватить Кавказ. Так как для осуществления крупной наступательной операции на юге не хватало сил, и резервов не было, немецкому командованию пришлось провести ряд организационных мероприятий. Для обеспечения операции "Блау" людьми и техникой немецкому командованию пришлось сократить 69 из 77 пехотных дивизий групп армий "Север" и "Центр". В них осталось по два батальона в полку (всего в дивизии шесть), а личный состав и вооружение трех пехотных батальонов от каждой дивизии были направлены в группу армий «Юг» на пополнение до штатной численности пехотных дивизий вермахта. В танковые дивизии, не участвовавшие в наступлении на юге, бронетехника не поставлялась. Имеющимися танками дивизии должны были укомплектовать только один батальон и ждать поступлений. Мотопехотные дивизии положенных им танков так же не получили. Все танки и штурмовые орудия новых модификаций отправлялись только на южный участок фронта. Для того чтобы восполнить недостаток производства танков, в войсках использовались противотанковые пушки на шасси устаревших и французских трофейных танков, имевшие слабую броневую защиту. Эти вынужденные мероприятия должны были повысить противотанковую оборону немецкого фронта. Группа армий «Юг» усилилась за счет только немецких соединений примерно с 20 до 68 дивизий. И эти дивизии, кроме трех пехотных, были полностью укомплектованы, либо пополнены до 85 % от штата. Вместе с соединениями, вновь сформированными или же пополненными на Западе и в Германии, в действующую армию на Востоке, в первую очередь на участки запланированного наступления, были присланы из Германии новые тысячи автомашин. Кроме автотранспорта были присланы 109 000 лошадей, в том числе примерно 60 тыс. лошадей были доставлены своим ходом, пройдя расстояние до 1000 км. 118 000 лошадей были дополнительно изъяты в оккупированных восточных областях, и, наконец, сверх этого, войска сами добывали себе лошадей в виде боевых трофеев. Из группы армий «Север» было переброшено командование и штаб 4-й танковой армии. Кроме того, в ходе операции от четырех союзных стран в полосу наступления прибыло около 50 дивизий, большей частью ограниченной, сравнительно с немецкими дивизиями, боеспособности, которые были организационно объединены в четыре армии: венгерскую, итальянскую и две румынские. Такое большое количество сил потребовало введения дополнительно еще одного штаба группы армий. С этой целью в начале наступления командование группы армий «Юг» было переименовано в командование группы армий «Б», а южная часть ее полосы была передана вновь сформированному командованию группы армий «А» [3]. В материально-техническом отношении командование группы армий «А» точно так же было полностью оснащено, хотя и с некоторыми ограничениями. В некоторых пехотных соединениях продолжал оставаться небольшой некомплект в легком и тяжелом пехотном оружии. Такое же положение было и в отношении укомплектованности противотанковыми средствами, мощь которых значительно увеличилась в связи с введением на вооружение новой 75-мм тяжелой противотанковой пушки. Конский состав был полностью пополнен, хотя зачастую вместо положенных по штату лошадей-тяжеловозов имелись обычные лошади. Кроме того, на выносливости конского состава, которым были оснащены некоторые части, отрицательно сказались ограниченные возможности по уходу за лошадьми и отсутствие возможностей для предоставления им отдыха. Вследствие поставок автомашин укомплектованность ими частей достигла не менее 85 % от штатных норм [4].

К июню 1942 года для проведения летнего наступления в составе группы армий "Юг" имелось 9 танковых дивизий (3-я, 9-я, 11-я, 13-я, 14-я, 16-я, 22-я, 23-я и 24-я). По директиве Генерального Штаба вермахта от 18 февраля 1942 года, в ходе подготовки к летней кампании в этих танковых дивизиях танковые полки впервые перешли с двух — на трех батальонную организацию. В каждом их трех батальонов имелось по две роты легких танков

и одной роты средних танков. В Германии танки делились на легкие, средние и тяжелые не по массе, а по калибру орудия. С 1942 года к легким относились танки с орудием калибром менее 75-мм, средние танки - орудие калибра 75-мм, а тяжелые - калибр орудия выше 75-мм. Танковые полки вышеуказанных дивизий были укомплектованы полностью. Оставался лишь некомплект в частях, на вооружении которых находились устаревшие танки типа Т-II, производство которых промышленностью было прекращено в июле 1942 г. Оснащение танка Т-IV длинноствольной пушкой значительно увеличило его боевую мощь. Одна из рот мотоциклетного батальона, две усиленные роты при одном из мотопехотных батальонов и одна саперная рота получили на вооружение вездеходные полугусеничные бронетранспортеры. Мотопехотная бригада была усилена одной ротой самоходных зенитных установок (12 20-мм зенитных пушек Flak-38 «Эрликон»), а дивизионная артиллерия — зенитным дивизионом РГК, состоящим из двух батарей 88-мм и одной батареи 20-мм зенитных пушек. Разведывательные батальоны были расформированы. Для ведения разведки мотоциклетному батальону была придана рота разведывательных танков. Средства тяжелой артиллерии смогли быть пополнены лишь до 75 % штатной нормы [5]. Противотанковая артиллерия танковой дивизии Вермахта была представлена сорока восемью орудиями двух типов – 37-мм Pak-35/36 и 50-мм Pak-38. Последние были новейшим образцом противотанковой артиллерии Вермахта, способным бороться с Т-34 и КВ. Однако их было еще немного, и основную массу противотанковой артиллерии танковой дивизии Вермахта составляли 37-мм Pak-35/36. Помимо собственных средств борьбы с танками противника, дивизия, как правило, располагала приданными зенитками, формально подчинявшимися Люфтваффе. Как 20-мм и 37-мм автоматические пушки, так и широко известные 88-мм зенитки Flak36 подразделений Люфтваффе широко применялись для борьбы с советскими танками. Помимо использования по своему прямому назначению (против танков), противотанковые пушки использовались немцами для сопровождения танковой атаки. Орудия занимали статичные позиции на переднем крае и после перехода танков в атаку вели огонь по проявляющим себя противотанковым орудиям и пулеметам противника. Расчеты противотанковых пушек обладали лучшим обзором, чем танкисты в раскачивающемся на ухабах тесном танке, и могли резко повысить эффективность действий подразделения в целом. Кроме танковых частей, к проведению операции "Блау" привлекалось десять дивизионов штурмовых орудий, имевших более 150 StuG III (Штурмгещюц) [6]. Из них большую часть составляли штурмовые орудия StuG III Ausf.F, вооруженные 75-мм орудиями StuK-40 (с длиной ствола в 43 калибра). Эти самоходки также могли успешно бороться с Т-34 и КВ. Для проведения операции «Блау» привлекалось 6 моторизованных дивизий — 3-я, 16-я, 29-я, 60-я, «Великая Германия ("Grossdeutschland")» и 5-я моторизованная дивизия СС «Викинг» («Wiking»). Моторизованные (мотопехотные) дивизии впервые получили в штат один танковый батальон, состоявший из двух рот легких и одной роты средних танков (54-55 машин). Дивизия «Викинг» получила танковый батальон в конце апреля 1942 г. Разведывательные батальоны дивизий были расформированы. Для ведения разведки мотоциклетный батальон был усилен одной ротой разведывательных танков. Моторизованные полки получили дополнительно по одной роте 20-мм зенитных орудий, артиллерия была усилена зенитным дивизионом РГК, так же, как и танковая дивизия. В истребительных противотанковых артиллерийских дивизионах две роты были оснащены 76,2мм трофейными советскими противотанковыми пушками на самоходных лафетах. Моторизованная дивизия «Великая Германия» имела по сравнению с остальными моторизованными дивизиями лучшее тяжелое вооружение. Ее моторизованные полки получили в большем количестве тяжелое оружие; танковый батальон состоял из трех рот средних танков. Кроме того, дивизия дополнительно получила дивизион штурмовых орудий трехбатарейного состава (18 САУ StuG III «Штурмгещюц»).

Высокая комплектность подвижных соединений для «Блау» была достигнута путем «потрошения» танковых дивизий группы армий «Центр», из которых были изъяты восемь танковых батальонов со всей материальной частью и личным составом. Так, по третьему танковому батальону получили: 9-я танковая дивизия – из 3-го танкового полка 2-й танковой дивизии; 11-я танковая – из 35-го полка 4-й танковой дивизии; 13-я танковая – из 29-го танкового полка 12-й дивизии; 14-я танковая – из 7-го полка 10-й танковой; 16-я танковая – из 10-го полка 8-й танковой; 3-я, 16-я, 29-я и 60-я моторизованные дивизии

получили по батальону танков из 1-й, 17-й и 18-й танковых дивизий. Также выделенные для «Блау» дивизии в первую очередь получали модернизированные танки Pz.III и Pz.IV с длинноствольными орудиями, которые позволили немецким танкистам на равных вести бой с Т-34 и КВ. В летнем наступлении на Кавказ и Сталинград участвовали: 177, 191, 197, 201, 203, 209-й и 210-й батальоны штурмовых орудий. Мотоциклетный батальон танковой и моторизованной дивизий насчитывал 1078 человек личного состава, девять противотанковых ружей, пятьдесят восемь ручных пулеметов, четырнадцать станковых пулеметов, девять 50-мм и шесть 81-мм минометов, три 37-мм противотанковых и два 75-мм легких пехотных орудия. Транспортные средства батальона включали 137 автомашин, 196 мотоциклов с коляской и 71 – без коляски. По сути своей это был мотострелковый батальон на мотоциклах, то есть вместо грузовиков в мотоциклетном батальоне пехотинцы усаживались на мотоциклы и при необходимости вели бой в пешем порядке, используя мотоциклы лишь как транспорт. Соответственно каждое отделение пехоты из девяти человек перевозилось на трех мотоциклах с коляской и вооружалось одним ручным пулеметом, шестью карабинами и одним пистолетом-пулеметом (у командира отделения). Кроме танков, штурмовых орудий и броневых автомобилей на вооружении Вермахта имелось большое количество различной бронетехники вспомогательного назначения. Для артиллерийских частей выпускались машины передовых артиллерийских наблюдателей – колесно-гусеничные Sd.254. Для буксировки артиллерийских орудий использовались главным образом полугусеничные тягачи, но также гусеничные и колесные тягачи, в том числе и трофейных образцов, использовались тракторы немецкого производства и тяжелые тракторы французского производства. В саперных батальонах некоторых танковых дивизий использовались мостокладчики, смонтированные на шасси танков Pz.I, Pz.II и Pz.IV. Для буксировки артиллерийских орудий, перевозки пехоты и доставки грузов использовались грузовые автомобили немецкого, чехословацкого, французского, бельгийского производства, а также итальянские Фиат 618-СМ, производившие в Польше по лицензии и доставшиеся немцам в качестве трофеев. В дополнение к колесным грузовикам, в 1942 году специально для Восточного фронта были разработаны и запущены в производство полугусеничные грузовые автомобили Sd.3a, Sd.3b, Sd.3c и Sd.4 получившие общее название "Maultier" ("Мул"). Эти машины предназначались для транспортировки грузов по дорогам СССР, на которых колесные машины передвигались с трудом. Поскольку танковые и моторизованные дивизии предназначались для ведения наступления на решающих направлениях и, кроме того, должны были обеспечивать его непрерывность, их боеспособность самыми энергичными мерами была доведена до максимального уровня. Полностью пополненные и укомплектованные пехотные, егерские и горнострелковые дивизии по боеспособности примерно соответствовали пехотным, егерским и горнострелковым дивизиям, имевшимся в сухопутных силах на 22 июня 1941 г. Части резерва ОКХ, за исключением артиллерийских дивизионов, саперных батальонов и примерно 20 мостостроительных батальонов, а также артиллерии, действовавших под Севастополем, были полностью пополнены и укомплектованы до штата. Если разделить общую численность войск на количество имевшихся дивизий, то на каждую дивизию приходилось в среднем 15 231 человек личного состава.

В полосе от Курска до Таганрога было сосредоточено около 900 тысяч солдат и офицеров, 1260 танков, свыше 17 тысяч орудий и минометов, 1640 боевых самолетов [7]. Вместе с тем на Московском направлении противник продолжал держать достаточно сильную группировку войск. На участке фронта от Холма до Орла он имел 67 дивизий, из них 57 пехотных, 9 танковых и 4 моторизованных или 28,3 % пехотных и 38,8 % танковых и моторизованных соединений. В справке «О состоянии вооруженных сил Германии во Второй мировой войне», подготовленной ГРУ ГШ КА в 1947 года, численность действующей армии Германии на советско-германском фронте на 1.7.42 г. – 5655000 (в тылу Германии – 3380000), вооружение (расчетно-документальные данные): орудий – 31 тыс.; танков – 6,5 тыс. (в Германии – 8,5 тыс.), самолетов – 3,4 тыс. шт. [8]. В энциклопедии «История Второй мировой войны (1939-1945)» численность в 5 655 000 чел. войск Германии на советско-германском фронте указана на 28 июня 1942 года [9]. На 1 мая 1942 г. этот труд военных историков указывает численность немецко-фашистских войск на советско-германском фронте, равную 6198 000 чел., в том числе: немецкие соединения – 5388 000,

финские – 300 000, румынские – 330 000, венгерские – 70000, итальянские – 68 000, словацкие – 28000, испанские – 14000. Мюллер-Гиллебранд в цитируемом справочнике «Сухопутные войска Германии» указывает, что численность личного состава действующей армии (без войск СС) на 1 июля 1942 г. на Востоке составляла 2847 тыс. чел. (173 дивизии), прочие войска (войска связи, железнодорожные, охранные войска, служба снабжения) – 130 тыс. чел., при общей численности 3948 тыс. чел. (226 дивизий). Таблица боевого состава вермахта на советско-германском фронте летом 1942 года (по немецким данным):

	июнь	июль	август
ГА «Север»	509 041	525 748	582 603
ГА «Центр»	755 789	729 602	870 819
ГА «Юг», в т.ч.	1 141 187	1 210 861	1 120 508
ГА «А» (с 9.7)		612 483	460 415
4ТА	141 013	85 643	в ГА «Б»
1ТА	170 515	226 688	155 848
17А	167 525	135 504	202 040
11А	166 010	164 648	102 527
4ТА	ГА «А» с 13.7	105 792	

В таблице не учтены части РГК в подчинении групп армий, резервы ОКХ, войска союзников и инациональные соединения. Данные по численности и вооружению оценивают силы вермахта и не учитывают численность и вооружение войск союзников, а также трофейную военную технику оккупированных стран и захваченную в боях с Красной Армией. Трофейная техника, особенно танки и артиллерия, позволяла вермахту создавать иллюзию непобедимости, занижая свои боевые потери. Не учтены и авиаполевые дивизии, которые относились к люфтваффе, хотя широко использовались для защиты аэродромов, а также служили подвижным резервом ОКВ. В летней кампании на юге России участвовали многочисленные войска союзников, хотя и менее боеспособные, чем войска вермахта. Они двигались за ударными немецкими дивизиями и очищали захваченную территорию от оказавшихся в тылу наступающих немцев остатков, советских войск, а также выполняли охранные функции, освобождая немецкие части для дальнейшего движения вперед. Наиболее крупную группировку предоставила Румыния. Ее войска, поддерживая части вермахта с июня 1941 года от южных границ Советского Союза, к 1 августа 1942 г. насчитывали 32 дивизии и бригады, 41734 офицеров и унтер-офицеров, 631333 солдат. Большая часть этих войск в составе 3-й и 4-й румынских армий участвовала в летнем наступлении на юге. Часть румынских войск находилась в Крыму и в дальнейшем также участвовала в боях на Северном Кавказе. Румынская танковая дивизия имела 122 танка, в основном устаревших типов, а также пополнялась трофейными советскими танками.

2-я венгерская королевская армия генерал-полковника Густава Яни, входившая в состав группировки "Вейхс", насчитывала 205 000 человек личного состава, 107 танков, 90 самолетов. В армию входили 3-й армейский корпус (6, 7, 9-я легкопехотные дивизии), 4-й армейский корпус (10, 12, 13-я легкопехотные дивизии), 7-й армейский корпус (19, 20, 23-я легкопехотные дивизии) и 1-я венгерская танковая дивизия. Каждая легкая венгерская

дивизия 6-ти батальонного состава имела на вооружении: 362 станковых и ручных пулемета, 74 миномета, 32 полевых орудия, 46 противотанковых и 6 зенитных пушек. Танковая дивизия была оснащена танками 38(t) (бывший чехословацкий LT-38), немецкими средними танками Т-III и Т-IV, а также венгерскими легкими танками «Толди», бронетранспортерами «Чаба» (Csaba) и самоходными орудиями «Нимрод» (Nimrod).

8-я итальянская армия (АРМИР) под командованием генерала армии Итало Гариболди состояла из трех корпусов, имевших в общей сложности 5 пехотных, 3 горные, 1 мотопехотную, 1 охранную дивизии, 2 пехотные и 1 кавалерийскую бригады. Общая численность итальянских войск составляла 229 000 человек, имевших на вооружении 2906 орудий и минометов, 4394 пулемета, 74 танка и САУ (55 легких танков L6/40, 19 САУ Semovente 47/32), 100 самолетов, 16700 автомобилей, 1130 тракторов, 25 000 лошадей и мулов. Бывший экспедиционный корпус в составе двух пехотных дивизий – 9-й «Пасубио» и 52-й «Торино» и 3-й подвижной дивизии "Имени принца Амедео, герцога Д'Аосты", по прозвищу «Челере» (Быстрая), принял название 35-го армейского корпуса. Во 2-й армейский корпус вошли три пехотные дивизии: 2-я «Сфорцеска», 3-я «Равенна», 5-я «Коссерия». Альпийский корпус насчитывал три горнострелковых дивизии: 2-я «Тридентина», 3-я «Юлия» и 4-я «КуэнENZE». 156-я пехотная дивизия «Винченца» и две бригады фашистской милиции (чернорубашечников) – «3 января» и «23 Марта», как и отдельная кавалерийская бригада генерала Гильермо Барбо, действовали самостоятельно или придавались на усиление тому или иному корпусу. 7 июня 35-й итальянский корпус вошел в подчинение 17-й полевой армии вермахта. 16 июня 1942 г. из Италии прибыли управления 8-й армии, 2-го армейского корпуса, пехотные дивизии "Равенна" и "Сфорцеска". С 12 по 21 июля 1942 г. прибыли пехотная дивизия "Коссерия", пехотная бригада "23 марта" и кавалерийская бригада "Барбо", а 25 июля - управление горнострелкового корпуса, в течение 28-30 июля – 2-я горнострелковая дивизия "Тридентина". К 28 июля 1942 г. 8-я итальянская армия выдвинулась на рубеж Белогорье, Серафимовичи, где сменила дивизии немецкого 29-го армейского корпуса. На донском рубеже 8-я итальянская армия находилась до 16 декабря 1942 г. До выхода к р. Дон и получения итальянской армией собственного участка фронта, ее войска находились в оперативном подчинении командования 17-й полевой армии вермахта. Три дивизии ("Челере", "Равенна", "Сфорцеска") наступали из района Дебальцево, Чистяково, действуя в первом эшелоне, на левом фланге 17-й армии. В состав 17-й полевой армии входили также словацкие моторизованная и охранная дивизии. Венгерская, итальянская и румынские армии были усилены немецкими частями резерва ОКХ. Периодически, по необходимости, им передавались в подчинение также немецкие дивизии. При штабах армий и штабах корпусов союзников имелись немецкие оперативные штабы связи и оперативные группы связи.

В целом к 28 июня 1942 г. противник создал на южном крыле советско-германского фронта благоприятную для себя оперативную обстановку. Была сосредоточена мощная ударная группировка, на направлении главного удара достигнуто значительное превосходство в силах и средствах. Начальник Генерального штаба Сухопутных войск Германии Франц Гальдер 20 июня 1942 года в своем дневнике записал: «Противник в целом перешел к обороне. На переднем крае у него весьма незначительное количество войск, и в данное время – это, прямо-таки, рискованно. Подвижные части противника сосредоточены во втором эшелоне»[10]. В 4-й танковой армии армейской группы «Вейхс» вместе с приданными частями насчитывалось около 250 тыс. человек, 799 орудий полевой артиллерии, 378 противотанковых пушек, 252 миномета, а также 828 зенитных орудий всех калибров. Ударная сила группы состояла из 733 танков и 70 штурмовых орудий. В ближайшем резерве находились еще две немецких и пять венгерских дивизий, а также 1-я венгерская танковая дивизия, имевшая на вооружении 8 командирских Т-1, 102 чешских 38(t) и 22 Т-2. Таким образом, германское командование армейской на этом участке дополнительно могло ввести в сражение еще восемь дивизий, одна из которых была танковой. Соотношение сил было не в пользу войск 13-й и 40-й армий Брянского фронта. По пехоте противник превосходил в два раза, по артиллерии в 2,5 раза. На участке прорыва враг создал тройное превосходство по пехоте и артиллерии и шестикратное по танкам [11]. К началу летнего наступления южный фланг германских войск подчинялся штабу "Азов".

Его силы составляли: 1-я танковая армия на рубеже: (иск) Купянск, Каганович; в составе: группа «Штрекер» (11-й немецкий и 6-й румынский армейские корпуса), 44-й армейский, 3-й танковый, 14-й танковый, 4-й армейский корпуса. Разграничительная линия между 1-й танковой и 6-й полевой армиями и, одновременно, между береговым штабом "Азов" и группой армией "Юг" проходила: 5 км западнее Тарановка, Тарановка (южная часть), Андреевка (южная часть), Тарасовка (южная часть), Белолуцкая (центр), Кантемировка. 17-я армия занимала полосу: (иск) Каганович, побережье Азовского моря, имея в своем составе: 52-й армейский корпус, итальянский экспедиционный корпус, 49-й горный корпус, 57-й танковый корпус, Румынский кавалерийский корпус. Разграничительная линия между 17-й полевой и 1-й танковой армиями: Красноармейское (для 1ТА), полустанок Криго (3 км западнее г. Дзержинск), дача Глазовов (для 17А), Каганович (для 1ТА), Крымская (для 17А), р. Северский Донец до села Крушиловка. 11-я полевая армия генерал-полковника Э. фон Манштейна находилась в Крыму в составе: 42-й, 30-й, 54-й армейские корпуса, румынский горный корпус. К началу операции «Блау» группа армий «А» еще заканчивала пополнение своих дивизий после боев под Харьковом и в Крыму и сосредоточение вновь прибывающих дивизий.

Немецкое командование упредило в развертывании своей наступательной группировки (армейская группа «Вейхс» и 6-я полевая армия) советские войска Брянского и Юго-Западного фронтов, которые не завершили полностью построение главной полосы обороны, а на отдельных участках Юго-Западного фронта – еще только поспешно переходили к обороне на слабо подготовленных в инженерном отношении рубежах. В переговорах командования Брянского фронта с командованием 40-й армии перед началом немецкого наступления есть поразительная деталь: “С Касторненского склада ВТС (военно-технического снабжения – АВИ) №1803 40-я армия получила 14 тысяч штук противотанковых мин без муфт. Мины к употреблению не годны [12]”. И это – накануне наступления ударной группировки врага, состоящей из трёх танковых, трёх моторизованных и нескольких пехотных дивизий именно на фронте 40-й армии! 24 июня, за четыре дня до наступления основных сил 4-й танковой армии Германа Гота в полосе 40-й армии Брянского фронта, ее командующий, генерал-лейтенант Парсегов в переговорах с командующим фронтом Ф.И. Голиковым сообщает: "Мне крайне необходимо 3–5 тысяч винтовок, так как у меня в войсках имеется невооруженная пехота". На это Голиков отвечает ему: "К сожалению, винтовок нет. Как только поступят, немедленно будут вам даны [13]". Успел ли Михаил Артемьевич Парсегов за оставшиеся три дня до начала ожесточенных боев получить винтовки для своей невооруженной пехоты?

Разведка. О планах немецкого командования на южном крыле Восточного фронта на лето 1942 г. уже в апреле сообщили советскому руководству наши разведчики из «Красной Капеллы». Сообщения поступали также из Лондона, где англичанам удалось расшифровать код «Энигма». Проанализировав все сообщения, в том числе и войсковой разведки фронтов, в Генштабе РККА и в Ставке ВГК пришли к выводу, что наибольшую угрозу представляет немецкое наступление в полосе Брянск-Курск, войсками группы армий «Центр». Поэтому основные резервы сосредотачивались на центральном участке советско-германского фронта для защиты Москвы. Определенную роль в принятии такого решения сыграл подброшенный немецкой разведкой план наступательной операции на столицу СССР – план «Кремль». Сроки начала операций «Блау» и «Кремль» совпадали по датам, что запутывало ситуацию еще сильнее.

19 июня, в 9 часов утра начальник оперативного отдела 23-й танковой дивизии майор Рейхель и пилот лейтенант Дехант на самолете “Физелер Шторх” (Аист) вылетели с аэродрома Харьков - Северный в штаб 17-го армейского корпуса. Из-за ошибки, допущенной летчиком, самолет очутился над нейтральной полосой и был сбит огнем артиллерии 21-й армии Юго-Западного фронта. Майор был убит, а его портфель с важнейшими документами, которые раскрывали цели и средства на первом этапе операции “Блау”, оказался в руках советского командования. Ознакомившись с содержанием, маршал Тимошенко понял, какие бесценные документы попали в руки и распорядился немедленно отправить их самолетом в Москву, лично Сталину. 20 июня портфель майора Райхеля оказался в Ставке ВГК, и Сталин смог лично просмотреть подлинники и прочесть их перевод. Но Верховный Главнокомандующий сомневался, не являются ли документы

фальшивкой абвера? Получив уникальную информацию о предстоящем наступлении противника на белгородско-воронежском направлении, Ставка ВГК, Генеральный штаб и Сталин не посчитали это направление главным, а восприняло его как одно из серии вероятных наступлений на всем фронте, как в 1941 г., и, в первую очередь, в полосе Брянского и Западного фронтов, на московском направлении. *Возможность наступления противника на Курско-Воронежском направлении всерьез не принималось ни в Ставке ВГК, ни в Генштабе РККА, ни в штабе Брянского фронта.*

Состояние войск РККА на южном крыле советско-германского фронта.

Серьезной реорганизации весной 1942 г. подверглись и советские танковые войска. Опыт наступательных операций РККА зимой 1941/42 г. доказал необходимость организационного массирования танков, создания крупных механизированных соединений. К лету появилась и материальная база — выпуск танков и другой боевой техники увеличился. Весной 1942 г. началось формирование 25 танковых корпусов, каждый в составе трех танковых и одной мотострелковой бригад, разведывательного батальона, зенитно-артиллерийского дивизиона, дивизиона реактивных минометов (8 установок РСЗО), а также подразделений материально-технического обеспечения (рота подвоза ГСМ, ремонтная рота и др.). По штату в корпусе предусматривалось иметь 5600 человек, 168 танков типа Т-34, Т-60, Т-70, 32 полевых орудия калибра 45-мм и 76-мм, 20 зенитных орудий калибра 37-мм, 44 миномета (82-мм и 120-мм), 8 установок реактивных минометов БМ-8 и БМ-13 («катюши»). В апреле - мае 1942 г. 11 танковых корпусов новой организации формировались на фронтах и 14 — в резерве Ставки ВГК. Новым в организационном строительстве танковых войск явилось создание танковых армий. По приказу Народного комиссара обороны от 29 мая 1942 г. танковая армия должна была иметь в своем составе три танковых корпуса, отдельную танковую бригаду, одну-две стрелковые дивизии и специальные части. Смешанный состав танковых армий обуславливался стремлением создать мощное оперативное объединение, обладающее большой ударной силой и способностью не только прорывать оборону, но и действовать в оперативной глубине противника.

Также весной и летом 1942 г. формировались отдельные танковые батальоны и бригады, предназначенные для непосредственной поддержки пехоты. Отдельные танковые батальоны создавались двух типов: в составе 29 танков (9 средних и 20 легких) и 36 танков (5 КВ, 11 Т-34, 20 Т-60). Отдельные танковые бригады в 1942 г. содержались по различным штатам с общим количеством от 46 до 53 танков. На их вооружении состояли тяжелые, средние и легкие танки. При такой организации возникли трудности при укомплектовании подразделений различными типами танков и организация ремонта и восстановления бронетехники в полевых условиях. На 1 мая в танковых войсках РККА имелось 25 танковых корпусов (некоторые из них входили в 3-ю и 5-ю танковые армии) в составе 75 штатных танковых бригад и 114 отдельных танковых бригад. На вооружении действующей армии находилось 4065 танков, из которых 1995 были легкими. Остальные танки с заводов поступали в части и соединения резерва Ставки ВГК. Количество танков по трем «южным» фронтам было неравномерным.

Распределение советских войск на 25 июня 1942 г. по фронтам южного стратегического направления было следующим: войска Брянского фронта (командующий генерал-лейтенант Ф.И. Голиков), оборонялись в 350-ти километровой полосе, от города Белёва, расположенного в Тульской области, на реке Оке, до верховьев Сейма. Своим правым крылом фронт прикрывал направление на Тулу и Москву, а левым крылом — на Воронеж, огибая захваченные немцами Орел, Шигры, Курск. Штаб фронта находился в 12 км юго-восточнее Ельца. Брянский фронт активно укреплялся Ставкой и имел, кроме 3-й, 48-й, 13-й, 40-й общевойсковых армий, два танковых корпуса и три отдельных танковых бригады. 61-я общевойсковая армия (командующий генерал-лейтенант П.А. Белов) численностью 83 824 человек 28 июня была передана в состав Западного фронта. В составе Брянского фронта остались 24 стрелковые и 6 кавалерийских дивизий, 10 стрелковых, 32 танковых, 7 мотострелковых и 3 истребительные бригады, 7 дивизионов бронепоездов (БЕПО). Численность боевого состава Брянского фронта на 25 июня 1942 года составляла: 3-я армия — 53 181 чел., 48-я армия — 60 631 чел., 13-я — 57 941 чел., 40-я армия — 80 427 чел., автобронетанковые войска (АБТВ) — 88 020 чел. Всего в составе фронта — 362 965 бойцов и командиров [14]. Во фронтовом подчинении находились: 1-й танковый корпус

(1-я гвардейская, 49-я, 89-я танковые и 1-я мотострелковая бригады), 16-й танковый корпус (107-я, 109-я, 164-я танковые и 15-я мотострелковая бригады), 7-й (11-я, 17-я, 83-я кавалерийские дивизии) и 8-й (21-я, 112-я кавалерийские дивизии) кавалерийские корпуса, 1-я гвардейская, 284-я стрелковые и 2-я истребительная дивизии, 106-я и 135-я стрелковые, 118-я, 157-я и 201-я танковые бригады. В полосе фронта также находился резерв Ставки ВГК - 5-я танковая армия под командованием генерал-лейтенанта танковых войск А.И. Лизюкова. Эта танковая армия, по директиве Ставки ВГК №170451 от 17 июня 1942 г., была переброшена в район северо-западнее города Ефремов из района Ельца для планируемого советским командованием наступления на Орел [15]. На 28 июня 5-я танковая армия имела в своем составе 2-й (26-я, 27-я, 148-я танковые, 2-я мотострелковая бригады) и 11-й (53-я, 59-я, 160-я танковые, 12-я мотострелковая бригады) танковые корпуса, 19-ю отдельную танковую бригаду общей численностью 27 462 человек личного состава и 480 боеготовых танков. 25 июня был передан Брянскому фронту из Юго-Западного 17-й танковый корпус в составе 66-й, 67-й, 174-й танковых и 31-й мотострелковой бригад. Два кавалерийских корпуса размещались следующим образом: 7-й корпус — в тылу 61-й армии на восточном берегу Оки, а 8-й — в тылу 3-й армии в районе Ефремова. Войска 3-й общевойсковой армии генерал-лейтенанта П.П. Корзуна в составе 60-й, 137-й, 240-й, 269-й, 283-й и 287-й стрелковых дивизий, 104-й и 134-й стрелковых, 79-й, 150-й, 201-й танковых бригад и 48-й общевойсковой армии генерал-майора П.А. Халюзина в составе 6-й гвардейской, 8-й, 211-й, 280-й стрелковых и 55-й кавалерийской дивизий, 118-й и 122-й стрелковых, 80-й и 202-й танковых бригад, а также основные фронтовые резервы и резервы Ставки ВГК противостояли южному флангу группы армий "Центр", прикрывая направление на Москву, и только 13-я и 40-я общевойсковые армии держали оборону в полосе наступления ударной группировки армий "Юг".

На оборонительный рубеж, построенный в тылу войск Брянского и Юго-Западного фронта по линии Б. Верейка, Турово, Алексеевка, Ровеньки, Мостки, Трехизбенка), в конце июня и в начале июля были выдвинуты части 75-го, 53-го, 117-го, 118-го и 74-го укрепленных районов. Эти немалые силы готовились Генштабом РККА для так и не состоявшегося наступления с целью разгрома немецкой группировки в районе Орла и Курска. Наступление советских войск намечалось на Орел сначала на 10-12 мая, потом было перенесено на 20 мая, но из-за поражения под Харьковом наступательные задачи Брянскому фронту. Ставкой были отменены и поставлена задача создать в полосе фронта глубоко эшелонированную оборону. По воспоминаниям начальника штаба Брянского фронта генерала М.И. Казакова: "Из захваченной нами директивы командира 40-го танкового корпуса немцев мы узнали, что противник намеревается начать наступление... Штаб фронта, армейские штабы и войска готовились к этому. Тщательно отработывали взаимодействие, особенно на стыке 13-й и 40-й армии. Командарм — 40 генерал-лейтенант артиллерии М.А. Парсегов — человек увлекающийся, у него порой не хватало терпения на детальный анализ обстановки. Мне и сейчас помнится один его разговор с командующим фронта. - Как оцениваете свою оборону? — спросил Ф.И. Голиков. - Мышь не проскочит, - уверенно ответил командарм [16]". "Отработав взаимодействие", штаб Брянского фронта спокойно продолжил подготовку... к наступлению. Поэтому и оборона советских войск была снова "активной": даже первый оборонительный рубеж не успели оборудовать полностью, второй полосы, как правило, не было вовсе. Артиллерия и небольшие резервы равномерно распределялись по всему фронту. Отражать возможные наступления противника предполагалось контрударами танковых соединений. Возможности для этого имелись. В середине июня в составе Брянского фронта насчитывалось свыше 1500 танков, в том числе 780 вполне современных боевых машин. Поскольку считалось, что немцы, как и в 1941 году будут наносить удар в направлении Мценск, Тула, то наиболее сильная группировка танков — 5-я танковая армия (2-й, 7-й, 11-й танковые корпуса, 19-я отдельная танковая бригада — всего 556 танков) находилась на правом фланге фронта и готовилась к нанесению контрудара на Чернь. В своих мемуарах Казаков сообщает, что ночь на 28 июня он провел за разработкой плана орловской наступательной операции: "Мы настолько вжились в этот план, что порою представляли себе различные его варианты как реальные события [17] ". Спланированные немецким командованием действия группы "Вейхса" приходились на южную половину участка Орел — Курск. Против 55-го армейского корпуса и группы "Вейхс" (немецкие 11 пехотных,

3 танковых, 3 моторизованных дивизии и 1 моторизованной бригады "СС"; 2 венгерская армия) на 180-километровом участке фронта, на участке от Ливен до Ржавы, оборонялись две армии Брянского фронта: 13-я армия генерал-майора Н.П. Пухова – в полосе Трудки, (иск) Долгое; 40-я армия генерал-лейтенанта артиллерии М.А. Парсегова – в полосе Долгое, (иск) Ржава. Разграничительная линия между ними проходила в 15–20 км севернее железной дороги Курск – Воронеж. В составе 13-й армии находилось пять стрелковых дивизий и одна танковая бригада. В первом эшелоне, на фронте в 70 км, оборонялись 132-я, 148-я и 15-я Сивашская стрелковые дивизии и 635-й стрелковый полк 143-й дивизии, во втором эшелоне армии находились 307-я и 143-я (без 635-го полка) стрелковые дивизии, 129-я танковая бригада. Рядом располагалась 109-я отдельная стрелковая бригада, которая была в резерве Брянского фронта. В район Воротынска, на стык с 48-й армией был выдвинут 1-й танковый корпус генерал-майора танковых войск М.Е. Катуква из резерва Брянского фронта. В составе 40-й армии находилось 6 стрелковых дивизий, 2 танковые и 3 стрелковые бригады. В первом эшелоне, на фронте в 110 км, оборонялись 121-я, 160-я, 212-я, 62-я и 45-я стрелковые дивизии. Фронт обороны этих дивизий был очень растянут, составляя, в среднем, 24 км. В их тылу находились 14-я и 170-я танковые бригады, предназначенные для контратак в тактической зоне обороны. Во втором эшелоне, на рубеже реки Кшень, в 40–60 км от переднего края, развернулись 111-я и 119-я стрелковые бригады, а южнее их, на этой же линии – 6-я стрелковая дивизия и 141-я стрелковая бригада. В оперативной глубине, в районе Касторная, была сосредоточена 284-я стрелковая дивизия из фронтового резерва, усиленная отдельным артиллерийским полком и 4-й истребительно-противотанковой артиллерийской бригадой из состава 1-й истребительной противотанковой дивизии. Там же сосредотачивались 115-я и 116-я отдельные танковые бригады из фронтового резерва. Для боевых действий в полосе 40-й армии предназначались два танковых корпуса. 16-й танковый корпус генерал-майора танковых войск М.И. Павелкина был выведен в район станции Волово, к реке Кшень, на стык с 13-й армией. 4-й танковый корпус генерал-лейтенанта танковых войск В.А. Мишулина, который до 20 июня находился в подчинении Юго-Западного фронта, неоднократно менял дислокацию и лишь 20 июня был направлен к Старому Осколу из района села Больше-Троицкое Курской области [18]. Всего 13-й и 40-й общевойсковым армиям придавалось семь танковых бригад (170-я, 14-я, 129-я, 80-я, 150-я, 79-я, 202-я), имевших в июне 566 танков (380 Т-34 и 186 КВ-2) [19].

Войска Юго-Западного фронта маршала Советского Союза С.К. Тимошенко оборонялись на участке в 330-км, от верховья р. Сейм и далее по линии Покровка, Белгород, Купянск, Красный Лиман (45 км юго-восточнее Изюма). В состав Юго-Западного фронта входили 21-я, 28-я, 38-я, 9-я общевойсковые армии и 3-я гвардейский кавалерийский корпус, всего 32 стрелковых и 6 кавалерийских дивизий, 24 танковых, 3 мотострелковых, 6 истребительных бригад, 5 укрепрайонов, 5 отдельных танковых батальонов, 2 отдельных мотоциклетных батальона, 5 отдельных дивизионов бронепоездов. Все четыре армии и 3-й гвардейский кавалерийский корпус (5-я, 6-я гв. кд, 32 кд) находились в первом эшелоне. В резерве командующего фронтом были: 4-й (45-я, 47-я, 102-я танковые и 4-я мотострелковая бригады) и 24-й (4-я гвардейская, 54-я, 130-я танковые и 24-я мотострелковая бригады) танковые корпуса, сосредоточенные в районе города Новый Оскол, а также 14-й танковый корпус (138-я и 139-я танковые бригады) – в районе северо-восточнее Кременной, 133-я отдельная танковая бригада, 304-я и 333-я стрелковые дивизии в районе восточнее Сватово, а также 244-я стрелковая дивизия – в районе Старобельска. Полевое управление 57-й армии, передав свои войска в состав 38-й и 9-й армий, было выведено в резерв фронта. Во фронтовом подчинении находились также 9-я гвардейская, 103-я и 300-я стрелковые дивизии, 1-я истребительная дивизия в составе 1-й, 2-й и 5-й истребительных бригад, 11-я, 13-я, 15-я истребительные бригады, 57-я, 58-я, 84-я, 88-я, 158-я танковые и 21-я мотострелковая бригады. 300-я стрелковая дивизия была расформирована 30 июня. Части фронта, после майских и июньских боев, имели большой некомплект личного состава, вооружения и боевой техники. Численность боевого состава войск фронта на 25 июня 1942 года составляла 609 699 бойцов и командиров (данные по 21-й и 28-й армиям – на 20.06.42 г.). 21-я армия (командующий генерал-майор В.Н. Гордов) держала оборону в 120-километровой полосе, от станции Ржава до Николаевки. В армию входили: 76-я, 124-я, 226-я, 227-я, 293-я, 297-я, 301-я, 343-я, 8-я НКВД стрелковые дивизии, 10-я

танковая бригада и 13-й танковый корпус (85-я, 167-я танковые и 20-я мотострелковая бригады). Численность личного состава армии в боевых частях составляла, по данным на 20 июня, 48007 человек [20]. 28-я армия генерал-лейтенанта Д.И. Рябышева, закончив 26 июня оборонительные бои, закреплялась на новом рубеже обороны западнее города Валуйки протяженностью в 70 км, от Николаевки до Двуречной. В армию входили 13-я и 15-я гвардейские, 38-я, 169-я, 175-я стрелковые дивизии, 23-й танковый корпус (6-я гвардейская и 14-я танковые, 9-я мотострелковая бригады), 65-я, 90-я, 91-я отдельные танковые бригады. Боевой состав армии, по данным на 20 июня, составлял 77232 человек [21]. 38-я армия (командующий генерал-майор артиллерии К.С. Москаленко) закончила 26 июня отход после тяжелых боев на рубеж обороны по восточному берегу р. Оскол восточнее Купянска протяженностью 50 км, от Двуречной до станции Боровая. В составе армии были 162-я, 199-я, 242-я, 277-я, 278-я стрелковые дивизии, 22-й танковый корпус (3-я, 13-я, 36-я танковые бригады), 156-я, 159-я, 168-я танковые и 22-я мотострелковая бригады. Боевой состав армии, по данным на 1 июля, составлял 50 456 чел. [22]. 9-я армия под командованием генерал-лейтенанта А.И. Лопатина, в составе 51-й, 81-й, 106-й, 140-й, 255-й, 296-й, 318-й стрелковых дивизий, 5-го кавалерийского корпуса (30-я, 34-я, 60-я кавдивизии), 18-й и 19-й истребительных бригад, 12-й танковой бригады, 71-го и 132-го отдельных танковых батальонов, держала оборону в полосе Боровая, Красный Лиман. Численность армии составляла 96 053 человек личного состава [23]. 57-я армия генерал-майора Д.Н. Никишева, кроме полевого управления, имела в своем подчинении только 5 отдельных инженерных батальонов. Кроме того, командующий Юго-Западным фронтом маршал С.К. Тимошенко имел в своем распоряжении 52-й, 53-й, 117-й, 118-й, 74-й укрепленные районы (УРы), в которых было тридцать два отдельных пулеметно-артиллерийских батальона (ОПАБ). Оборудование полосы УРов в тылу армий Юго-Западного фронта заканчивалось, что давало командованию фронта реальные возможности для прочного удержания занимаемых позиций. Однако неправильная оценка группировки противника, неточное определение направления главного удара, неглубокое построение фронта и армий, отсутствие подготовленных оборонительных рубежей – все это значительно снижало шансы на успех оборонительной операции фронта. В штабе Юго-Западного фронта, неправильно оценив группировку противника, считали, что противник в полосе фронта имеет 18 пехотных дивизий и 3 пехотные бригады, т.е. на 6 дивизий меньше, чем было. Поэтому основные усилия фронта сосредотачивались в центре и на левом крыле. Кроме этого, 29 июня 1942 года 4-й и 24-й танковые корпуса были переданы в подчинение Брянскому фронту, что еще более оголило правый фланг фронта. Войска Тимошенко оборонялись со средней плотностью около 9 км на одну стрелковую дивизию, на центральном участке плотность достигала 6-8 км, а на правом крыле, в полосе 21-й армии, на одну дивизию приходилось до 13 км фронта.

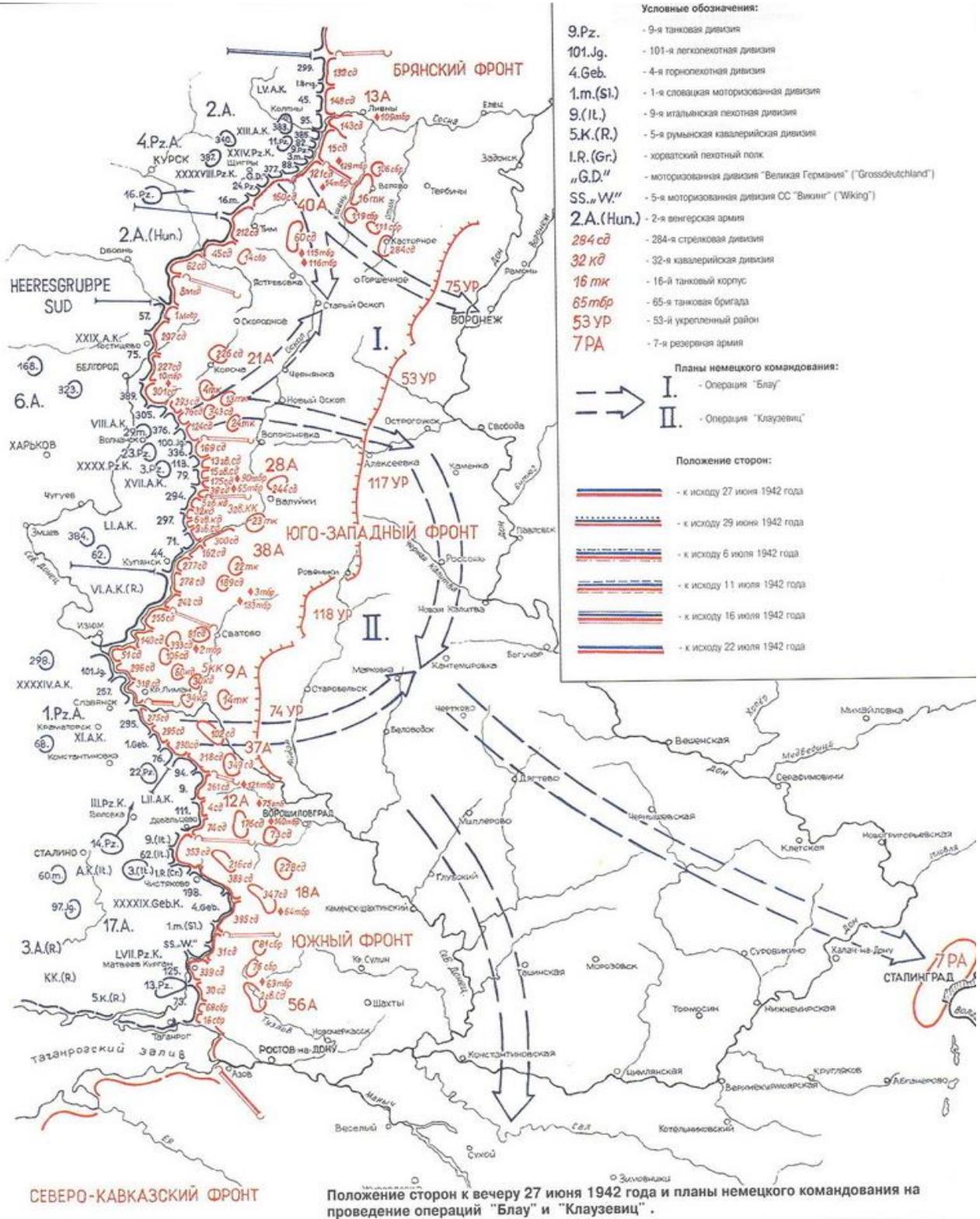
Немецкая группировка, сосредоточенная против Юго-Западного фронта в конце июня 1942 г., была представлена 6-й полевой армией генерала танковых войск Фридриха Паулюса в составе 8-го, 17-го, 29-го и 51-го армейских и 40-го танкового корпусов, имевших восемнадцать дивизий (15 пехотных, 2 танковых и 1 моторизованная). Кроме того, перед левым крылом Юго-Западного фронта располагалась часть сил армейской группы «Клейст» – 4 румынские и 6 немецких пехотных дивизий. Таким образом, к 28 июня 1942 года перед Юго-Западным фронтом немецкое командование имело 30 дивизий, из них 27 пехотных, 2 танковых и 1 моторизованная. Задачей 6-й полевой армии Паулюса было прорвать оборону советских войск на стыке 21-й и 28-й армий. Далее своей ударной группировкой, 40-м танковым корпусом, 6-я армия должна была развивать наступление на северо-восток. Левым флангом этой группировки в районе Старого Оскола 6-я армия должна была соединиться с частями 2-й венгерской армии, окружив и уничтожив советские войска в районе Старого Оскола. Соединения правого фланга 6-й армии получили задачу, используя успех главной группировки, наступать на восток в направлении на Россошь. Особенно неблагоприятно для советских войск к началу немецкого летнего наступления сложилась обстановка на правом крыле фронта – на участке 21-й армии. Немецкое командование, сосредоточив ударную группировку против левого фланга 21-й армии, создало значительное превосходство в силах. Здесь, на фронте протяженностью в 15 километров, между речками

Нежеголь и Волчъя, войска 21-й армии уступали противнику в численности танков, артиллерии и авиации почти в три раза.

Южный фронт (командующий генерал-лейтенант Р.Я.Малиновский) в составе 37-й, 12-й, 18-й, 56-й армий – всего 23 стрелковых дивизии, 4 стрелковые бригады, 6 отдельных танковых бригад, 4 укрепрайона, 2 отдельных танковых батальона, 5 отдельных дивизионов бронепоездов) занимал полосу протяжением в 250 км, от Красного Лимана до Азовского моря, обороняя два важнейших направления: на Ворошиловград и на Ростов-на-Дону. Фронт на 25 июня имел численность личного состава 522 500 человек, в том числе в боевых частях – 285237 красноармейцев и командиров [24]. 37-я армия (командующий генерал-майор Козлов П.М.), имевшая в своем составе 102-ю, 218-ю, 230-ю, 275-ю и 295-ю стрелковые дивизии, 121-ю танковую бригаду, с боевым составом в 56 576 чел., оборонялась в полосе: (иск) Красный Лиман, Попасная. 12-я армия генерал-майора Гречко А.А. в составе 4-й, 74-й, 176-й, 261-й, 349-й стрелковых дивизий, имела личного состава 55 075 человек и держала оборону в полосе: (иск) станция Попасная - Дебальцево. 18-я армия (командующий генерал-майор Ф.В. Камков) в составе 216-й, 353-й, 383-й и 395-й стрелковых дивизий, 64-й танковой бригады, с численностью боевого состава 59 181 бойцов и командиров, оборонялась на фронте: (иск) Дебальцево, Миусинск (20 км южнее Красный Луч). 56-я армия (командующий генерал-майор А.И. Рыжов), боевым составом 76 603 чел., в составе которой находились 3 гв. стрелковый корпус (2-я гвардейская стрелковая дивизия, 68-я, 76-я, 81-я морские стрелковые бригады, всего – 27 462 чел.), 30-я, 31-я, 339-я стрелковые дивизии, 16-я стрелковая и 63-я танковая бригады, 70-й и 158-й укрепрайоны, обороняла направление на Ростов в полосе: р. Миус (20 км южнее Красный Луч), берег Азовского моря восточнее Таганрога. 24-я армия третьего формирования, созданная в мае 1942 года, под командованием генерал-лейтенанта Смирнова И.К. в составе 73-й, 228-й, 335-й и 341-й стрелковых дивизий, с общей численностью личного состава в 33 553 человека, находилась в резерве фронта, в районе восточнее города Ворошиловград (ныне - Луганск).

Во фронтовом подчинении находились: 347-я стрелковая дивизия, 5-я гвардейская, 15-я, 140-я танковые бригады, 62-й и 75-й отдельные танковые батальоны, а также два укрепленных района: на рубеже Федчин, (иск) Сокольники, в тыловой в полосе 37-й армии – 73-й укрепрайон (190-й, 192-й, 194-й, 195-й, 198-й отдельные пулеметно-артиллерийские батальоны) и на рубеже Сокольники, (иск) Малая Николаевка, в тыловой полосе 12-й армии – 69-й укрепрайон (181-й, 182-й, 183-й, 244-й, 245-й отдельные пулеметно-артиллерийские батальоны).

В полосе Южного фронта наибольшие силы противника были сконцентрированы против 37-й армии. Только 1-я танковая армия имела здесь три танковых, одну моторизованную, восемь немецких и четыре румынских пехотных дивизии. Кроме того, против 37-й армии должны были действовать части 17-й полевой немецкой и 8-й итальянской армий, которые наносили удар в направлении на Ворошиловград с последующим развитием успеха на Ростов. Часть сил 17-й полевой армии совместно с четырьмя румынскими дивизиями должна была наступать вдоль побережья Азовского моря в направлении на Ростов. В район Краматорска немецкое командование перебросило из Франции две пехотные дивизии, из Крыма – 22-ю танковую дивизию и из группы армий «Центр» – управления 14-го танкового и 5-го армейского корпусов. Кроме того, на юго-западное направление в середине июня начали прибывать соединения 8-й итальянской армии. Сюда же выдвигалась 3-я румынская армия генерал-полковника П. Думитреску. 1-я танковая и 17-я полевая армии вермахта занимали 350-км участок фронта от Купянска до Таганрога и имели в своем составе 34 соединения: 24 пехотных, 4 танковых, 4 моторизованных и 2 кавалерийские дивизии. Средняя оперативная плотность у противника составляла около 10 км на дивизию [25].

Оперативная плотность советских войск на Юго-Западном направлении составляла 9 км фронта на одну дивизию, тогда как на Ленинградском фронте – 8 км на дивизию, на Волховском и Западном фронтах – около 6–6,5 км на дивизию. Тем не менее, даже при имевшихся силах и средствах, войска Брянского и Юго-Западного фронтов могли бы создать прочную оборону и воспрепятствовать ее прорыву противником. К сожалению, линейное оперативное построение обеих фронтов и большинства их армий, слабое оборудование рубежей в инженерном отношении, отсутствие противотанковых районов, неверная оценка

группировки и намерений противника, недостаточное прикрытие противотанковых резервов средствами ПВО и истребительной авиации, слабая сколоченность танковых корпусов - все это в совокупности, в ходе боев привело к тяжелым последствиям. Помимо танковых соединений, Брянский, Юго-Западный и Северо-Кавказский фронты в качестве мобильного резерва имели по два кавалерийских корпуса трехдивизионного состава каждый. Положение противоборствующих сторон к вечеру 27 июня представлено на схеме.

Схема №1 Положение сторон к исходу 27 июня 1942 г. и планы немецкого командования на проведение операций «Блау» и «Клаузевиц».

Состав и распределение по фронту фашистских и советских соединений представлено в таблице №2. Вероятно, данные по численности и вооружению советских войск не учитывают резервы Ставки Верховного Главнокомандования, сосредоточенные в глубине Брянского фронта и севернее Дона до меридиана Сталинграда.

Таблица 2. Соотношение советских и германских войск в полосе Брянского, Юго-Западного и Южного фронтов перед началом операции "Блау-1"(28.06.42 г.) [26].

Расчетные дивизии	103,5	91,5	1,13:1
Численность личного состава			
в боевых войсках	665 000	900 000	1:1,4
Танки	744	1 263	1:1,4
Орудия и минометы	14 196	17 035	1:1,2
Боевые самолеты	1 012	1 640	1:1,6.

Маршал А.М. Василевский в своих мемуарах сообщает, что в составе войск Брянского, Юго-Западного и Южного фронтов на 1 июля в общей сложности насчитывалось 81 стрелковая и 12 кавалерийских дивизий, 38 мотострелковых и стрелковых бригад, 9 укрепленных районов, 62 танковые бригады — всего 1 715 000 человек, около 2,3 тыс. танков, 16,5 тыс. орудий и минометов, 758 боевых самолетов [27].

По данным генерал-полковника Г.Ф. Кривошеева, немецким войскам к началу "Блау" с советской стороны противостояли 74 стрелковые дивизии, 37 бригад, 6 танковых корпусов, 6 укрепрайонов и Донской отряд Азовской военной флотилии общей численностью 1310 000 человек. Эти цифры приведены на 28 июня, на начало Воронежско-Ворошиловградской стратегической оборонительной операции, не учитывающие введенные позднее резервы Ставки ВГК [28]. Указанная Г.Ф. Кривошеевым численность советских войск сильно расходится в цифрах с представляемыми фронтами в Генеральный штаб донесениями о боевом и численном составе своих войск.

Северо-Кавказский фронт под командованием маршала Советского Союза С.М. Буденного имел всего восемь стрелковых дивизий, семь стрелковых бригад, шесть кавалерийских дивизий, два отдельных кавалерийских полка, три танковых бригады, два отдельных танковых батальона, одну мотострелковую бригаду, пять отдельных дорожных батальонов. Фронт прикрывал тыловой рубеж по р. Дон от станции Верхне-Курмоярская до устья реки протяженностью 420 км войсками 51-й армии (и.о. командарма – начальник штаба полковник Кузнецов А.М., замещающий заболевшего генерал-майора Труфанова Н.И.) и восточное побережье Азовского и Черного морей протяженностью 680 км силами 17-го кавалерийского корпуса генерал-майора Кириченко Н.А. и 47-й армии генерал-майора

Котова Г.П. Всего в составе войск фронта имелось личного состава 216 100 бойцов и командиров [29].

В резерве Ставки ВГК к июлю 1942 г. находились в стадии формирования, оснащения и сколочивания десять общевойсковых, одна танковая и три воздушные армии, одна из которых была задействована на Брянском фронте, а также свыше 50 отдельных соединений и частей различных родов войск вне состава резервных армий, которые вошли в расчет численности советских войск, сделанный маршалом А.М. Василевским. Шесть общевойсковых и одна танковая армии были сосредоточены в районах Калинина, Тулы, Тамбова, Борисоглебска, Сталинграда. 3-я резервная армия (командующий с 3 июля - генерал-лейтенант Антонок Максим Андреевич) дислоцировалась в районе Тамбова, формировалась из 41-й армии по директиве Ставки ВГК №170331 от 26 апреля 1942 г., с 7 июля 1942 г. была переименована в 60-ю армию Воронежского фронта [30]. 1-я резервная армия (командующий генерал-майор Чуйков Василий Иванович), с дислокацией в районе Тулы, формировалась на базе 24-й армии, находившейся в резерве Московской зоны обороны по директиве Ставки ВГК №170333 от 26 апреля 1942 г. С 10 июля 1942 г. была переименована в 64-ю армию [31]. 4-я резервная армия (командующий генерал-лейтенант Цветаев Вячеслав Дмитриевич, с 24 июля – генерал-лейтенант Чибисов Никандр Евлампиевич) дислоцировалась в районе г. Калинин, согласно директиве Ставки ВГК № 994030 от 28 мая 1942 г. [32]. С 3 августа 1942г. армия развертывалась на Брянском фронте, на рубеже от Гремячего до Воронежа, уже как 38-я армия второго формирования [33]. 6-я резервная армия (командующий со 2 по 9 июля генерал-майор Харитонов Федор Михайлович) дислоцировалась в Новохоперске по директиве Ставки ВГК № 994032 от 28.05.1942 г. [34]. С 7 июля 6-я резервная армия была переименована в 6-ю общевойсковую армию Воронежского фронта. 5-я резервная армия (командующий – генерал-лейтенант Кузнецов Василий Иванович), по директиве Ставки ВГК № 994031 от 28.05.1942 г., дислоцировалась в Сталинграде [35]. С 10 июля 5-я резервная была переименована в 63-ю общевойсковую армию. 7-я резервная армия (командующий – генерал-майор Колпакчи Владимир Яковлевич) располагалась в район станицы Морозовской, имея передовые части на северо-восточном берегу р. Северский Донец. Армия была сформирована по директиве Ставки ВГК № 994033 от 28.05.1942 г. [36]. С 10 июля 7-я резервная была переименована в 62-ю общевойсковую армию, позже прославившаяся в Сталинграде и ставшая 8-й гвардейской. 5-я танковая армия (командующий генерал-майор танковых войск Лизюков А.И.) располагалась в районе г. Елец по директиве Ставки ВГК № 994023 от 26.05.1942 г. [37]. Остальные четыре резервные армии Ставки ВГК располагались в более глубоком тылу – на линии Вологда, Горький, Саратов. 2-я резервная армия (командующий генерал-майор Панин Роман Иванович, с 23 июля – генерал-майор Колчигин Богдан Константинович) дислоцировалась в районе Вологды, формировалась на базе полевого управления и соединений 27-й армии по директиве Ставки ВГК №170332 от 26 апреля 1942 г [38]. С 6 августа – стала 1-й гвардейской армией и была включена в состав Юго-Восточного фронта. 8-я резервная армия дислоцировалась в районе Саратова по директиве Ставки ВГК № 994034 от 28 мая 1942 г. [39]. С 24 августа 1942 г. армия была переименована в 66-ю общевойсковую армию и включена в состав Сталинградского фронта. 9-я резервная армия (командующий с 7 июля - генерал-майор Козлов Дмитрий Тимофеевич) дислоцировалась в г. Иваново с 10 июня по 27 августа 1942 г. 27 августа 1942 г. директивой Ставки ВГК № 994171 9-я резервная была переименована в 24-ю общевойсковую армию (5-го формирования) [40] и стала позже 4-й гвардейской армией в составе Сталинградского фронта. 10-я резервная армия дислоцировалась в Иваново по Директиве Ставки ВГК № 994061 с 16 июня по 31 августа 1942 г. Через нее пропустили, комплектуя, обучая, сколачивая, до 25-ти стрелковых дивизий, которые летом и осенью 1942 г. были отправлены на Сталинградский, Донской и Западный фронты.

Выводы

К началу летнего наступления 1942 года немецкое командование обеспечило благоприятную для себя оперативную обстановку на южном крыле Восточного фронта, усилило войска модернизированными танками, САУ, орудиями ПТО, способными эффективно поражать танки Т-34 и КВ. Ставка ВГК и командование советских фронтов на

юге не сумело определить замыслы и силы противника и организовать прочную эшелонированную оборону, несмотря на превосходство в численности личного состава и в количестве танков. Это привело в июле 1942 г. к катастрофическим последствиям – прорыву врага в большую излучину Дона, к Волге, в предгорья Кавказа, захвату огромной территории на юге СССР, большим потерям войск в личном составе и вооружении.

Благодарности

Статья подготовлена в рамках проекта РГНФ 14-01-00300 «Большая излучина Дона – место решающих сражений Великой Отечественной войны (1942–1943 гг.)».

Литература

1. Сталин И.В. Сочинения. Т. 15. М.: Издательство “Писатель”, 1997. С. 106–109.
2. Центральный архив министерства обороны Российской Федерации, далее – ЦАМО РФ. Ф.500. Оп. 12462. Д.15. Лл. 268-278.
3. Мюллер-Гиллебранд. Сухопутная армия Германии. 1933-1945.М., Изографус.Эксмо.2003. С.330.
4. Мюллер-Гиллебранд. Указ. Соч. С.330.
5. Мюллер-Гиллебранд. Указ. Соч. С.331.
6. <http://www.panzervaffe.1939-45.ru/sturmgeschutz-3.php> - дата обращения 22 мая 2016 г.
7. Институт военной истории, далее – ИВИ. Документы и материалы, инв.№3 л.393; История Второй мировой войны, т.5, стр.145, 146.
8. ЦАМО, Ф.15, оп.977444, д.1.лл. 7-11.
9. История Второй мировой войны. 1939-1945. т.5, стр.145.
10. Гальдер Ф. Военный дневник. Ежедневные записи начальника Генерального штаба Сухопутных войск 1939-1942 гг. – М.: Воениздат, 1968-1971, стр.270.
11. ЦАМО РФ Ф.361, Оп.6079, Д.105, Л.150.
12. http://zhistory.org.ua/blau42_2.htm, - дата обращения 30.03.2016 г.
13. http://zhistory.org.ua/blau42_2.htm - дата обращения 30.03.2016 г.
14. ЦАМО, Ф..202, Оп.7, Д..46, Лл.193-217.
15. ЦАМО, Ф.148а, Оп.3763, Д.126, Л.211.
16. Казаков М.И. Над картой былых сражений. М.: Воениздат. 1971. С.99.
17. Там же, с.103.
18. Голиков Ф.И. В боях за Воронеж. Воронежское сражение. Воронеж, 1968, с.7-8.
19. Там же, с.9.
20. ЦАМО, Ф.229, оп.209, д.41, л.323-337.
21. ЦАМО, Ф.229, оп.209, д.41, л.339-354.
22. ЦАМО, Ф.229, оп.209, д.41, л.497-512.
23. ЦАМО, Ф.229, оп.209, д.41, л.468-487.
24. ЦАМО, Ф.224, оп.760, д.2. лл. 183-189.
25. Операции советских вооруженных сил в ВОВ 1941-1945. Том 1. Операции советских вооруженных сил в период отражения нападения фашистской Германии на СССР. Воениздат. Москва. 1958. лист 594.
26. Сталинградская битва. Хроника. Факты. Люди. - Кн.1 - М.2002. С.17.
27. А.М. Василевский. Дело всей жизни. М., 1991. С. 148. . История Второй мировой войны 1939-1945 гг. т.5, стр.144.
28. С.М. Кривошеев. Россия и СССР в войнах XX века. Потери вооруженных сил. Статистическое исследование. М.: Олма-Пресс. 2001. С.278.
29. Великая Отечественная война без грифа секретности. Книга потерь. М.: Вече, 2010. С. 106.
30. ЦАМО, Ф.48а, оп.3408, д.71, л.237.
31. ЦАМО, Ф.48а, оп.3408, д.71, л.239.
32. ЦАМО, Ф.148а, оп.3763, д.124, л.203.
33. ЦАМО, Ф.202, оп.5, д.56, л.61.
34. ЦАМО, Ф.148а, оп.3763, д.124, л.205.
35. ЦАМО, Ф.148а, оп.3763, д.124, л.204.
36. ЦАМО, Ф.148а, оп.3763, д.124, л.206.

37. ЦАМО, Ф.48а, о.3408, д.71, л.325, 326.
38. ЦАМО, Ф.48а, оп.3408, д.71, л.238.
39. ЦАМО, Ф.148а, оп.3763, д.124, л.207.
40. ЦАМО, Ф.148а, оп.3763, д.107, л.232.

References

1. Stalin IV Cochineniya. T. 15. M.: Publisher "Writer", 1997, pp 106-109.
2. The Central Archive of the Russian Federation Ministry of Defence, hereinafter - CAMD RF. F.500. Op. 12462. d.15. Ll. 268-278.
3. Muller-Hillebrand. Land German army. 1933-1945. M., Izografus.Eksmo.2003. S.330.
4. Müller-Hillebrand. Decree. Vol. S.330.
5. Müller-Hillebrand. Decree. Vol. P.331.
6. <http://www.panzervaffe.1939-45.ru/sturmgeschutz-3.php> - treatment date May 22, 2016
7. Institute of Military History, then - IVI. Documents and materials inv.№3 l.393; History of the Second World War, v.5, p.145, 146.
8. TsAMO, Feeder 15, op.977444, d.1.ll. 7-11.
9. The history of the Second World War. 1939-1945. v.5, p.145.
10. F. Halder War Diary. Daily records Chief of General Staff of the Land Forces 1939-1942 gg. M.: Military Publishing, 1968-1971, str.270.
11. CAMD RF F.361, Op.6079, D.105, L.150.
12. http://zhistory.org.ua/blau42_2.htm, - the date of treatment, the 03/30/2016
13. http://zhistory.org.ua/blau42_2.htm - reference date of 30.03.2016
14. TsAMO, F..202, Op.7, D..46, Ll.193-217.
15. TsAMO, F.148а, Op.3763, D.126, L.211.
16. Kazakov M.I. Above the map of past battles. M.: Voenizdat. 1971. P.99.
17. Ibid, p.103.
18. Golikov F.I. In the battles for Voronezh. Voronezh battle. Voronezh, 1968, S. 7-8.
19. Ibid, p.9.
20. TsAMO, F.229, op.209, d.41, l.323-337.
21. TsAMO, F.229, op.209, d.41, l.339-354.
22. TsAMO, F.229, op.209, d.41, l.497-512.
23. TsAMO, F.229, op.209, d.41, l.468-487.
24. TsAMO, F.224, op.760, 2. pp. 183-189.
25. Operations of the Soviet armed forces in the Second World War 1941-1945. Volume 1. The operations of the Soviet armed forces in the period of reflection Nazi Germany attacked the USSR. Military Publishing. Moscow. 1958. 594 list.
26. The Battle of Stalingrad. Chronicle. Data. People. - Book 1 - M.2002. C.17.
27. Vasilevsky A. The point of all life. M., 1991. S. 148. History of the Second World War, 1939-1945. v.5, p.144.
28. Krivosheev S.M. Russia and the USSR in the wars of the twentieth century. Losses of the armed forces. Statistical research. M.: Olma-Press. 2001. p.278.
29. The Great Patriotic War without secrecy. loss book. M.: Veche, 2010. 106 p.
30. TsAMO, F.48а, op.3408, д.71, л.237.
31. TsAMO, F.48а, op.3408, д.71, л.239.
32. TsAMO, F.148а, op.3763, д.124, л.203.
33. TsAMO, F.202, op.5, д.56, л.61.
34. TsAMO, F.148а, op.3763, д.124, л.205.
35. TsAMO, F.148а, op.3763, д.124, л.204.
36. TsAMO, F.148а, op.3763, д.124, л.206.
37. TsAMO, F.48а, о.3408, д.71, л.325, 326.
38. TsAMO, F.48а, op.3408, д.71, л.238.
39. TsAMO, F.148а, op.3763, д.124, л.207.
40. TsAMO, F.148а, op.3763, д.107, л.232.

УДК 94 (47).084.8(470.61)

Планы сторон и соотношение сил на южном крыле советско-германского фронта накануне весенне-летней кампании 1942 года

Владимир Иванович Афанасенко

Институт социально-экономических и гуманитарных исследований Южного научного центра РАН, Российская Федерация
Старший научный сотрудник

Аннотация. На летнюю кампанию 1942 г. обе противоборствующие стороны планировали наступательные операции со стратегическими целями. Ставка ВГК рассчитывала в ходе последовательных операций с юга на север разбить основные группировки противника в Крыму, Донбассе, на московском направлении, деблокировать Ленинград. Немецкое командование готовило главный удар на южном крыле советско-германского фронта. Для этого была количественно и качественно усилена южная группировка немецких войск, сюда же направлялись основные силы союзников – румынские, венгерские и итальянские войска, две дивизии словаков. Советское командование Брянского, Юго-Западного и Южного фронтов не сумело вскрыть направления главных сил вермахта и организовать эшелонированную оборону в полосе наступления ударных группировок войск Германии и войск ее союзников.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, качество и количество войск СССР, Германии, Румынии, Венгрии, Италии на южном крыле советско-германского фронта в июне 1942 года.

Приложение № 1:

Состав и командование группы армий «Юг» на 28 июня 1942 г.

Армейская группа "Вейхс" - генерал-фельдмаршал, барон Максимилиан фон Вейхс.

55-й армейский корпус – генерал-лейтенант фон Виров.

45-я пехотная дивизия – генерал-майор Фриц Кюльвейн.

95-я пехотная дивизия – генерал-майор Герберт Михаэлис.

299-я пехотная дивизия – генерал-лейтенант Ральф граф фон Ориола.

1-я пехотная бригада СС – оберфюрер СС Рихард Херрман.

4-я танковая армия – генерал-полковник Герман Гот.

13-й армейский корпус – генерал пехоты Эрих Штраубе.

82-я пехотная дивизия – генерал-лейтенант Альфред Бентч.

385-я пехотная дивизия – генерал пехоты Карл Эйбл.

11-я танковая дивизия – генерал-майор Герман Бальк.

24-й танковый корпус – генерал танковых войск Виллибальд фон Лангерман.

377-я пехотная дивизия – генерал-лейтенант Адольф Лехнер.

9-я танковая дивизия – генерал-майор Йоханес Бесслер.

3-я моторизованная дивизия - генерал-майор Вернер Гельмут Шлемер.

48-й танковый корпус – генерал танковых войск Рудольф Виль.

24-я танковая дивизия – генерал-майор Вильгельм фон Ленгерк (до 28.8.42).

2-я мотодивизия «Великая Германия» - генерал-лейтенант Вальтер Хернлейн.

2-я королевская венгерская армия – генерал-полковник Густав Яни

3-й венгерский армейский корпус – генерал-лейтенант Штром

6-я венгерская пехотная дивизия –

7-я венгерская пехотная дивизия –

9-я венгерская легкопехотная дивизия –

7-й армейский корпус – генерал артиллерии Эрнст Хелль.

387-я пехотная дивизия – генерал-майор Арно Яр.

16-я моторизованная дивизия – генерал-лейтенант Зигмунд Хенрици.

Резерв армейской группы «Вейхс»:

88-я пехотная дивизия – генерал-лейтенант Генрих Ротт.

- 383-я пехотная дивизия – генерал-майор Эберхард фон Фабрице-Фальк.
6-я полевая армия – генерал танковых войск Фридрих Паулюс.
29-й армейский корпус – генерал пехоты Ганс фон Обстфельдер.
 57-я пехотная дивизия – генерал-лейтенант Оскар Блюм.
 75-я пехотная дивизия – генерал-лейтенант Эрнст Хаммер.
 168-я пехотная дивизия – генерал-лейтенант Дитрих Крайсс.
8-й армейский корпус – генерал артиллерии Вальтер Хейтц.
 305-я пехотная дивизия – генерал-майор Бернгард Штейнмец.
 389-я пехотная дивизия – генерал-майор Эрих Альберт Магнус.
 376-я пехотная дивизия – генерал-лейтенант Александр фон Даниэльс.
 100-я легкопехотная дивизия – генерал-лейтенант Вернер Занне.
40-й танковый корпус – генерал танковых войск Лео Гейр фон Швеппенбург.
 3-я танковая дивизия – генерал-майор Герман Брайт.
 23-я танковая дивизия – генерал-майор Эрвин фон Макк.
 29-я моторизованная дивизия – генерал-майор Макс Фремерей.
17-й армейский корпус – генерал пехоты Карл Холлидт.
 79-я пехотная дивизия – генерал-майор Рихард граф фон Шверин.
 294-я пехотная дивизия – генерал-майор Йоханесс Блок.
336-я пехотная дивизия – генерал-лейтенант артиллерии Вальтер Люхт.
113-я пехотная дивизия – генерал-лейтенант Ганс-Генрих Сикст фон Арним.
51-й армейский корпус – генерал пехоты Зейдлиц фон Курцбах.
 44-я пехотная дивизия – генерал-майор Генрих Антон Дебой.
 62-я пехотная дивизия – генерал-майор Рихард-Генрих фон Ройсс.
 297-я пехотная дивизия – генерал-майор Мориц фон Дреббер.
 71-я пехотная дивизия – генерал-лейтенант Александр фон Хартманн.
 213-я охранная дивизия – генерал-лейтенант Рене Д.Омм де Курбьер.
1-я танковая армия – генерал-полковник, барон Эвальд фон Клейст.
11-й армейский корпус – генерал пехоты Карл Штреккер.
 1-я горнострелковая дивизия – генерал-лейтенант Губерт Ланц.
 97-я егерская дивизия - генерал-лейтенант Эрнст Рупп.
 1-я пехотная дивизия (румынская) – бригадный генерал Александру Сайдак.
6-й румынский армейский корпус – генерал-лейтенант Корнелиу Драгалина.
 2-я пехотная дивизия – бригадный генерал Димитриу Тудосе.
 4-я пехотная дивизия – генерал-майор Георгиу Гилак.
 20-я пехотная дивизия – бригадный генерал Ромулус Димитриу, с 4.07. –
 дивизионный генерал Николае Татарану.
 384-я пехотная дивизия (немецкая) – генерал-лейтенант Эккард фон Габленц.
44-й армейский корпус – генерал артиллерии Максимилиан де Ангелис.
 68-я пехотная дивизия – генерал-лейтенант Роберт Мейснер.
 101-я егерская дивизия – генерал-лейтенант Эрих Дистель.
 257-я пехотная дивизия – и.о. – полковник Карл Пюхлер.
3-й танковый корпус – генерал кавалерии Эберхард-Август фон Макензен.
 14-я танковая дивизия – генерал-майор Фридрих Кюн.
 22-я танковая дивизия – генерал-лейтенант Вильгельм фон Апель.
 Лейбштандарт СС «Адольф Гитлер» - обергруппенфюрер СС Йозеф Дитрих.
 16-я танковая дивизия – генерал-майор Ганс-Валентин Хубе.
4-й армейский корпус – генерал пехоты Виктов фон Шведлер.
 76-я пехотная дивизия – генерал-майор Карл Роденбург.
 295-я пехотная дивизия – генерал-майор, доктор Отто фон Корфес.
 94-я пехотная дивизия – генерал пехоты Гельмут Велькман.
 454-я охранная дивизия – генерал-лейтенант Герман Вильке.
17-я полевая армия – генерал-полковник Рихард Руоф.
52-й армейский корпус – генерал пехоты Ойген Отт.
 111-я пехотная дивизия – генерал-майор Герман Рекнагель.
 370-я пехотная дивизия – генерал-майор Эрнст Клепп
Итальянский экспедиционный корпус – генерал армии Итало Гарибольди.

3-я мотопехотная дивизия «Имени принца Амедео, герцога Д'Аосты» - дивизионный генерал Марио Мараццани.

9-я пехотная дивизия «Пасубио» - див.генерал Витторио Джиованелли.

52-я пехотная дивизия «Торино» - дивизионный генерал Роберто Леричи.

49-й горный корпус – генерал горных войск Рудольф Конрад.

4-я горнострелковая дивизия – генерал-майор Карл Эгльзеер.

198-я пехотная дивизия – генерал майор Альфред Букк.

Румынский кавалерийский корпус – корпусный генерал Михай Раковитца.

5-я кавалерийская дивизия – бригадный генерал Василие Майнеску.

6-я кавалерийская дивизия – дивизионный генерал Ион Кодряну.

444-я охранная дивизия – генерал-лейтенант Вильгельм Руссвурм.

11-я полевая армия – генерал-фельдмаршал Эрих фон Манштейн.

42-й армейский корпус – генерал пехоты Иоахим фон Кортицфлейш.

9-я пехотная дивизия - генерал-лейтенант, барон Зигмундт фон Шлейниц.

46-я пехотная дивизия – генерал-майор Эрнст Хаккиус.

Отд. мотобригада - полковник Карл-Альбрехт фон Гроддек.

30-й армейский корпус – генерал артиллерии Максимилиан Фреттер-Пико.

72-я пехотная дивизия – генерал-майор Миллер-Геххардт.

170-я пехотная дивизия – генерал-лейтенант Эрвин Сандер.

28-я легкопехотная дивизия - генерал артиллерии Иоганн Зиннхубер.

54-й армейский корпус – генерал пехоты Карл Маттенклот.

22-я пехотная дивизия – генерал-майор Людвиг Вольф.

24-я пехотная дивизия – генерал-майор Ганс фон Теттау.

50-я пехотная дивизия – генерал-лейтенант Фридрих Шмидт.

132-я пехотная дивизия – генерал-лейтенант Фриц Линдеман.

Румынский горный корпус – корпусный генерал Георге Аврамеску.

1-я горнострелковая дивизия – бригадный генерал Василиу Рэшкану.

18-я пехотная дивизия – генерал-майор Раду Балдеску.

1-я горнострелковая бригада – бригадный генерал Михай Ласкару.

7-й армейский корпус (рум) – дивизионный генерал Флориа Митранеску.

10-я пехотная дивизия – бригадный генерал Траян Станеску.

19-я пехотная дивизия - бригадный генерал А. Петкулеску.

4-я горнострелковая дивизия – генерал-майор Георге Манолиу.

8-я кавалерийская дивизия – бригадный генерал Корнелиу Теодорини.

Резерв ОКХ:

14-й танковый корпус – генерал танковых войск Густав фон Виттерсгейм.

60-я моторизованная дивизия – генерал-лейтенант Фридрих-Георг Эберхард.

5-й армейский корпус - генерал-лейтенант Рихард Ветцель.

73-я пехотная дивизия – генерал-лейтенант, барон Рудольф фон Бюнау.

125-я

пехотная дивизия – генерал-лейтенант Вильгельм Шнеккенбургер.

2-я (рум.)

горнострелковая дивизия – бригадный генерал Ион Думитраче.

57-й танковый корпус – генерал танковых войск Фридрих Кирхнер.

13-я танковая дивизия – генерал-майор Траугот Герр.

5-я мотодивизия СС «Викинг»- обергруппенфюрер СС Феликс Штайнер.

Словацкая моторизованная дивизия – генерал-майор Август Малер.

323-я пехотная дивизия – генерал-майор Андреас Небауер.

340-я пехотная дивизия – генерал-лейтенант Виктор Кох.

371-я пехотная дивизия - генерал-лейтенант Рихард Штемпель.

403-я охранная дивизия - генерал-майор Вольфганг фон Дитфурт.

1-я кавалерийская дивизия (рум.) – бригадный генерал Константин Братеску.

9-я кавалерийская дивизия (рум.) – бригадный генерал Михай Чариакеску.

Словацкая охранная дивизия – генерал-майор Рудольф Пильфусек.

10-я венгерская легкопехотная дивизия -

12-я венгерская легкопехотная дивизия -

13-я венгерская легкопехотная дивизия –

105 венгерская легкопехотная дивизия –

121-я венгерская пехотная бригада -

124-я венгерская пехотная бригада -

Полевое управление 8-й армии (Италия) –

2-й армейский корпус (итал.) – корпусный генерал Джиованни Зангьери.

2-я пехотная дивизия «Сфорцеска» - дивизионный генерал Карло Пеллегрини.

3-я пехотная дивизия «Равенна» - дивизионный генерал Эдуарде Неббиа.

Copyright © 2016 by Academic Publishing House *Researcher*

Published in the Russian Federation
Voennyi Sbornik
Has been issued since 1858.
ISSN: 2309-6322
E-ISSN: 2409-1707
Vol. 13, Is. 3, pp. 134-144, 2016

DOI: 10.13187/vs.2016.13.134
www.ejournal6.com

UDC 930.1

The Bomb-Gyroscopes

Yuri F. Katorin

Admiral Makarov State University of Maritime and Inland Shipping, Russian Federation
198035 Saint Petersburg, Dvinskaya Str., 5/7
Dr. (Military), Professor
E-mail: katorin@mail.ru

Abstract

In the article it is described about the attack at night 16 of May 1943 of year by the English aircraft of 617-y of the squadron of German dams in the Ruhr pond with the use of bombs “Upkeep” and the history of their creation by designer Barnes Neville Wallis, is described the device of this weapon and the tactics of its application. The motion of operation is analyzed, in detail it is told about the actions of the crews of the aircraft, the motion of operation is analyzed, the losses of sides and consequence of the destruction of dams for the German defense industry are given.

Keywords: World War II, the bombardment of Germany, dams, the Ruhr the bomb «Upkeep», Sir Barnes Neville Wallis, the Lieutenant Colonel G.P. Gibson, 617- I is squadron, the military operation «Downwood».

Введение

Бомбардировки 1939 года не сумели причинить серьезный вред германским заводам. Производство и транспорт можно рассредоточить, что немцы и сделали, но если нельзя уничтожить рассредоточенную военную промышленность, может быть, можно найти ключевые точки? Главным источником поддержания в рабочем состоянии промышленности Германии в мирное и военное время, была энергия. Физическая энергия! Самые крупные источники энергии были слишком громоздкими, чтобы их можно было спрятать — угольные шахты, нефтяные прииски и скважины, а главное «белый уголь» — гидроэлектростанции с дамбами. Без них не будет ни производства, ни транспорта, ни оружия, ни войны.

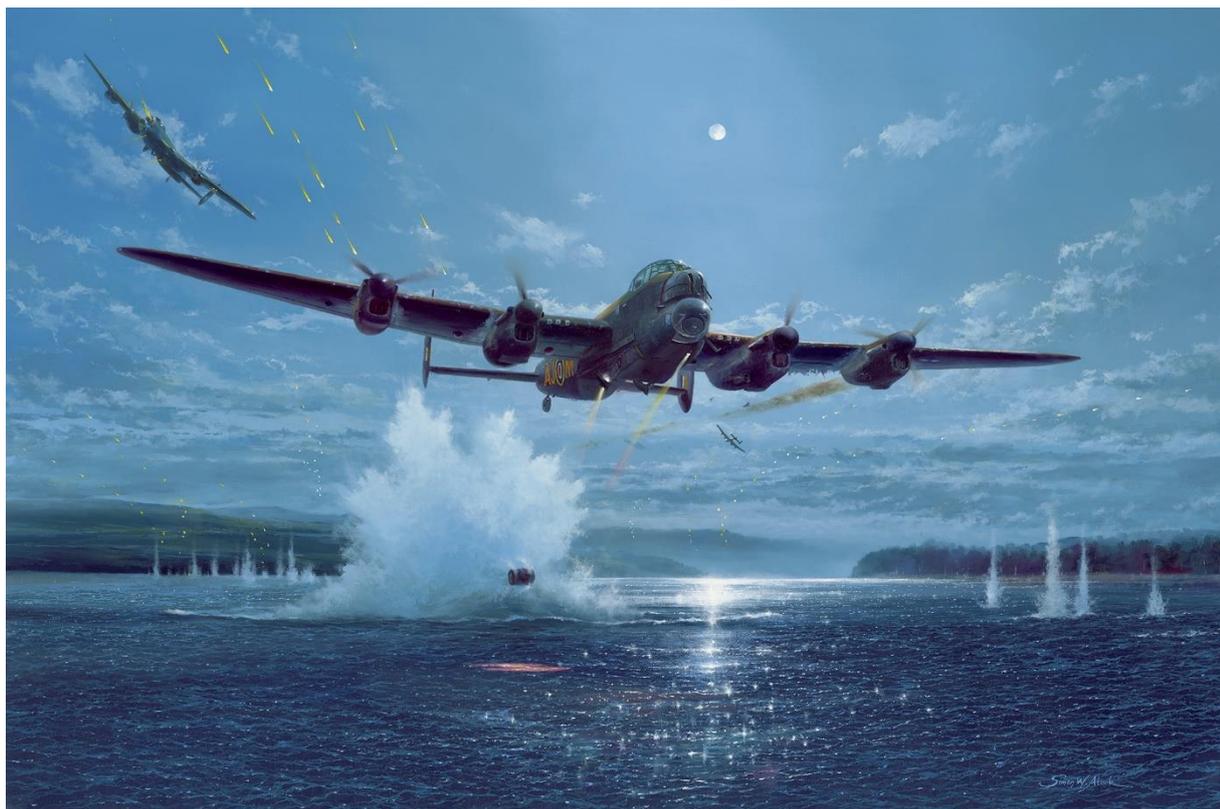

Рис. 1. Атака английскими самолетами германских дамб с использованием бомб-волчков

Особенно перспективными для воздушного удара казались дамбы. Однако эти цели были слишком массивны, чтобы опасаться существующих бомб. С таким же успехом можно было кидать в них резиновые мячики. Следующий шаг был понятным — по крайней мере в теории. Большая бомба. Еще больше! Но это означало и более крупный самолет. Гораздо крупнее существующих. А это огромные затраты, на которые в мирное время никто не решился. Тем не менее, в 1943 году эту задачу удалось в какой-то степени решить [1].

Материалы и методы

В ходе анализа источников и литературы, а также в выводах, являющихся итогом исследования, автор, используя метод историко-сравнительного анализа, стремится к научной объективности, непременным условием которой выступает фундаментальный методологический принцип историзма.

Материалами для исследования послужила российская и зарубежная специализированная историография и справочная литература. В методологии широко применен историко-описательный метод.

Обсуждение

В Германии стояли 3 особенно большие дамбы — Мён, Эдер и Зорпе. Все в Руре, они практически полностью обеспечивали водой этот чудовищный арсенал. Англичане знали, что германской промышленности требуется 8 т воды для производства 1 т стали. Возможности были многообещающими. Дамба Мён запирает озеро Мён там, где река Хеве впадает в реку Рур, поддерживая уровень воды таким, что баржи с углем, сталью и танками могли свободно проходить к заводам. Озеро Мён содержит 134 млн. т воды. При плотине водохранилища работает гидроэлектростанция мощностью 7,04 МВт. Дамба Эдер перегораживает одноименную реку, образуя озеро Эдер с 212 млн. т воды. Зорпе образует озеро на притоке Рура. Плотина Эдер является самой большой из трех. Она не

только снабжает предприятия технической водой, но служит защитой от затоплений, обеспечивает навигацию на реке Везер в засушливые периоды за счет воды, поступающей из канала, поддерживает уровень воды в реках Эдер, Фульда и в верхнем течении реки Везер. Кроме того, она также обеспечивает работу целого ряда гидроэлектростанций. Прорыв этой дамбы послал вниз по долинам огромные массы воды, которые сметут шоссе, мосты, железные дороги, разрушат заводы и дома. Поэтому некоторые из заводов не только лишатся воды, с ними случится еще кое-что похуже [2, 3].

Но есть один маленький нюанс. Дамбы настолько прочны и массивны, что и бомба в 20 раз крупнее самой тяжелой из существующих не сможет серьезно повредить их [2].

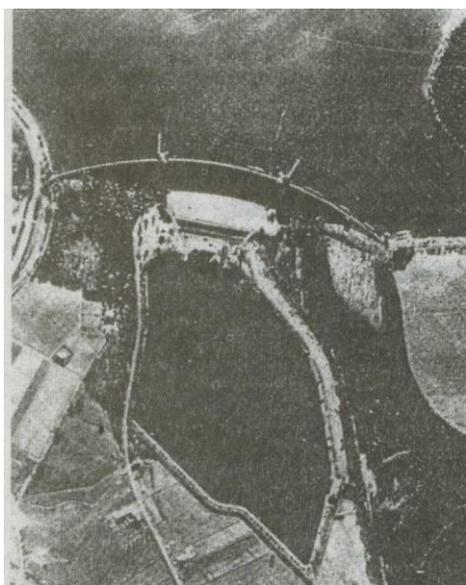

Рис. 2. Дамба Мён, обратите внимание на противоторпедные сети (фото 1940 г.)

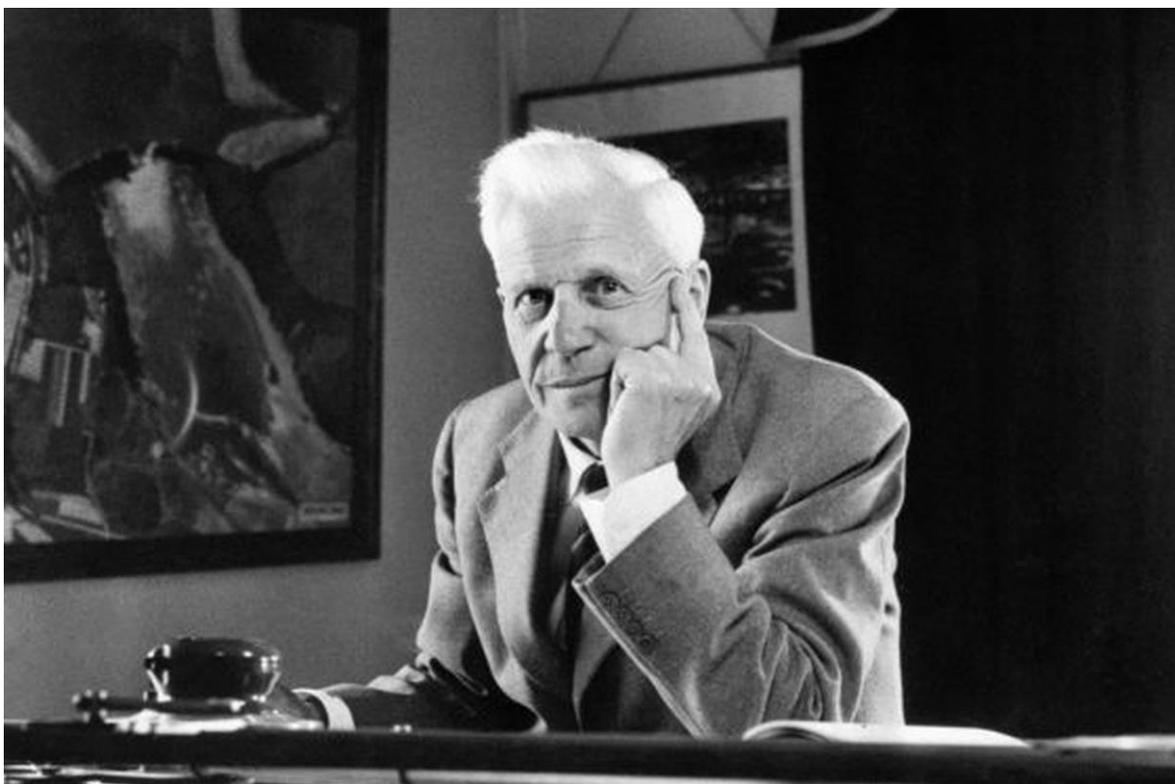

Рис. 3. Конструктор бомб-монстров Барнс Уоллис

Даже очень мощный взрыв на поверхности такого массивного сооружения конечно же сотрясет конструкцию, но недостаточно сильно для ее разрушения. Чтобы оказаться по-настоящему поражающим фактором, ударная волна должна идти через более плотную среду, чем воздух, поэтому надо закопать бомбу возможно глубже в сам массив плотины. И если нельзя воткнуть тяжелую бомбу в железобетон, то ведь ее можно забить и в менее твердую почву перед целью. Там и родятся ударные волны. Эффект расширения газов при взрыве будет более значительным. Им придется прорываться сквозь окружающие камни. Если удастся запереть взрыв под землей, откуда он не сможет вырваться, то получится что-то вроде сейсмических волн... землетрясение! Бомба, вызывающая землетрясение! Ну, а на худой конец, нужно хотя бы плотно прижать заряд в воде к поверхности дамбы [2].

Известный конструктор-оружейник Барнс Уоллис (Sir Barnes Neville Wallis; 1887—1979) лично занялся вопросом доставки подрывного заряда непосредственно к стене дамбы и установки его там. Если это удастся сделать со стороны озера, то вес воды сильно поможет разрушить строение. В этом случае работу сможет проделать и более легкий заряд. Уоллес рассуждал так: «Конечно, лучше всего взрывчатку расположить внутри насыпи, но практически этого добиться невозможно, а вот если заряд прижать к стене дамбы с напорной стороны, да еще и на оптимальной глубине, то потребная мощность взрыва значительно уменьшится. Дело в том, что массы воды, запасенные в водохранилище, давят на дамбу и держат ее в напряженном состоянии, а при взрыве вода ведет себя как несжимаемая среда, то есть ударная волна не будет впустую рассеиваться в пространстве, и значительная часть ее энергии уйдет в стену плотины и вызовет ее разрушение. Произойдет так называемый "взрыв заряда с заделкой", который намного эффективнее взрыва "заряда без заделки"» [2].

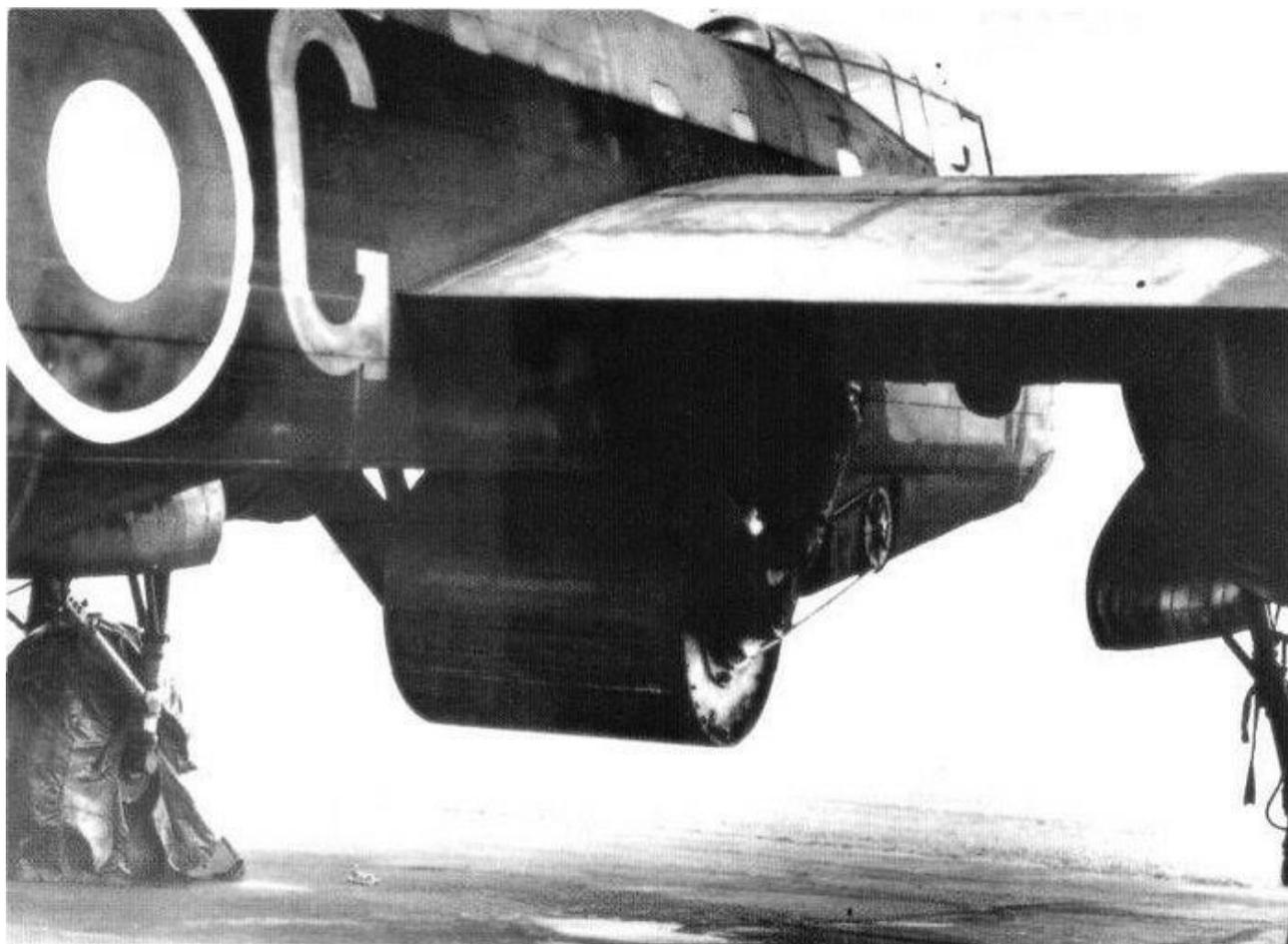
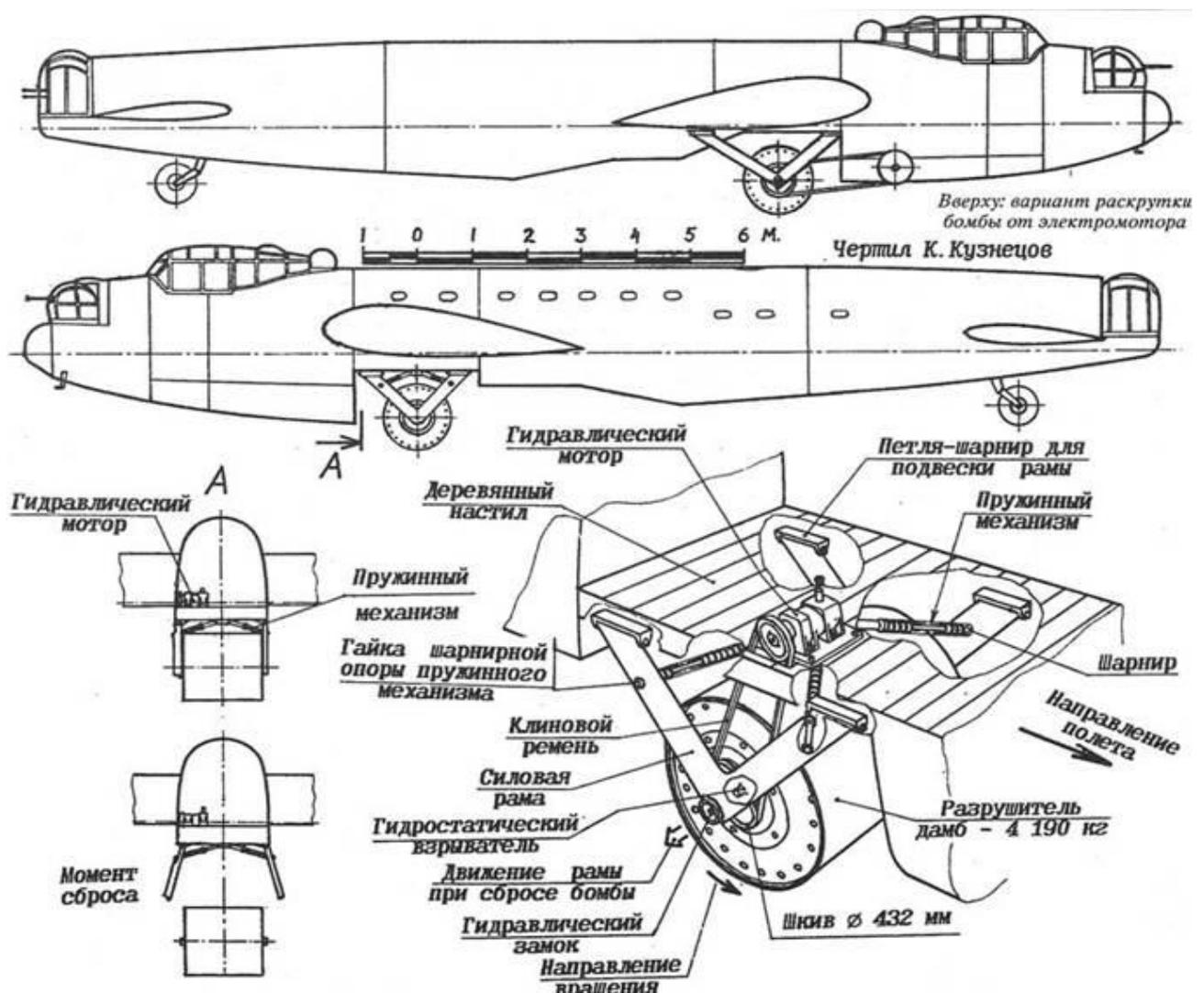

Рис. 4. Подвеска вращающейся бомбы под бомбардировщик «Ланкастер»

Очень хорошим решением такой задачи казалась авиационная торпеда, однако немцы тоже подумали об этом и установили со стороны озер для защиты дамб мощные противоторпедные сети. Чтобы преодолеть препятствие, Уоллис выдвинул по-детски простую идею. Возможно, она пришла ему в голову во время пускания на воде «блинчиков» — говорят, он не раз забавлялся этим со своими внуками. Специально сконструированную мину следует сбросить с низколетящего самолета, она будет прыгать по поверхности воды, пока не врежется в дамбу. После попадания в цель бомба должна отскочить и затонуть. Чтобы добиться максимального эффекта, она должна погрузиться на 10 м. Это означало, что ее следует оснастить гидростатическим взрывателем, вроде тех, что стоят на глубинных бомбах.

Для успеха требовалось выполнить еще одно условие. Достигнув 10-метровой глубины, бомба должна быть плотно прижата к стене дамбы. И снова Уоллис нашел блестящее и совершенно нестандартное решение. Если бомбу заставить вращаться назад, когда она оторвется от самолета, она будет вести себя именно так, как требуется. После удара о стену дамбы, она снова пойдет вперед, пока опять не упрется в дамбу. После этого бомба будет «тереться» о стену и тонуть вертикально, пока не достигнет глубины взрыва. Уоллис провел ряд экспериментов на моделях, и на основании их результатов получил разрешение провести эксперимент с бомбой нормальных размеров [3, 4].

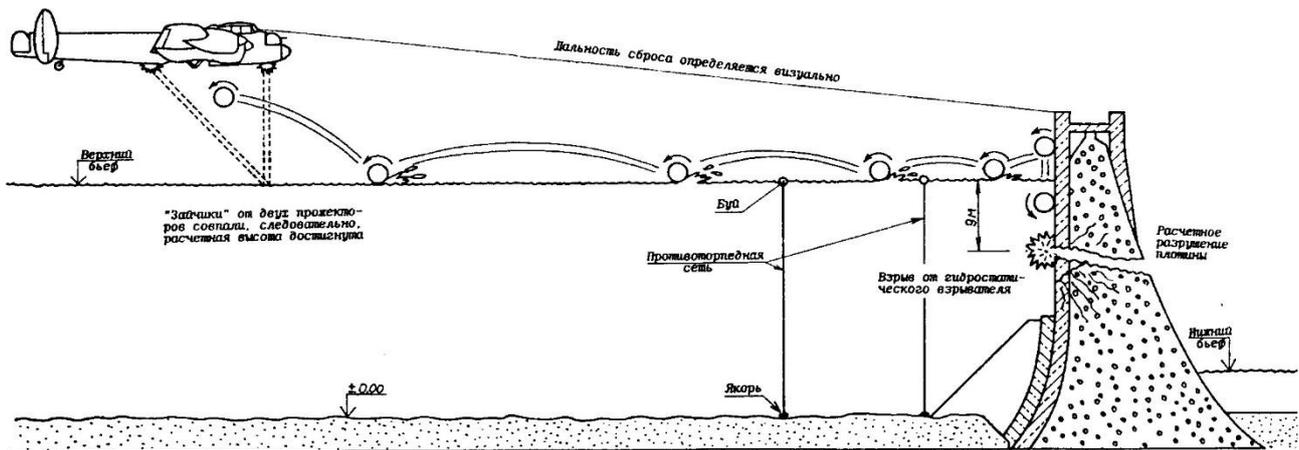

Рис. 5 и 5-1. Схема закрепления и траектория сброса бомбы-волчка

Грозное оружие для уничтожения дамб получило название «Апкип» (Urkeeper), а официальное обозначение тип 464 Vickers. Оно больше всего напоминало большую бочку из-под горячего. Бомба имела диаметр 50 дюймов (127 см) и длину 60 дюймов (152 см). Она весила 9250 фунтов (4,12 т), из которых 6600 фунтов (3 т) приходились на мощную взрывчатку RDX. Снаряд устанавливался поперек бомбового отсека значительно модернизированного «Ланкастера» В.МКIII («сухой» вес – 16,8 т, взлетный – 28 т, скорость – 432 км/ч, вооружение: 8 пулеметов калибром 7,7 мм, 6,5 т бомб, мощность 4-двигательной силовой установки – 6500 л.с., потолок – 6600 м, дальность полета – до 2800 км, длина – 21 м, размах крыла – 31,1 м, экипаж – 7 чел.). Бомбу держали две V-образных рамы, которые позволяли ей свободно вращаться. Ибо она перед сбрасыванием раскручивалась до скорости 500 об/мин с помощью специального маленького электромотора, установленного в бомбовом отсеке, и соединенного с ней посредством обычной ременной передачи. Конечно, для подвески нового оружия необходима была существенная доработка самолета: в первую очередь снимались створки и часть обшивки бомбового отсека. Когда бомбардир в носовой кабине нажимал гашетку, чтобы сбросить бомбу, V-образные рамы резко отгибались в стороны, позволяя ей свободно падать [4].

«Работать» с «Апкипом» было нелегко. Бомбы следовало сбросить на скорости ровно 300 км/час с высоты точно 15 м. Если «Ланкастер» закладывал вираж на этой высоте, его крыло проходило на высоте всего 6 м от поверхности воды. Мало того, скачущую мину следовало сбросить на расстоянии 425 м от стены дамбы. Допустимая ошибка составляла всего 25 м в ту или иную сторону. При скорости 300 км/час самолет пролетал эти 50 м за полсекунды. Никогда раньше к летчикам не предъявляли таких жестких требований. Добавьте сюда необходимость провести атаку ночью, и вы получите представление о трудности задания. Установка оборудования для закрепления бомбы привела и к значительному усложнению пилотирования машины. Хотя с целью облегчения самолета с него снималась верхняя пулеметная установка, а также некоторое второстепенное оборудование, но, несмотря на это, летные данные «Ланкастера» заметно снизились: упала скорость и дальность полета, ухудшилась управляемость [5].

Задача была явно «не по зубам» обычному строевому летчику. Чтобы провести эту атаку, Командование британских ВВС пошли на беспрецедентный шаг, сформировав 617-ю специальную эскадрилью в марте 1943 года. Ее командир, 25-летний подполковник авиации Гай Петроуз Гибсон (G.P. Gibson; 1918–1944), получил право отбирать самых лучших летчиков Бомбардировочного Командования [6].

Рис. 6. Подполковник Г. Гибсон (первый слева) с летчиками 617-й эскадрильи

Результаты

Ночью 16 мая 1943 года началась операция «Даунвуд» (Downwood), с аэродрома Скэмптон в Линкольншире стартовали 19 «Ланкастеров», чтобы атаковать дамбы. Данная дата была выбрана потому, что в это время водохранилища были полностью заполнены после весеннего таяния снегов, а ночью светила полная луна, что должно было облегчить действия атакующих экипажей. Эскадрилья была разделена на 3 группы: 9 самолетов первой группы должны были атаковать дамбу Мён, а дамба Эдер была запасной целью. Для 5 самолетов второй группы основной целью была дамба Зоппе. Пять самолетов третьей группы были выделены в подвижный резерв. Сам Гибсон взялся вести первую волну на южные объекты, его заместитель капитан Джо МакКарти (Joseph McCarthy; 1914–1943) должен был направить пять машин на северные, а выделенные в резерв машины, возглавляемые капитаном Элиасом Таунсендом (Townsend Elias Carter; 1912–1986) взлетали через 2 ч после основных сил. [7]

Первая группа, задействовав 6 машин, при атаке потеряла 1 самолет, ибо дамбу Мён прикрывали 10 зениток, которые вели прицельный огонь. Пилот горящего самолета пытался набрать высоту, чтобы экипаж мог выбраться с парашютами, но не успел – баки взорвались, и машина рассыпалась в воздухе. Остальные пять машин, смогли прорваться сквозь огонь и в 1 ч. 15 мин. атаковали и разрушили дамбу Мён.

После этого Гибсон, приказав разгрузившимся машинам своей группы возвращаться на базу, повел 3 самолета с неиспользованными бомбами к дамбе Эдер. К счастью она не прикрывалась зенитками, и в 1 ч. 54 мин. с ней тоже было покончено. Мало того, одна бомба, перелетев через парапет плотины, упала на здание электростанции и уничтожила его. Увы, и здесь не обошлось без потерь – один самолет разбился, зацепив линию электропередач, а второй был сбит на обратном пути над Германией. Еще один из самолетов первой волны, получивший при атаке дамбы Мён повреждение (два зенитных снаряда попали в правое крыло), выполнил вынужденную посадку на воду в море между Англией и Голландией. После рассвета британскими кораблями были спасены только два из семи члена экипажа [7].

Рис. 7. Атака 817-й эскадрильи на дамбу Эдер

Хуже обстояли дела у второй группы, которая должна была атаковать дамбу Зорпе. Из пяти самолетов два были вынуждены повернуть назад: один был поврежден еще на побережье зенитками, а второй зацепил брюхом за волны и потерял бомбу. Еще два самолета были сбиты при подходе к цели. И только пятый бомбардировщик сумел атаковать – его бомба выбила примерно 15 м парапета, но дамба устояла – пробоины не было [7].

На помощь были вызваны три самолета резервной, третьей волны (два из пяти уже были сбиты немецкой ПВО еще на пути к цели). Первый из них сбросил бомбу, но неудачно – она выскочила на парапет и взорвалась без какой-либо задержки. Атакующий самолет не успел отойти на достаточное расстояние, и был поврежден взрывом. Он еще некоторое время держался в воздухе, но потом рухнул на землю, похоронив с собой экипаж. Второй самолет прибыл к дамбе, когда она закрывалась туманом. После десяти (!) заходов бомба была сброшена и попала в цель. Плотина треснула, но все-таки устояла. Третий резервный самолет прибыл позднее и не смог атаковать дамбу из-за сгустившегося тумана [7].

Рис. 8. Летчики 617-й после выполнения боевого задания на фоне самолета подполковника Гибсона

Таким образом, блестящая атака 617-й эскадрильи привела к разрушению дамб Мён и Эдер и повреждению дамбы Зорпе. Но достигнуто это было высокой ценой: из 19 «Ланкастеров» и 133 человек экипажей были потеряны 9 самолетов и 53 летчика, а еще трое (двое с тяжелыми ранениями) попали в плен. За эту операцию Гай Гибсон получил вполне заслуженный Крест Виктории. Незадолго до гибели он успел написать небольшую книжку мемуаров, «Впереди вражеский берег», в которой очень живо и ярко описал подробности операции «Даунвуд». Были награждены еще 33 человека. 27 мая король Георг VI (Georg VI; 1895–1952) посетил ставшее знаменитым подразделение и утвердил его эмблему. На ней были изображены разрушенная плотина с хлещущей из нее водой и девиз «После нас хоть потоп!». Новых атак с использованием скачущих бомб Уоллиса не проводилось, так как через несколько дней ошеломленные немцы спешно прикрыли мощными зенитными батареями все уцелевшие дамбы, кроме того теперь артиллеристы знали откуда ждать опасности и могли заранее пристрелять пути подхода бомбардировщиков. Разрушение дамбы Мён привело к затоплению долины ниже по течению реки. Еще больший эффект произвело уничтожение дамбы Эдер. Здесь даже пришлось эвакуировать пригород Касселя, Нехайм. Однако ни в том, ни в другом случае не удалось добиться долгосрочного результата. Немцы быстро починили плотины, бросив туда 20 000 человек (большой частью пленных), правда, рабочих пришлось снять со строительства Атлантического вала. [1, 3]

Общие немецкие потери были таковы: в результате разрушений дамб Мён и Эдер ниже по течению рек были разрушительные наводнения, которые привели к гибели 1294 человека. К сожалению, большую часть из них (около 700 жертв) составили, угнанные в Германию на принудительные работы украинские женщины, которых немцы-охранники, сами сбежав от потопа, оставили на верную смерть за колючей проволокой концлагеря. Был нарушен транспорт и потеряна часть жилого фонда. Из некоторых мест проводилась эвакуация населения. После войны англичане заполучили немецкие документы, из коих следовало, что жертвами налета стало 125 разных предприятий, 25 мостов, залило 8 тыс. га сельхозугодий, погибло 6,5 тыс. голов скота. Пострадали аэродромы с находившимися на них самолетами и ангарами, несколько электростанций — жилые дома и заводы остались без энергии. Возникли проблемы в снабжении водой тяжелой промышленности Германии.

Рис. 9. Дамба Мён после бомбардировки английскими самолетами

Однако полностью осуществить задуманное не удалось — ведь дамба Зорпе устояла, а именно там находилась львиная доля запасов воды для металлургической

промышленности. Если бы удалось разрушить еще и Зорпе, германская индустрия получила бы сильнейший удар, но уцелевшее водохранилище сумело обеспечить питание заводов Рура водой до тех пор, пока шли ремонтно-восстановительные работы на плотине через Мёне. Тем не менее разрушение дамб с помощью прыгающих бомб вошло в историю как одна из наиболее оригинальных операций, проведенных британскими ВВС в ходе Второй мировой войны [8].

Выводы

Вот что пишет о результатах этой атаки Альберт Шпеер (Albert Speer; 1905–1981), рейхсминистр военной промышленности и вооружений, в своих мемуарах (опубликованы в русском переводе под названием «Третий Рейх изнутри. Воспоминания рейхсминистра военной промышленности. 1930-1945»): «Среди ночи я получил очень тревожное сообщение: разрушена самая большая плотина — плотина на реке Мёне, и водохранилище опустело. О трех остальных плотинах никаких сведений не было. На рассвете при подлете к городу Верль мы увидели жуткую картину разрушений. Электростанцию у подножия разбомбленной плотины словно стерло с лица земли вместе с ее огромными турбинами. Вода, хлынувшая из водохранилища, затопила долину Рура. Электрооборудование насосных станций оказалось под слоем воды и ила; промышленные предприятия остановились, водоснабжение населения оказалось под угрозой. Если бы британцам удалось уничтожить три других водохранилища, долина Рура оказалась бы полностью лишённой воды на все летние месяцы, а из-за нехватки воды для охлаждения коксовых печей и домен заводы Рурского региона сократили бы производство на 65 процентов. Мой отчет, вскоре представленный в Ставку, произвел сильное впечатление на фюрера...». [9]

После успеха прыгающих бомб репутация Уоллеса в военных кругах укрепились, поэтому он получил возможность воплотить в жизнь идею сейсмической бомбы. Вначале была разработана 6-тонная бомба «Tallboy», а потом и 10-тонная «Grand Slam». Больше бомбы «Уркеер» не применялись, а когда срок их хранения истек, все экземпляры прыгающих бомб, кроме музейного, были сброшены без запалов в Северное море.

Впрочем, американцы тоже собирались использовать прыгающую бомбу. Меньшего размера сферический «Хайболл» (Highball – стакан виски с содовой), диаметр 35 дюймов (890 мм), вес 600 фунтов (272 кг), – тоже конструкции сэра Уоллиса – они планировали для уничтожения японских кораблей, но многое у них не срослось во время испытаний и эту идею оставили в покое.

Литература

1. Румпф Ганс. Огненный шторм. Стратегические бомбардировки Германии. 1941–1945. М.: Центрполиграф, 2010.
2. Каторин Ю.Ф. Уникальная и парадоксальная военная техника. Том. Книга 1. СПб.: «Полигон», 2006.
3. Paul Brickhill. The Dam Busters. London: Evans Bros., 1951. «Novelised» style. Covers entire wartime story of 617 Squadron.
4. Брикхилл Пол. Затопить Германию! М.: АСТ, 2001.
5. Churchill, Winston S. The Second World War, Volume IV: The Hinge of Fate. London: Cassell, 1951.
6. Cockell, Charles S. The science and scientific legacy of Operation Chastise. *Interdisciplinary Science Reviews* 27, 278–286, 2002.
7. Гибсон Гай Пенроуз. Впереди вражеский берег М.: АСТ, «Ермак», 2003.
8. Sweetman, John. The Dambusters Raid. London: Cassell, 1999.
9. Шпеер Альберт. Третий рейх изнутри. Воспоминания рейхсминистра военной промышленности. 1930-1945. М.: Центрполиграф, 2005.

References

1. Rumpf Hans. Fiery storm. The strategic bombings of Germany. 1941–1945. М.: Tsentrpoligraf, 2010.
2. Katorin Yu.F. Unique and paradoxical military equipment. Tom. Book 1. St. Petersburg: “Range”, 2006.

3. Paul Brickhill. The Dam Busters. London: Evans Bros., 1951. «Novelised» style. Covers entire wartime story of 617 Squadron.
4. Brikkhill Paul. To flood Germany! M.: AST, 2001.
5. Churchill, Winston S. The Second World War, Volume IV: The Hinge of Fate. London: Cassell, 1951.
6. Cockell, Charles S. The science and scientific legacy of Operation Chastise. Interdisciplinary Science Reviews 27, 278–286, 2002.
7. Gibson Guy Penrouz. In front enemy shore. M.: AST, “Ermak”, 2003.
8. Sweetman, John. The Dambusters Raid. London: Cassell, 1999.
9. Shpeer Albert. Third Reich from within. Recollections of reykhsministra of defense industry. 1930-1945. M.: Tsentrpoligraf, 2005.

УДК 930.1

Бомбы-волчки

Юрий Федорович Каторин

Государственный университет морского и речного флота имени адмирала С.О. Макарова,
Российская Федерация
198035 Санкт-Петербург, ул. Двинская, 5/7
Доктор военных наук, профессор
E-mail: katorin@mail.ru

Аннотация. В статье рассказано об атаке ночью 16 мая 1943 года английскими самолетами 617-й эскадрильи германских дамб в Рурском бассейне с использованием бомб «Апкип» и истории их создания конструктором Барнсом Уоллисом, описано устройство этого оружия и тактика его применения. Анализируется ход операции, подробно рассказывается о действиях экипажей самолетов, приводятся потери сторон и последствия разрушения дамб для германской военной промышленности.

Ключевые слова: Вторая мировая война, бомбардировки Германии, дамбы, Рур, бомба «Апкип», Барнс Уоллис, подполковник Гай Петроуз Гибсон, 617-я эскадрилья, операция «Даунвуд».

Copyright © 2016 by Academic Publishing House *Researcher*

Published in the Russian Federation
Voennyi Sbornik

Has been issued since 1858.

ISSN: 2309-6322

E-ISSN: 2409-1707

Vol. 13, Is. 3, pp. 145-163, 2016

DOI: 10.13187/vs.2016.13.145

www.ejournal6.com

UDC 94(497.5)

**The Militärgrenze from the battle of Solferino before the beginning
of demilitarization: three views out of Russia (F. F. Tornau, N.I. Krasnov,
B. Katalinich). Part II**

Artyom Y. Peretyatko

International Network Center for Fundamental and Applied Research, Russian Federation
Laboratory of Military Research
PhD (History)
E-mail: ArtPeretatko@yandex.ru

Abstract

The article is analyzed the materials of Russian periodical press in 1860. It is about the Militärgrenze and the project of organization of the Slavic rebellion in the Austrian Empire, developed by B. Katalinich. The author concludes that the authors of journal publications (N.P. Glinojeky, only Russian officer, who wrote regularly about Grenz infantry and M.I. Dragmirov, who was well-known military theorist) is not considered Grenz regiments as a military settlement. They considered them as a part of the regular Austrian army and exaggerating their fighting efficiency.

Special attention is paid to the project B. Katalinich, who was a junior officer in the four armies: Austrian, Mexican, Serbian and Russian. His project of the Slavic rebellion was very unreal, but the Minister of war D. A. Milyutin, the chief of Main staff F.L. Heiden and other top Russian officials expressed interest to him. The result of the study is the conclusion that the project of B. Katalinich could have some influence on the Russian-Austrian and Russian-Croatian relations in different conditions, but was proposed too late.

Keywords: Grenz infantry, Cossacks, Military settlement, the Austrian Empire, N.P. Glinojeky, B. Katalinich.

Вероятно, самым влиятельным критиком военно-поселенной системы в Российской империи начала 1860 гг. был лично военный министр, Д.А. Милютин. К сожалению, наиболее развернуто свою точку зрения по этому вопросу он изложил еще в бытность поручиком, в 1830 гг., однако данный текст настолько показателен, что мы позволим себе обширную выписку из него. Д.А. Милютин тогда писал: «Всем известны невыгоды всякого вооруженного населения. Везде, где подобные учреждения существовали, они были вынуждены крайней необходимостью, и терпелись как зло, но зло неизбежное, отвращающее, может быть, гораздо большее зло. Однако ж всякое правительство старается, по мере возможности, уменьшить этот разряд населения, и там, где исчезнет цель, с которой оно было некогда учреждено, должно всеми силами стараться подводить его под общие государственные установления. <...>. Всякие иррегулярные поселенные войска тогда только хороши, полезны для государства и страшны для неприятеля, пока они находятся вблизи от

сего последнего; они образуются опытностью, и без войны не могут быть никакими средствами поддерживаемы, как войска регулярные» [1].

Судя по всему, к началу интересующего нас периода военный министр несколько умерил свой радикализм, но в целом продолжал придерживаться прежнего мнения. В 1862 г. он в Высочайшем докладе выражал сомнения в том, насколько казачьи части в военном отношении оправдывают финансовые затраты на них, и призывал рассматривать казачьи войска не как «военные лагеря», но как части государства, «имеющие полное право пользоваться плодами гражданского и экономического развития наравне с другими частями Империи» [2]. Любопытно отметить сходство позиции российского военного министра и анонимных австрийских парламентариев, которые, по сведениям Ф.Ф. Торнау, так же настаивали на равенстве политических прав Военной Границы с другими австрийскими территориями, и требовали соответствующих преобразований [3]. Высказывалось в Австрии и сомнение в том, насколько уместно существование Военной Границы вдали от неприятеля. В достаточно подробных материалах иностранного обозрения «Русского инвалида» нашла отражение точка зрения Й.Ю. Штроссмайера, считавшего, что было бы «приличнее» учредить новую Военную Границу на рубежах с враждебными Австрии Италией или Россией, чем сохранять подобное учреждение возле давно ослабевшей и вполне безопасной Турции [4].

Итак, в 1860 гг. российская военная элита достаточно критично смотрела на сам институт иррегулярных войск. О неустранимых проблемах их организации писали Д.А. Милютин и Н.И. Краснов, а Ф.Ф. Торнау и донские «прогрессисты», не рассматривая поселенные войска в целом, пришли к схожим выводам о Военной Границе и в Донском войске. По мнению этих авторов, важнейшей, если не неизбежной проблемой военных поселенцев в современном государстве являлось несовершенство их гражданских институций и законоположений, не дающее в полной мере развиваться местной экономике и ограничивающее политические права военных областей по сравнению с прочими провинциями. Следовательно, первоочередной задачей государства было обеспечение политического и экономического развития поселенных войск до уровня сопредельных территорий, а чисто военные вопросы до выполнения этой задачи должны были отойти на второй план. Доказательством господства подобной точки зрения в России служит характерный для этого десятилетия правительственный курс на «развитие гражданственности» в казачьих войсках [5]. Поскольку австрийское правительство, судя по всему, придерживалось схожих взглядов [6], а граничары являлись крупнейшим в Европе поселенным войском после казаков, можно было ожидать, что опыт реформ Военной Границы вызовет в России определенный интерес. Однако, как мы писали в первой части своей статьи, доклад Н.И. Краснова с его прямым и развернутым сопоставлением казаков и граничар так и остался уникальным явлением в отечественной военной литературе. Почему же так произошло? Почему австрийский опыт реформы военных поселений не вызвал особого интереса ни у правительства, ни в офицерской среде?

Чтобы получить ответ на этот вопрос, а также понять, каким вообще было представление о Военной Границе среди российских военных, мы обратились к отечественной печати 1860 гг. Только один из ее авторов регулярно писал о граничарах. Это был Н.П. Глиноецкий, иностранный обозреватель «Военного сборника» с 1859 г. до 1873 г. Уже в своих ранних статьях о австро-франко-итальянской войне 1859 г. он неоднократно упоминал о пограничных частях, указывал их численность и даже отметил шести ротную организацию батальонов [7]. Однако русский офицер нигде специально не останавливался на отличиях полков с Военной Границы от австрийской регулярной армии, и, тем более, на экономических и политических проблемах данного региона. И в дальнейшем он продолжал следовать подобному подходу. Например, в своей статье, посвященной преобразованиям австрийской армии после поражения в австро-прусской войне 1866 г., Н.П. Глиноецкий только вскользь упомянул о том, что реформа организации граничар была связана с желанием облегчить положение «крайне обремененных военной службой местностей», после чего сразу перешел к подробному описанию особой батальонной структуры пограничных полков [8].

Схожей позиции придерживался и М.И. Драгомиров, который, подобно Ф.Ф. Торнау, наблюдал австро-франко-итальянскую и австро-прусскую войны в качестве российского

военного агента [9], причем фиксируя свои наблюдения не только в отчетах Военному Министерству, но и в печати. В книге о битве при Сольферино он вообще анализировал австрийскую армию в целом, включая граничар, выделяя ее общие достоинства и недостатки и не останавливаясь на специфике отдельных частей [10]. В цикле статей о австро-прусской войне 1866 г. М.И. Драгомиров кратко сообщил о особом положении Военной Границы, однако при его характеристике ограничился указаниями на то, что граничары служат поголовно, получают за службу землю и имеют национальный офицерский корпус [11]. Вопрос о том, насколько эффективна была такая система службы, генералом не поднимался в принципе, а в дальнейшем тексте статей он рассматривал пограничные полки наравне с линейными.

Мы видим, что важнейшие российские военные авторы 1860 гг., занимавшиеся обзором иностранных вооруженных сил, рассматривали граничар как часть австрийской регулярной армии, пускай и со специфической системой комплектования. В качестве поселенного войска Военная Граница ими не изучалась, и возможная параллель между ней и российским казачеством полностью ускользнула от внимания русской военной прессы. А поскольку австрийская военная наука считалась крайне отсталой, и Н.П. Глиноецкий даже писал, что ни одна военная идея, исходившая из Австрии, не оказалась прочной и полезной, уникальная система организации Военной Границы не вызывала особого интереса ни в российской офицерской среде, ни в Военном Министерстве [12]. В результате на страницах «Военного сборника» и «Русского инвалида» публиковались материалы о пограничных полках, но тематика Военной Границы как целостной институции в этих изданиях не поднималась.

В рамках темы нашего исследования представляется очень важным, что в работах Н.П. Глиноецкого и М.И. Драгомирова не нашло отражения падение боеспособности граничар, вскрывшееся в ходе австро-франко-итальянской войны. Напротив, Н.П. Глиноецкий продолжал считать «кroatскую пехоту» (судя по контексту, именно части, выставляемые с Военной Границы) одним из козырей австрийской армии [13]. Он отмечал зависимость качества подразделений габсбургских вооруженных сил от национальности служивших в них солдат, однако ниже всего ставил итальянцев и венгров, ни разу не упомянув в подобном контексте пограничные полки [14]. В трудах М.И. Драгомирова мы вообще не обнаружили какой-либо отдельной оценки граничар, боеспособность которых, судя по всему, принималась генералом примерно равной остальной австрийской пехоте.

Причины подобной не информированности заслуживают отдельного анализа. Прежде всего, в российской военной периодике 1860 гг. не было авторов, специально занимавшихся Австрийской империей. Даже постоянно писавший о ней Н.П. Глиноецкий был универсальным иностранным обозревателем, рассматривавшим военно-морские и военно-финансовые вопросы во всех европейских и важнейших неевропейских странах, что не могло не сказываться на качестве и глубине его статей. При этом основные научные интересы русского офицера лежали в области изучения истории российского генерального штаба [15-16]. Личные наблюдения М.И. Драгомирова, сделанные в ходе австро-франко-итальянской и австро-прусской войн, были недостаточны для оценки боеспособности граничар, поскольку он находился при войсках противников Австрийской империи [17]. Безусловно, если бы именно с граничарами было связано какое-то громкое поражение, если бы падение их боеспособности носило катастрофический характер, русскому генералу стало бы известно об этом. Однако он не видел австрийскую армию изнутри, и не мог знать, что офицерам трудно сохранить порядок пограничных полков под огнем [18], а их солдаты не отличаются высоким боевым духом [19]. Ситуацию могли бы исправить переводы новейшей австрийской военной литературы, однако с ними дело обстояло крайне неблагоприятно. Обратившись к систематическому указателю к «Военному сборнику», мы обнаружили, что на его страницах была представлена информация о итальянских и даже французских работах о австро-прусской и австро-итальянской войнах 1866 г., а вот австрийские труды не попали даже в библиографическое обозрение [20]. Впрочем, вину за это не следовало возлагать на российскую сторону: Н.П. Глиноецкий, составивший в конце 1866 г. обзор иностранных сочинений о этих вооруженных конфликтах, с сожалением констатировал, что если прусскими офицерами уже в первые несколько месяцев после заключения мира был выпущен целый ряд работ, в том числе и полноценных монографий, в которых по горячим

следам анализировались различные аспекты боевых действий, то в Вене опубликовали только сборник реляций из официальных газет, не представляющий какого-либо интереса [21]. Ситуация с военными писателями и особенно военными историками в габсбургской монархии была настолько плачевной, что к 1866 г. в австрийской печати не была серьезно разработана даже тема австро-франко-итальянской войны [22].

В результате традиционно высокая оценка граничар в российской военной литературе сомнению не подвергалась, тем более, что работы, укрепляющие российских офицеров в подобном мнении, в предшествующее десятилетие несколько раз издавались Военным Министерством. Только в 1852 г. было выпущено официозное «Прибавление к военному энциклопедическому лексикону», содержащее подробные описания ряда европейских войн, связанных с революцией 1848 г. В этой книге самым высоким образом оценивалась роль Военной Границы в защите габсбургской монархии, и отмечалось, что даже после посылки в итальянскую армию двух батальонов от каждого пограничного полка местным властям удалось мобилизовать еще 50 000 солдат благодаря «пламенному энтузиазму славянских племен» [23]. В 1859 г., накануне битвы при Сольферино, на страницах «Военного сборника» была опубликована статья Ю. Виккеде, содержащая весьма благоприятный отзыв о граничарах. Редакционное предисловие к данному тексту рекомендовало его как крайне надежный источник по современному состоянию австрийской армии [24].

У отечественных военных обозревателей наиболее устойчивый интерес вызывали две темы, связанные с граничарами. Как мы показали в первой части нашей статьи, русско-австрийские отношения в 1860 гг. были далеки от идеала, и армия Австрийской империи оставалась потенциальным противником российских войск. Любопытно отметить, что в 1870 г. даже была переведена австрийская брошюра о гипотетической австро-русской войне, ставшая редким примером австрийской военной литературы на страницах «Военного сборника» [25]. В этих условиях отечественных авторов интересовала в первую очередь численность пограничных полков, тот ресурс, который они могли дать Австрийской империи. Но без учета специфики их организации цифры, встречавшиеся на страницах военной периодики, часто были далеки от действительности. Так, М.И. Драгомиров считал, что Военная граница способна выставить не более 42 000 солдат [26], а в «Русском инвалиде» вообще указывалось, что в действующую армию можно направить 25 000 граничар, поскольку остальные нужны для внутренней службы [27]. У Н.П. Глиноецкого, по-видимому, просто списывавшего информацию из различных иностранных источников, цифры резко разнятся от статьи к статье, достигая максимума в 72 000 граничар [28] и падая до минимума в 37 320 строевых солдат и 6 431 резервистов [29]. На практике в 1848 г., когда в пограничные полки было мобилизовано все мужское население, их численность превысила 100 000 человек [30], да и в 1864 г. штатное расписание всех частей, выставляемых Военной Границей, простиралась до 72 793 военнослужащих [31]. Причины подобной ошибки лежали на поверхности: российские авторы в своих расчетах обычно исходили из числа батальонов австрийской армии, не зная о существовании особой категории граничар, «общего резерва», не сводившегося в эти батальоны [32].

Несмотря на подобные неточности, интерес российских авторов к людскому потенциалу Военной Границы был достаточно детальным. Даже изменения штата отдельных пограничных полков подробно разбирались на страницах «Военного сборника» после каждой значительной реформы. Например, в обзоре преобразований австрийской армии в 1867 г. Н.П. Глиноецкий приводил новые штаты не только пограничного полка, но и каждой его составляющей: штаба, батальонов и запасных рот. Его статья содержит любопытные и нигде более не встречавшиеся нам сведения о формировании в каждом полку особой кавалерийской команды, специально предназначенной для быстрой передачи сообщений [33]. Правда, и тут недостаточная информированность сыграла с русским офицером злую шутку: на практике штат пограничных полков мог далеко не соответствовать численности военного времени. На Военной Границе полк был в первую очередь территориально-административной единицей, и в его списки включались все способные носить оружие мужчины, проживающие на соответствующей территории. Поэтому в случае войны людские ресурсы каждого полка зависели от его населения, а не формальных штатов (на смену уходящим на фронт строевым батальонам призывались батальоны запасные, а из «общего резерва» тем временем формировались новые запасные

батальоны, и так могло продолжаться, теоретически, до мобилизации последнего способного держать оружие мужчины) [34]. Впрочем, Н.П. Глиноецкий кратко упомянул о том, что на Военной Границе возможно формирование в случае войны новых запасных частей [35], однако при расчете общей численности австрийской армии не учел этой возможности, ограничив количество солдат пограничных полков строевыми подразделениями и запасом мирного времени [36].

Поскольку данные русских офицеров о общей численности граничар не выдерживают никакой критики, а сообщаемые ими сведения о штате отдельных пограничных полков носят узкоспециальный характер, более любопытной нам представляется вторая актуальнейшая для российской военной печати 1860 гг. тема, неразрывно связанная с Военной Границей. Речь идет о военном бюджете Австрийской империи, почти ежегодно вызывавшем бурные споры. Финансовое благополучие габсбургской монархии было далеко от идеала, и рейхсрат видел выход из сложившейся ситуации в уменьшении трат на армию. Правительство в принципе было согласно с подобным решением, и еще до австро-прусской войны обещало начать сокращение вооруженных сил в ближайшем будущем [37]. Поражение в этой войне, военные расходы и потеря богатой Венеции только ухудшили ситуацию. По мнению российских военных обозревателей, близкой к банкротству Австро-Венгрии после 1866 г. было абсолютно необходимо стабилизировать бюджет, добиться равенства доходов и расходов. Однако достичь этого без сокращения армии до необходимого минимума можно было только путем резкого повышения налогов, ставящего под угрозу стабильность и дееспособность государства [38]. С другой стороны, проигрыш двух крупных войн за десятилетие неизбежно инициировал серию военных реформ, которые приходилось проводить в условиях крайне ограниченного военного бюджета, в ряде случаев жертвуя боеспособностью вооруженных сил ради экономии [39].

В отечественной историографии не рассматривался вопрос о финансовых предпосылках ликвидации Военной Границы. Между тем публикации в российской военной прессе свидетельствуют о их существовании. В 1864 г. на содержание пограничных полков было выделено, по сведениям Ф.Ф. Торнау, 4 696 000 гульденов [40]. Н.П. Глиноецкий для 1865 г. обозначает схожие цифры: 4 210 596 гульденов на собственно расходы Военной Границы и 114 372 гульденов на уплату процентов по ее долгам [41]. Австрийскими авторами так же указывалось, что в первой половине 1860 гг. пограничные полки требовали от австрийской казны около 4 500 000 гульденов ежегодно [42]. Может показаться, что эта сумма составляла ничтожную часть общего австрийского военного бюджета, простиравшегося в 1865 г. до 105 767 772 гульденов [43] (рекордных размеров он достигал в 1863 г., когда превышал 135 000 000 гульденов) [44]. Однако после 1866 г. военный бюджет был резко сокращен: в 1867-1870 гг. он колебался около 80 000 000 гульденов, причем сильнее всего были урезаны именно траты на Военную Границу, упавшие до 1 000 000 гульденов [45-47]. Рейхсрат не был вполне удовлетворен даже таким положением: в 1868 г. он требовал дополнительного сокращения расходов на вооруженные силы до 63 000 000 гульденов, и правительству едва удалось отстоять первоначальные цифры [48]. В дальнейшем общая сумма военных трат Австро-Венгрии снова начала расти из-за нового увеличения численности армии, что вызвало недовольство рейхсрата [49], однако расходы на граничар продолжали падать, и именно ими парламентарии жертвовали в первую очередь: например, в 1872 г. военный министр Ф. Кун фон Куненфельд просил у них выделить на содержание пограничных полков всего 470 383 гульдена, однако по итогам обсуждения данную статью вовсе не включили в военный бюджет [50]. Напомним, что о грядущей демилитаризации даже не всей Военной Границы, а двух ее полков было объявлено только в 1869 г. [51], а реально данный процесс был начат в 1871 г. [52]. Таким образом, в 1867-1870 гг. Военной Границе, сохраняющей, в целом, прежнюю организацию, приходилось выживать при сокращении выделяемых средств в четыре раза, а как только началось расформирование пограничных полков, рейхсрат вообще перестал выделять им финансирование из государственной казны.

Впрочем, после 1866 г. некоторые военные расходы не учитывались в австрийском военном бюджете. Суммы, выделяемые сверх него, могли быть достаточно значительны, в определенной степени компенсируя сокращение обычных военных трат. Однако пограничные полки не участвовали в распределении экстраординарного военного

финансирования даже в 1868 г., когда оно достигло максимума в 30 686 000 гульденов [53]. Только после 1872 г., когда в военном бюджете вообще не осталось обычных расходов на граничар, военному министерству было разрешено включать затраты на них в число экстраординарных расходов, но с условием, что эти средства будут изыматься из доходов самой Военной Границы [54].

Итак, после австро-прусской войны 1866 г. Австро-Венгрии приходилось выживать в условиях жесточайшей экономии бюджета и борьбы рейхсрата с правительством за сокращение вооруженных сил. В такой ситуации значение потенциального роста налогов с демилитаризованных территорий Военной Границы еще более возросло, а вот многочисленные, но не вполне надежные и боеспособные граничары представляли собой крайне сомнительную ценность. Положение могла изменить удачная реформа пограничных полков, однако ее проведение было затруднено как раз из-за бюджетной экономии. Судя по опыту донского казачества, подобные преобразования потребовали бы весьма существенных расходов [55]. Но в Австро-Венгрии, где военный бюджет утверждался парламентом, пытающимся максимального его сократить, ассигнование крупных сумм на реформу пограничных полков было бы возможно только за счет уменьшения других затрат на вооруженные силы, а противники таких ассигнований нашли бы поддержку у представителей Военной Границы и Хорватии в выборных органах [56]. Австрийское военное министерство, очевидно, понимало это, и еще в 1866 г. приняло решение не жертвовать интересами регулярной армии ради Военной Границы. Как мы помним, уже в военном бюджете на 1867 г. оно вчетверо сократило выделяемое пограничным полкам содержание, чтобы сохранить в рамках урезанного военного бюджета финансирование регулярных частей на приемлемом уровне. Таким образом, целый ряд финансовых факторов подталкивал Вену к ликвидации Военной Границы и затруднял ее модернизацию с сохранением исторически сложившейся системы службы.

Наше представление об отношении российских военных к Военной Границе будет не полным, если мы не затронем темы о потенциальном использовании пограничных полков в интересах России. Статьи об этом не печатались в военной периодике, честный и симпатизирующий австрийским властям Ф.Ф. Торнау не рассматривал подобную возможность в своих отчетах. Зато соответствующий проект лег в конце 1860 гг. на стол Д.А. Милютина, и вызвал определенный интерес не только у него, но и у других высших чиновников Российской империи. Об этом проекте было известно еще в советский период [57], затрагивался он и в относительно недавних публикациях [58], но сколько-либо подробного его анализа в отечественной историографии не существует. Между тем его создатель, Б. Каталинич, не просто сообщил Военному Министерству информацию о потенциальной возможности привлечь пограничные полки на российскую службу, но пытался активно навязывать своим высокопоставленным читателям определенную точку зрения на граничар, чтобы спровоцировать Россию прямо вмешаться во внутренние дела Австро-Венгрии. Это резко отличает его тексты от чисто информационных (по крайней мере, в той части, что касалась Военной Границы) работ Ф.Ф. Торнау, Н.И. Краснова, Н.П. Глиноецкого и М.И. Драгомирова. Учитывая так же фактографическую ценность некоторых сообщаемых Б. Каталиничем сведений, мы подробно проанализируем его проект в этой и следующей частях нашей статьи.

Уже послушной список Боголюба Каталинича свидетельствует о том, что мы имеем дело с весьма неординарной личностью. Он успел послужить в армиях четырех стран, расположенных в обоих полушариях: в австрийской, в мексиканской, в сербской и в российской. Автор единственной биографической статьи о авторе проекта перехода пограничных полков на русскую службу, М.В. Нигалатий, рисует его убежденным сторонником славянского движения, принципиальным и последовательным человеком. Мы позволим себе усомниться в точности подобного портрета. Что забыл борец за свободу южных славян на противоположной стороне глобуса, в Мексике, где он защищал от республиканцев недолговечную империю Максимилиана Габсбурга? В 1864 г. Б. Каталинич добровольно оставил службу в граничарском полку ради зачисления в так называемый «австрийский корпус» Мексиканской империи [59]. В отечественной историографии данное формирование описывается как сборище «наемников и авантюристов» из разных европейских стран, привлеченных высокими окладами и шансом занять важные посты в

раздираемом гражданской войной и интервенцией государстве [60]. Кроме того, сама «Мексиканская империя» представляла собой фактически ширму для французского оккупационного режима, была попыткой придать ему какую-то легитимность [61]. Симпатии европейских деятелей революционного направления, от В. Гюго до Дж. Гарibaldi, принадлежали ее врагам, войскам президента Б. Хуареса [62]. Безусловно, люди совершают неожиданные поступки, но трудно представить себе убежденного борца за свободу одного народа добровольно сражающимся в армии брата его главного угнетателя за порабощение другого.

Да и России Б. Каталинич отнюдь не хотел служить из одних идейных соображений. Он многократно жаловался на недостаточное жалование и просил о повышении, не стесняясь обращаться лично к Д.А. Милютину. Более того, в своих прошениях он скрывал службу в Сербии, идя на прямой подлог: хотя австрийская пенсия и чины были потеряны им при переходе в сербскую армию, Б. Каталинич утверждал, что это произошло из-за его идейного решения служить России, и требовал компенсации [63]. Наконец, организацию славянского восстания в Австро-Венгрии бывший офицер-граничар увязывал с выделением своим агентам крупных сумм денег, а себя лично подпоручик (мы считаем нужным подчеркнуть его воинское звание) видел одним из ключевых лиц грядущей революции [64].

На наш взгляд, в характере Б. Каталинича доминировала авантюристическая жилка, заставлявшая его раз за разом вступать в разного рода сомнительные предприятия. В 1868 г. он только перешел на службу в сербскую армию и получил должность при Военном Министерстве, однако при первом же намеке на возможность добиться большего сорвался с места. Через российского офицера, проводившего топографические работы на Балканах, ему удалось передать русскому послу в Константинополе, Н.П. Игнатьеву, свои записки о возможности общеславянского восстания против Габсбургов. В них Б. Каталинич рисовал только что реформированную двуединую монархию крайне непрочной и готовой развалиться на союзные России государства [65]. Подобные взгляды пользовались популярностью среди отечественных панславистов. Их придерживался, в частности, В.П. Балабин, после австро-франко-итальянской войны вообще докладывавший Александру II, что Австрии остались считанные месяцы [66].

Н.П. Игнатьев вполне сочувствовал идее развала государств, проводящих самостоятельную, часто недружественную Российской империи политику, с дальнейшим созданием на их территориях пророссийских славянских стран. Целью своей деятельности в качестве посла в Константинополе он видел не улучшение отношений с Турцией, но ее разрушение [67]. Русский дипломат был не чужд и авантюристической жилки, присущей Б. Каталиничу: он откровенно сотрудничал с разного рода сомнительными личностями, включая политических интриганов и шпионов [68]. Записки Б. Каталинича, в которых предлагалось использовать Военную Границу как главную силу грядущего славянского восстания, были восприняты Н.П. Игнатьевым более чем благосклонно, и он не только помог бывшему граничару перейти на службу в русскую армию, но и, очевидно, обеспечил ему доступ к другим высокопоставленным чиновникам [69]. Наверное, тогда Б. Каталиничу казалось, что он вплотную приблизился к реализации хотя бы некоторых своих идей: к его запискам, помимо русского посла в Константинополе, проявляли интерес начальник Главного штаба Ф.Л. Гейден, директор Азиатского департамента министерства иностранных дел П.Н. Стремоухов, и даже лично Д.А. Милютин [70].

Б. Каталинич много лет служил в пограничных полках, и его информированность о деталях службы граничар и о ситуации на Военной Границе невозможно сравнить со статьями русских военных обозревателей и даже с отчетами Ф.Ф. Торнау. Однако, учитывая неоднократные подлоги бывшего австрийского офицера при попытках получить продвижение по службе, безоговорочно верить всем сообщаемым им фактам не следует. На недостоверность некоторых мест в записках граничара указывали уже наиболее проницательные из его высокопоставленных читателей: П.Н. Стремоухов, признавая интерес сведений, сообщенных Б. Каталиничем о положении дел в Сербии, считал многие его утверждения ложными и потому не имеющими политического значения [71]. Даже советские публикаторы одной из записок Б. Каталинича, явно симпатизирующее бывшему австрийскому офицеру, были вынуждены признать, что его сообщения о Хорватии и Военной Границе «отличаются неопределенностью и, может быть, в большей степени

отражают мнение автора, чем действительные настроения южных славян» [72]. Поэтому нет ничего удивительного в том, что уже первая записка Б. Каталинича, с которой он обратился к Н.П. Игнатьеву, «О военно-политическом значении Военной Границы в Австрии», содержит несколько крайне сомнительных, но принципиальных для автора тезисов.

Прежде всего, бывший австрийский офицер считал, что венские власти никогда не пойдут на упразднение пограничных полков. Он признавал, подтверждая отчет Ф.Ф. Торнау, что после австро-франко-итальянской войны имперские чиновники рассматривали подобный вариант действий, однако отрицал возможность его воплощения в жизнь [73]. Вообще, в интерпретации Б. Каталинича австрийское правительство не только нимало не заботилось о граничарах, но и выглядело состоящим из откровенно неадекватных людей, которые прекрасно осознавали опасность восстания на Военной Границе и считали пограничные части утратившими всякую боеспособность, но боялись приступить к процессу их демилитаризации из страха перед беспорядками [74]. О невозможности демилитаризации бывший австрийский офицер писал даже тогда, когда она уже началась: в авторизированном и дополненном автором переводе его текста на русский, сделанном в 1869 г., упоминается о подготовке к расформированию двух граничарских полков. Едва ли Б. Каталинич не понимал, что этим событием был запущен процесс перевода Военной Границы на гражданское положение, скорее он сознательно игнорировал неудобные факты. Об этом свидетельствует откровенная ложь в других местах его записки, в которой военная история пограничных частей после 1848 г. излагалась совершенно превратно. Странности начинались с описания сражения под Сольферино: якобы, в его ходе именно граничары должны были наносить основной удар по французским позициям, а возглавить эту атаку предполагал лично Франц Иосиф. Но даже пламенная речь императора не заставила солдат тронуться с места, и поражение в сражении, а потом и в войне, многие в австрийской армии приписали трусости уроженцев Военной Границы. В интерпретации Б. Каталинича ненависть к граничарам распространилась настолько, что Л.А. Бенедек, командующий Северной армией в ходе австро-прусской войны 1866 г., сказал в ответ на предложение императора передать под его командование несколько пограничных полков: «Мне не нужны, Ваше Величество, эти трусливые собаки-граничары, пусть остаются в своих норах». Эта ненависть и равнодушие венских властей к интересам Военной Границы дошли до того, что в 1866 г. она была оставлена беззащитной перед итальянским десантом, и только личная инициатива и смелость В. фон Тегетгоффа, руководившего австрийским флотом, спасла дома и семьи граничар [75].

Все эти яркие, достойные приключенческого романа события и фразы исторических деятелей, судя по всему, были плодами богатого воображения Б. Каталинича. В подробной монографии М.И. Драгомирова о сражении при Сольферино не содержится никаких упоминаний о попытке провести какую-либо значимую атаку силами одних граничар, тем более, под руководством самого императора. Ничем не подтверждается и высказывание Л.А. Бенедека, а в состав его армии входил один пограничный полк (остальные, по географическому принципу, использовались в это время на более близком к Хорватии итальянском театре военных действий) [76]. Наконец, именно друг Ф.Ф. Торнау, К. Моринг, разработал план защиты южнославянских владений Габсбургов от итальянского десанта [77]. На наш взгляд, Б. Каталинич совершенно сознательно искажал информацию, живописуя взаимную ненависть венского правительства и граничар после 1859 г.

Цель этой лжи лежала на поверхности: бывший австрийский офицер пытался внушить российским чиновникам, что в их распоряжении легко могут оказаться крупные военные силы, готовые поднять восстание против недружественных России Габсбургов. Неуспехи пограничных полков он отказывался связывать с их организационными проблемами или плохим обучением: все поражения последних лет в его тексте объявлялись следствием нежелания граничар служить Австрийской империи. Соответственно, в более «искусных руках» Военная Граница все еще была бы «грозным оружием» [78]. Так почему бы тогда ей не послужить другой империи, славянской и более щедрой? Дело оставалось за малым. За суммой в размере 6 603 322 рублей ежегодно (впрочем, Б. Каталинич отмечал, что могут понадобиться и дополнительные выплаты), которая пойдет на содержание пограничных полков во время их войны с Австрией. Ненавидящие Вену после событий 1866 г. граничары, якобы, были уже готовы восстать [79]. Чтобы понять порядок денежных расходов, о которых

шла речь, укажем, что частично мобилизованное Донское казачье войско во время подавления Польского восстания обходилось казне, по расчетам Н.И. Краснова, приблизительно вдвое дешевле [80]. Приведенные нами выше данные по австрийскому военному бюджету касаются исключительно мирного времени, и поэтому не могут быть прямо сопоставлены с цифрами из проекта Б. Каталинича. Тем не менее, отметим, что австрийский гульден стоил 65 коп., и, следовательно, расходы на Военную Границу в мирное время до 1865 г. составляли около 3 000 000 рублей [81].

Таким образом, записка «О военно-политическом значении Военной Границы в Австрии» основывалась на трех крайне сомнительных тезисах: о том, что австрийские власти не рискнут начать демилитаризацию пограничных полков, о том, что последние в полной мере сохранили свое военное значение, и о том, что их неудачи в последних войнах связаны с осознанным желанием не служить Габсбургам. Хотя никто из высокопоставленных читателей записки не спорил с этими тезисами, реакция российских чиновников, вероятно, несколько разочаровала бывшего граничара: хотя Н.П. Игнатьев и Ф.Л. Гейден весьма лестно отозвались о тексте Б. Каталинича, до 1871 г. он не был даже передан из Военного Министерства в министерство иностранных дел, возможно из-за огромных финансовых вложений, предполагавшихся при реализации изложенного в нем проекта [82].

Во всяком случае, после года службы в российской армии и новой поездки на Военную Границу Б. Каталинич умерил свои аппетиты. Здесь следует отметить, что пока он готовил свой план общеславянского восстания и пытался заручиться поддержкой в Сербии и в России, в Хорватии произошли серьезные перемены. После дуалистического компромисса 1867 г. все население Венгрии, в том числе и хорватское, было объявлено в политическом отношении «неделимой единой венгерской нацией». В 1866-1867 гг. многие авторитетные фигуры хорватской политики опасались подобного развития событий и на всякий случай сотрудничали с сербским правительством, зондируя возможность совместных действий в рамках общеславянского движения на Балканах. Они даже способствовали переходу офицеров-граничар на службу в сербскую армию, но, судя по всему, не для восстания против Габсбургов, а для освобождения Боснии от Османской империи [83]. Однако эти контакты прервались со смертью сербского князя Михаила III в 1868 г. [84]. При этом уже на саборе 1866 г. большая часть ораторов, включая Й.Ю. Штроссмайера, крупнейшего хорватского политика, соглашалась признать верховенство венгерской короны, но при условии, что автономия Хорватии будет гарантирована, а Военная Граница демилитаризована и передана в ведение хорватского бана, как и Далмация [85]. Более того, именно Й.Ю. Штроссмайер, чьи связи с Сербией В.И. Фрейдзон характеризует как наиболее тесные [86], выражал надежду, что хорватскому и венгерскому народам удастся договориться на основании взаимного уважения интересов [87].

Б. Каталинич перешел на сербскую службу 2 февраля 1868 г., когда ситуация вокруг статуса Хорватии в составе двуединой монархии была далека от разрешения. Договор между сабором и венгерским правительством был подписан только в сентябре того же года, причем Будапешт был вынужден сделать ряд существенных уступок, в том числе согласиться на присоединение к Хорватии Военной Границы и Далмации, признать официальный статус хорватского языка и гарантировать местную административную, юридическую, церковную и школьную автономию. Хотя часть хорватских политиков первоначально рассчитывала на большее, хорваты в результате данного соглашения все же получили права, которых не имел больше ни один славянский народ в империи [88]. Любопытно, что, по сведениям А.М. Дронова, в 1867 г. первый премьер-министр дуалистической Венгрии, Д. Андраши, уже уступил требованиям австрийских военных сохранить институт пограничных полков, однако затем резко изменил свою позицию [89], что, на наш взгляд, вполне логично связать как раз с необходимостью выполнять свои обязательства перед хорватским сабором. Зато подписание этого договора неоднозначно сказалось на сербско-хорватских отношениях, и, соответственно, на югославистской идее: в частности, на Военной Границе обострился языковой вопрос. Если раньше ее основным языком считался немецкий, а хорватский и сербский были в целом равноправными местными языками, то в 1869 г. сабор подтвердил государственный статус хорватского языка и заранее объявил, что этот статус будет распространен на переданные в будущем под власть бана территории пограничных полков,

в том числе и те, где преобладает сербское население [90]. При всем своем несовершенстве, венгеро-хорватский договор 1868 г. удовлетворил минимальные требования хорватской политической элиты и обеспечил относительно спокойное включение Хорватии в состав Венгерского королевства двуединой Австро-Венгрии.

Однако Б. Каталинич не желал признавать этого. По итогам своей поездки на Военную Границу он подготовил новую записку, в которой писал, что существование Хорватии внутри Венгерского королевства невозможно, и восстание готовы поддержать теперь не только граничары, но и линейные полки из южных славян. Мятеж, якобы, уже был готов разразиться: если бы Австро-Венгрия вмешалась в франко-прусскую войну 1870-1871 гг., отмобилизованные пограничные полки под руководством «одного генерала» восстали бы сразу после соединения в единую армию для выступления с Военной Границы [91]. Следует отметить, что Б. Каталинич редко упоминал конкретные фамилии, когда речь шла о реализации его планов. Это еще раз заставляет усомниться в достоверности тех его утверждений, которые не подтверждаются другими источниками. Та картина готовности всей Хорватии к антигабсбургскому выступлению, которую он обрисовал, полностью противоречит ходу событий вокруг реального восстания на Военной Границе в 1871 г. Его лидер, хорватский радикал Э. Кватерник, подобно Б. Каталиничу, искал поддержки за рубежом, но, так и не найдя ее, был вынужден действовать самостоятельно. При этом он скрывал свои намерения даже от многих товарищей по Хорватской партии права, не говоря уже о сколько-либо высокопоставленных офицерах-граничарах, не надеясь на их поддержку. И действительно, после подавления мятежа, в котором участвовало всего около ста граничар, его действия были осуждены другими представителями радикальной оппозиции: например, А. Старчевич, друг Э. Кватерника, призвал своих сторонников не поднимать подобных безнадежных восстаний, вместо этого «досаждая своим угнетателям» иными методами [92].

Впрочем, это место было далеко не самым странным в тексте Б. Каталинича. С бывшим граничаром, якобы, связались некие, опять анонимные, деятели «национальной партии», просящие у российского правительства 100 000 рублей. За счет этих денег предполагалось обеспечить победу нужных лиц на грядущих выборах в сабор, после чего власть над Хорватией оказалась бы в руках пророссийских сил. Эта гипотетическая победа открывала перед Россией самые захватывающие перспективы: новое хорватское правительство отказалось бы от демилитаризации Военной Границы, соединило ее силы с ландвером, и в любой момент могло бы выступить против Вены. Таким образом, потенциальная главная сила общеславянского восстания стоила бы уже не 6 603 322 рубля, а 100 000 рублей, по крайней мере в первое время [93]!

Национально-либеральная партия в Хорватии действительно существовала, а ее лидером в указанный период был Й.Ю. Штроссмайер, который, несмотря на высокий пост в католической церкви, симпатизировал сербам и русским. В 1888 г. он даже отправил поздравление в Киев в честь юбилея крещения Руси, что вызвало крайнее неудовольствие Франца Иосифа [94]. Однако выше мы неоднократно ссылались на выступления Й.Ю. Штроссмайера в хорватском саборе, однозначно призывающие к немедленной демилитаризации Военной Границы. Кроме того, хотя Национально-либеральная партия в принципе и выступала за политическую независимость Хорватии [95], в начале 1870 гг. она сконцентрировала свое внимание на достижении более реальных целей, в первую очередь стремясь к финансовой автономии королевства [96]. Да и вся ситуация, обрисованная Б. Каталиничем (уважаемые хорватские политики, представители крупнейшей партии, руководимой местным епископом, просят 100 000 рублей у русского подпоручика, приехавшего в отпуск), выглядит со стороны весьма забавно.

Или все-таки не совсем? Если бывший австрийский офицер искажал факты, лгал и недоговаривал в своих записках для русских чиновников, разве он не мог вводить в заблуждение по поводу своего статуса и целей поездки на Балканы и хорватских политических деятелей? До 1870 г., пока российское посольство в Вене было настроено антигабсбургски, состоявший при нем священник служил посредником между отечественными и австрийскими панславистскими кружками [97]. Друг бывшего русского посла, Э. Кватерник, действительно поднявший восстание на Военной Границе в 1871 г., до этого активно искал помощи из-за рубежа, пускай и военной, а не финансовой [98]. Он не

принадлежал к Национал-либеральной партии, но Б. Каталинич мог «творчески подойти» к информации и в этом случае, хотя бы потому, что в своих предыдущих текстах он изображал потенциальным главой пророссийских сил в Хорватии именно главу этой партии Й.Ю. Штрессмайера [99]. Поэтому представляется вполне возможным, что какие-то политические деятели приняли русского офицера за правительственного агента, и прощупывали возможность налаживания связей с Российской империей. К сожалению, Б. Каталинич был заинтересован не в том, чтобы описывать подобные контакты близко к действительности, а в том, чтобы их максимально раздуть и гиперболизировать. Учитывая не публичность его деятельности, вряд ли мы узнаем, какие реальные факты стояли за просьбой 100 000 рублей для «национальной партии».

Бывший австрийский офицер просил выделить эту сумму как можно скорее, грозя очередными фантастическими картинками, которым якобы предстояло воплотиться в жизнь в случае скупости Санкт-Петербурга. По его мнению, в ближайшие годы Хорватия могла исчезнуть с карты или поднять восстание при поддержке другой великой державы, причем в этом случае новое государство, разумеется, было бы не так дружелюбно к России. По утверждению Б. Каталинича, «кροато-сербы» «чувствовали себя несчастными» из-за холодности Российской империи, в то время как многочисленные итальянские и английские правительственные агенты всячески выражали им поддержку и сочувствие их идеям [100]. И эта вторая попытка бывшего граничара воплотить свои планы в жизнь увенчалась несколько большим успехом: в 1871 г. обе записки Б. Каталинича были переданы в Азиатский департамент министерства иностранных дел. Однако панславистская политика была в большей степени инициативой отдельных, хотя и влиятельных лиц в российском правительстве, чем официальной и последовательной позицией Российской империи [101], и у главы Азиатского департамента П.Н. Стремоухова проекты разрушения Австро-Венгрии изнутри не встретили особого сочувствия [102]. Российская политика по отношению к двуединой габсбургской монархии как раз в это время претерпевала существенные изменения. В.П. Балабин давно был снят со своей должности, а в 1870 г. пост посла в Вене занял Е.П. Новиков, принципиальный противник панславизма, полагавший, что под его прикрытием славянские деятели пытаются использовать Россию в своих целях. Своей задачей он считал восстановление дружеских отношений с Австро-Венгрией, чего ему и удалось добиться, подготовив «союз трех императоров» [103]. Но Д.А. Милютин все еще связывал с персоной Б. Каталинича какие-то надежды и в том же 1871 г. удовлетворил просьбы бывшего австрийского офицера о повышении жалования и представлении его к награде. Военный министр писал, что «такой офицер может и впредь быть для нас очень полезен, если только привязать его к Русской службе выгодным для него положением» [104].

Основания для подобного отношения к бывшему граничару у Д.А. Милютина действительно были. О потенциальной опасности пограничных полков для Австрийской империи писал в «Военном сборнике», основываясь на иностранных материалах, Н.П. Глиноецкий [105], о ней по долгу службы докладывал из Вены имевший связи в австрийском генералитете Ф.Ф. Торнау [106]. Шанс использовать это недовольство в российских интересах выглядел соблазнительно, хотя различные источники оценивали его совершенно по-разному: Ф.Ф. Торнау писал о «пассивной оппозиции», представляющей опасность в неопределенном будущем [107], а Б. Каталинич утверждал, что в любой момент может разразиться граничарское восстание, поддержанное даже некоторыми генералами, в основном славянского происхождения. Военный министр вполне мог больше доверять сведениям бывшего граничарского офицера, а не откровенно проавстрийски настроенного военного агента. Впрочем, он мог руководствоваться и иной логикой: содержание одного младшего офицера, тем более, вполне справляющегося со своими основными обязанностями, было необременительно для российской казны, и был определенный смысл «привязать его к Русской службе» на всякий случай, даже если восстание на Военной Границе оценивалось в Военном Министерстве как маловероятное.

Но кто же был прав, Ф.Ф. Торнау, или Б. Каталинич? На наш взгляд, потенциальную опасность Военной Границы для Австрийской империи в 1860 гг. вообще не следует переоценивать. Мы бы хотели обратить внимание на аналогию, которая может показаться несколько искусственной, однако представляется весьма любопытной. В первой части своей

статьи мы писали, что в начале 1860 гг. в Санкт-Петербурге опасались казачьего восстания, причем его потенциальным главой в Военном Министерстве видели вполне благонадежного начальника штаба Донского войска, А.М. Дондукова-Корсакова. Разумеется, российский генерал не собирался примерять на себя роль С. Разина или Е. Пугачева, но просто сочувствовал той «казакоманской партии», которая выступала в защиту казачьих привилегий, и неоднократно пытался отстаивать ее интересы перед правительством [108]. Подобного сочувствия, в совокупности с пассивной оппозицией большинства казаков правительственным реформам, хватило для распространения в столице самых преувеличенных слухов. М.Е. Салтыков-Щедрин писал тогда: «В скором времени нельзя будет купить фунта балыка, чтобы вслед за тем не последовало обвинения в сепаратизме в пользу Земли Войска Донского» [109].

Определенная почва для аналогичных слухов существовала и в Австро-Венгрии. Далеко не все военные одобряли дуалистический компромисс, а память о хорватовенгерском противостоянии в 1848-1849 гг. оставалась совсем свежей. В 1868 г. сам генерал-инспектор австрийской армии, эрцгерцог Альбрехт, посетил могилу Й. Елачича, поднявшего тогда Военную Границу для подавления Венгерского восстания, и выразил поддержку сторонникам хорватского национального движения, выступавшим против подписания соглашения с Будапештом. Подобные действия в корне противоречили направленной на достижение национального компромисса политике венских властей, и в связи с этим уже обсуждались в отечественной историографии. В.И. Фрейдзон трактует этот поступок как попытку австрийских консерваторов использовать Военную Границу против возвышения Венгрии и заключения дуалистического компромисса [110]. А.М. Дронов, более благосклонный к эрцгерцогу, считает его сторонником создания третьей, равноправной Австрии и Венгрии южнославянской части империи на основе Хорватского королевства, причем утверждает, что эта идея пользовалась поддержкой у австрийского генералитета [111]. Поэтому нам представляется вполне вероятным, что тексты Б. Каталинича, приписывающие отдельным австрийским генералам желание взбунтовать Военную Границу, могли основываться на слухах, порожденных подобной оппозицией некоторых военных правительственной политике, если они вообще не были порождением богатой фантазии автора.

В то же время недовольство простых граничар правительственной политикой было достаточно распространено, что подтверждается и работами позднейших историков [112]. Безусловно, данный фактор способствовал распространению слухов о возможности их восстания, однако австрийским властям все же удалось избежать превращения этого недовольства в вооруженный мятеж, если не считать восстания Э. Кватерника, не получившего сколько-либо массовой поддержки [113]. Таким образом, время показало, что донесения Ф.Ф. Торнау и содержащаяся в них оценка настроений в граничарской среде были ближе к действительности, чем предположения его оппонентов. Вопреки предсказаниям В.П. Балабина и Б. Каталинича, Австрийская империя избежала распада, преобразовавшись в Австро-Венгрию, которой предстояло существовать еще полвека. Ситуация в Хорватии и на Военной Границе относительно стабилизировалась, а Россия все больше склонялась видеть в соседней империи не врага, а союзника. Поэтому надеждам, которые в 1871 г. Д.А. Милютин еще связывал с Б. Каталиничем, не суждено было осуществиться.

По мере изменения дипломатической ситуации в начале 1870 гг. политическая активность Б. Каталинича постепенно сходилась на нет. Он продолжал обращаться к своим высокопоставленным покровителям, однако просил у них уже не помощи в организации славянского восстания, но производства в очередные чины и усиленных окладов. Несмотря на неудачи, свою деятельность Б. Каталинич оценивал весьма высоко, и М.В. Нигалатий солидаризируется с ним, завершая свою статью утверждением, согласно которому бывший австрийский офицер «поистине был очень полезен для России...» [114]. Нам подобная оценка представляется несколько преувеличенной. Б. Каталинич опоздал: возможно, перейди он на русскую службу в начале 1860 гг., когда российское посольство в Вене откровенно сочувствовало панславистским идеям, а внутреннее положение Австрийской империи было менее устойчиво, какие-то элементы его проекта и могли бы быть реализованы, к добру или худу для России. Едва ли они еще больше испортили бы и без того отвратительные отношения двух империй, а определенную пользу от сотрудничества с

хорватскими политиками и офицерами-граничарами Россия могла получить. Впрочем, учитывая финансовые запросы Б. Каталинича и его небрежное отношение к фактам, полезность бывшего австрийского офицера в качестве посредника между Россией и Военной границей выглядит неочевидной. Однако в иных условиях его проект мог бы стать толчком, пробудившим у российских государственных деятелей более предметный интерес к хорватскому направлению внешней политики, которое, учитывая симпатии ряда хорватских политиков, выглядело достаточно перспективным. Но в 1870 г., в связи с потеплением русско-австрийских отношений, возможности для реализации проектов Б. Каталинича уже не было, и какой-либо пользы Российской империи они не принесли, оставшись экзотичнейшим и любопытным фактом из истории российской дипломатии.

К попытке поставить Военную Границу на службу России можно было бы относиться как к заведомо фантастическому предприятию, уместному скорее в приключенческом романе, чем в реальной жизни. Однако этому препятствует то внимание, которое уделили проекту Б. Каталинича Н.П. Игнатъев и Ф.Л. Гейден, Д.А. Милютин и П.Н. Стремоухов. Показательно уже то, что черновой план граничарского восстания, подготовленный бывшим младшим офицером австрийской армии, не имеющим очевидных связей в хорватских политических кругах и прошедшим последние годы в Мексике и Сербии, дошел до военного министра и директора Азиатского департамента министерства иностранных дел Российской империи. На наш взгляд, это свидетельствует о интересе отдельных высокопоставленных российских чиновников не только к панславизму, но и к откровенным авантюрам, что и подтверждается внешнеполитической деятельностью Н.П. Игнатъева и В.П. Балабина (напомним, что российский посол в Вене даже дружил с лидером восстания на Военной Границе, Э. Кватерником). Факт изучения российским правительством возможности использования пограничных полков как главной силы общеславянского восстания заслуживает дальнейшего изучения, представляя собой своеобразную тайную сторону российского отношения к граничарам в 1860 г.

Примечания:

1. Volvenko A.A. D.A. Milyutin and Cossacks // *Bylye Gody*, 2016, Vol. (40), Is. 2, p. 400.
2. Милютин Д.А. Воспоминания генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина. 1860-1862. М.: Российский архив, 1999. С. 262-263.
3. РГВИА. Ф. 330. Оп. 10. Д. 290. Л. 41.
4. Иностранное известия // *Русский инвалид*. 1866. № 18-38.
5. Перетягко А.Ю. Военная организация и военное управление Области Войска Донского во второй половине XIX в. Ростов-на-Дону, СКНЦ ВШ ЮФУ, 2014. С. 91-96.
6. РГВИА. Ф. 330. Оп. 10. Д. 290. Л. 40-46.
7. Глиноецкий Н.П. Военное обозрение // *Военный сборник*. 1859. № 2. С. 288.
8. Глиноецкий Н.П. Иностранное военное обозрение // *Военный сборник*. 1867. №4. С. 196-197.
9. *Военная энциклопедия*. Т. 9. СПб.: тов. И.Д. Сытина, 1912. С. 203-204.
10. Драгомиров М.И. Сольферинская битва. СПб.: тип. Н. Тиблена и комп., 1861. С. 70-91.
11. Драгомиров Н.И. Австро-прусская война в 1866 г. (Статья вторая) // *Военный сборник*. 1867. №4. С. 80-81.
12. Глиноецкий Н.П. Иностранное военное обозрение // *Военный сборник*. 1866. № 11. С. 66.
13. Глиноецкий Н.П. Австрия, ее силы и враги // *Военный сборник*. 1866. №6. С. 290.
14. Глиноецкий Н.П. Военное обозрение // *Военный сборник*. 1859. №6. С. 578.
15. Глиноецкий Н. П. Исторический очерк Николаевской академии генерального штаба. СПб: Типография штаба войск гвардии и Петербургского военного округа, 1882. 711 с.
16. Глиноецкий Н. П. История Русского генерального штаба. В 2-х т. Том I: 1698-1825 г. СПб.: Тип. Штаба войск гвардии и Петербургского военного округа, 1883. 438 с.
17. *Военная энциклопедия*. Т. 9. С. 203-204.
18. Торнау Ф.Ф. Воспоминания барона Ф.Ф. Торнау // *Исторический вестник*. Т. XLVII. 1897. С. 431.
19. Фрейдзон В.И. История Хорватии. Краткий очерк с древнейших времён до образования республики (1991 г.). СПб.: Алетейя, 2001. С. 145.

20. Систематический указатель Военного сборника за 1858-1890 гг. СПб.: тип. Департ. Уделов, 1891. С. 100-102.
21. Глиноецкий Н.П. Сочинения, относящиеся до последней войны в Центральной Европе // Военный сборник. 1866. № 12. С. 73.
22. Глиноецкий Н.П. Иностранное военное обозрение // Военный сборник. 1866. № 11. С. 66.
23. Прибавление к военному энциклопедическому лексикону. СПб.: типография Императорской Академии наук, 1852. С. 144-145.
24. Виккеде Ю. Военные силы Германии и развитие их в новейшее время // Военный сборник. 1859. № 2. С. 672.
25. Мысли о военном положении Австрии в случае войны с Россией. // Военный сборник. 1870. № 3-4. С. 1-28.
26. Драгомиров Н.И. Австро-прусская война в 1866 г. (Статья вторая). С. 84.
27. Сравнительная оценка военных сил Пруссии и Австрии // Русский инвалид. 1866. № 95. С. 3.
28. Глиноецкий Н.П. Иностранное военное обозрение // Военный сборник. 1869. №9. С. 98.
29. Глиноецкий Н.П. Иностранное военное обозрение // Военный сборник. 1866. №1. С. 238.
30. РГВИА. Ф. 428. Оп. 1. Д. 108. С. 39-51.
31. РГВИА. Ф. 330. Оп. 10. Д. 290. Л. 42.
32. РГВИА. Ф. 330. Оп. 10. Д. 290. Л. 42.
33. Глиноецкий Н.П. Иностранное военное обозрение // Военный сборник. 1867. №4. С. 203-204.
34. РГВИА. Ф. 428. Оп. 1. Д. 108. С. 39-51.
35. Глиноецкий Н.П. Иностранное военное обозрение // Военный сборник. 1867. №4. С. 197.
36. Глиноецкий Н.П. Иностранное военное обозрение // Военный сборник. 1867. №4. С. 204.
37. Глиноецкий Н.П. Иностранное военное обозрение // Военный сборник. 1865. №1. С. 175-176.
38. Глиноецкий Н.П. Иностранное военное обозрение // Военный сборник. 1868. №5-6. С. 158.
39. Глиноецкий Н.П. Иностранное военное обозрение // Военный сборник. 1867. №4. С. 205.
40. РГВИА. Ф. 330. Оп. 10. Д. 290. Л. 43.
41. Глиноецкий Н.П. Иностранное военное обозрение // Военный сборник. 1865. №1. С. 174.
42. Библиография // Военный сборник. 1866. № 2. С. 159.
43. Глиноецкий Н.П. Иностранное военное обозрение // Военный сборник. 1865. №1. С. 174.
44. Глиноецкий Н.П. Иностранное военное обозрение // Военный сборник. 1869. №1. С. 109.
45. Глиноецкий Н.П. Иностранное военное обозрение // Военный сборник. 1868. №1-2. С. 164.
46. Глиноецкий Н.П. Иностранное военное обозрение // Военный сборник. 1869. №1. С. 115.
47. Глиноецкий Н.П. Иностранное военное обозрение // Военный сборник. 1869. №9. С. 93.
48. Глиноецкий Н.П. Иностранное военное обозрение // Военный сборник. 1868. №3-4. С. 118.
49. Глиноецкий Н.П. Иностранное военное обозрение // Военный сборник. 1869. №1. С. 109.
50. Глиноецкий Н.П. Иностранное военное обозрение // Военный сборник. 1871. №10. С. 171-172.

51. Дронов А.М. Проекты реорганизации Военной Границы Монархии Габсбургов в 1850-1860 гг. [Электронный ресурс] // Конференция Ломоносов-2015. URL: http://lomonosov-msu.ru/file/uploaded/3000/report/uid61421_report.pdf (дата обращения: 15.05.2016).
52. РГВИА. Ф. 428. Оп. 1. Д. 112. Л. 47.
53. Глиноецкий Н.П. Иностранное военное обозрение // Военный сборник. 1868. №3-4. С. 119.
54. Глиноецкий Н.П. Иностранное военное обозрение // Военный сборник. 1871. №10. С. 171-172.
55. РГВИА. Ф. 330. Оп. 61. Д. 1937. Л. 18-19.
56. Фрейдзон В.И. История Хорватии. С. 145-151.
57. Жуковская Н.П., Шнейдер А.Е. Записки Боголюба Каталинича о военно-политическом положении в южно-славянских землях в 1869-1870 гг. // Славянский архив. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1961. С. 216-218.
58. Нигалатий М.В. Боголюб Каталинич: австрийский офицер-граничар на русской службе // Вестник Тверского Государственного университета. Серия: История. 2007. № 25 (53). С. 148-161.
59. Нигалатий М.В. Боголюб Каталинич: австрийский офицер-граничар на русской службе. С. 148-150.
60. Беленький А.Б. Разгром мексиканским народом иностранной интервенции 1861-1867 гг. М.: АН СССР, 1959. С. 116-117.
61. Беленький А.Б. Разгром мексиканским народом иностранной интервенции 1861-1867 гг. С. 102.
62. Беленький А.Б. Разгром мексиканским народом иностранной интервенции 1861-1867 гг. С. 140.
63. Нигалатий М.В. Боголюб Каталинич: австрийский офицер-граничар на русской службе. С. 155-158.
64. РГВИА. Ф. 430. Оп. 1. Д. 7. Л. 24-26.
65. РГВИА. Ф. 428. Оп. 1. Д. 108. Л. 1-19.
66. Торнау Ф.Ф. Воспоминания барона Ф.Ф. Торнау. С. 444.
67. Карцов Ю. С. За кулисами дипломатии // Русская старина. Т. СXXXIII. 1908. С. 91.
68. Карцов Ю. С. За кулисами дипломатии. С. 91.
69. Жуковская Н.П., Шнейдер А.Е. Записки Боголюба Каталинича о военно-политическом положении в южно-славянских землях в 1869-1870 гг. С. 216.
70. Нигалатий М.В. Боголюб Каталинич: австрийский офицер-граничар на русской службе. С. 153-160.
71. Нигалатий М.В. Боголюб Каталинич: австрийский офицер-граничар на русской службе. С. 153-160.
72. Жуковская Н.П., Шнейдер А.Е. Записки Боголюба Каталинича о военно-политическом положении в южно-славянских землях в 1869-1870 гг. С. 216-217.
73. РГВИА. Ф. 428. Оп. 1. Д. 108. Л. 44-67.
74. РГВИА. Ф. 428. Оп. 1. Д. 108. Л. 38-77.
75. РГВИА. Ф. 428. Оп. 1. Д. 108. Л. 59-68.
76. Драгомиров Н.И. Австро-прусская война в 1866 г. (Статья вторая). С. 85.
77. Торнау Ф.Ф. Воспоминания барона Ф.Ф. Торнау. С. 81.
78. РГВИА. Ф. 428. Оп. 1. Д. 108. Л. 40.
79. РГВИА. Ф. 428. Оп. 1. Д. 108. Л. 55-70.
80. РГВИА. Ф. 330. Оп. 10. Д. 290. Л. 155.
81. Библиография // Военный сборник. 1866. № 2. С. 159.
82. Нигалатий М.В. Боголюб Каталинич: австрийский офицер-граничар на русской службе. С. 149-152.
83. Фрейдзон В.И. История Хорватии. С. 160.
84. Фрейдзон В.И. История Хорватии. С. 149.
85. Иностранные известия // Русский инвалид. 1866. № 5-21.
86. Фрейдзон В.И. История Хорватии. С. 149.
87. Иностранные известия // Русский инвалид. 1866. № 101. С. 3.

88. Фрейдзон В.И. История Хорватии. С. 149-151.
89. Дронов А.М. Проекты реорганизации Военной Границы Монархии Габсбургов в 1850-1860 гг.
90. Дронов А. М. Языковой вопрос на Военной Границе Габсбургской монархии в 1850–1870-е гг. // Славянский альманах. 2016. № 1-2. С. 51.
91. РГВИА. Ф. 430. Оп. 1. Д. 7. Л. 10-13.
92. Фрейдзон В.И. История Хорватии. С. 152.
93. РГВИА. Ф. 430. Оп. 1. Д. 7. Л. 11-18.
94. Фрейдзон В.И. История Хорватии. С. 163.
95. Фрейдзон В.И. История Хорватии. С. 158.
96. Фрейдзон В.И. История Хорватии. С. 152.
97. Карцов Ю. С. За кулисами дипломатии. С. 93.
98. Фрейдзон В.И. История Хорватии. С. 146-147.
99. Жуковская Н.П., Шнейдер А.Е. Записки Боголюба Каталинича о военно-политическом положении в южно-славянских землях в 1869-1870 гг. С. 219-220.
100. РГВИА. Ф. 430. Оп. 1. Д. 7. Л. 23-26.
101. Карцов Ю. С. За кулисами дипломатии. С. 90.
102. РГВИА. Ф. 430. Оп. 1. Д. 7. Л. 1-26.
103. Карцов Ю. С. За кулисами дипломатии. С. 93.
104. Нигалатий М.В. Боголюб Каталинич: австрийский офицер-граничар на русской службе. С. 153-160.
105. Глиноецкий Н.П. Военное обозрение // Военный сборник. 1861. №2. С. 576.
106. РГВИА. Ф. 330. Оп. 10. Д. 290. Л. 44-45.
107. РГВИА. Ф. 330. Оп. 10. Д. 290. Л. 44-45.
108. Volvenko A.A. Kazakomanstvo. Don case (the 1860th). Part I // Russkaya Starina, 2015, Vol.(13), Is. 1, pp. 19-37.
109. Салтыков-Щедрин М.Е. Литературные мелочи // Современник. 1864. № 5. С. 1-26.
110. Фрейдзон В.И. История Хорватии. С. 149-150.
111. Дронов А.М. Проекты реорганизации Военной Границы Монархии Габсбургов в 1850-1860 гг.
112. Фрейдзон В.И. История Хорватии. С. 145-152.
113. Фрейдзон В.И. История Хорватии. С. 151.
114. Нигалатий М.В. Боголюб Каталинич: австрийский офицер-граничар на русской службе. С. 157-161.

References:

1. Volvenko A.A. D.A. Milyutin and Cossacks // Bylye Gody, 2016, Vol. (40), Is. 2, p. 400.
2. Milyutin D.A. Vospominaniya general-fel'dmarshala grafa Dmitriya Alekseevicha Milyutina. 1860-1862. M.: Rossiiskii arkhiv, 1999. S. 262-263.
3. RGVIA. F. 330. Op. 10. D. 290. L. 41.
4. Inostrannye izvestiya // Russkii invalid. 1866. № 18-38.
5. Peretyat'ko A.Yu. Voennaya organizatsiya i voennoe upravlenie Oblasti Voiska Donskogo vo vtoroi polovine XIX v. Rostov-na-Donu, SKNTs VSh YuFU, 2014. S. 91-96.
6. RGVIA. F. 330. Op. 10. D. 290. L. 40-46.
7. Glinoetskii N.P. Voennoe obozrenie // Voennyi sbornik. 1859. № 2. S. 288.
8. Glinoetskii N.P. Inostrannoe voennoe obozrenie // Voennyi sbornik. 1867. №4. S. 196-197.
9. Voennaya entsiklopediya. T. 9. SPb.: tov. I.D. Sytina, 1912. S. 203-204.
10. Dragomirov M.I. Sol'ferinskaya bitva. SPb.: tip. N. Tiblena i komp., 1861. S. 70-91.
11. Dragomirov N.I. Avstro-prusskaya voina v 1866 g. (Stat'ya vtoraya) // Voennyi sbornik. 1867. №4. S. 80-81.
12. Glinoetskii N.P. Inostrannoe voennoe obozrenie // Voennyi sbornik. 1866. № 11. S. 66.
13. Glinoetskii N.P. Avstriya, ee sily i vragi // Voennyi sbornik. 1866. №6. S. 290.
14. Glinoetskii N.P. Voennoe obozrenie // Voennyi sbornik. 1859. №6. S. 578.
15. Glinoetskii N. P. Istoricheskii ocherk Nikolaevskoi akademii general'nogo shtaba. SPb: Tipografiya shtaba voisk gvardii i Peterburgskogo voennogo okruga, 1882. 711 s.

16. Glinoetskii N. P. Istoriya Russkogo general'nogo shtaba. V 2-kh t. Tom I: 1698-1825 g. SPb.: Tip. Shtaba voisk gvardii i Peterburgskogo voennogo okruga, 1883. 438 s.
17. Voennaya entsiklopediya. T. 9. S. 203-204.
18. Tornau F.F. Vospominaniya barona F.F. Tornau // Istoricheskii vestnik. T. XLVII. 1897. S. 431.
19. Freidzon V.I. Istoriya Khorvatii. Kratkii ocherk s drevneishikh vremen do obrazovaniya respubliki (1991 g.). SPb.: Aleteiya, 2001. S. 145.
20. Sistematicheskii ukazatel' Voennogo sbornika za 1858-1890 gg. SPb.: tip. Depart. Udelov, 1891. S. 100-102.
21. Glinoetskii N.P. Sochineniya, otnosyashchiesya do poslednei voiny v Tsentral'noi Evrope // Voennyi sbornik. 1866. № 12. S. 73.
22. Glinoetskii N.P. Inostrannoe voennoe obozrenie // Voennyi sbornik. 1866. № 11. S. 66.
23. Pribavlenie k voennomu entsiklopedicheskomu leksikonu. SPb.: tipografiya Imperatorskoi Akademii nauk, 1852. S. 144-145.
24. Vikkede Yu. Voennye sily Germanii i razvitie ikh v noveishee vremya // Voennyi sbornik. 1859. № 2. S. 672.
25. Mysli o voennom polozhenii Avstrii v sluchae voiny s Rossieyu. // Voennyi sbornik. 1870. № 3-4. S. 1-28.
26. Dragomirov N.I. Avstro-prusskaya voina v 1866 g. (Stat'ya vtoraya). S. 84.
27. Sravnitel'naya otsenka voennykh sil Prussii i Avstrii // Russkii invalid. 1866. № 95. S. 3.
28. Glinoetskii N.P. Inostrannoe voennoe obozrenie // Voennyi sbornik. 1869. №9. S. 98.
29. Glinoetskii N.P. Inostrannoe voennoe obozrenie // Voennyi sbornik. 1866. №1. S. 238.
30. RGVIA. F. 428. Op. 1. D. 108. S. 39-51.
31. RGVIA. F. 330. Op. 10. D. 290. L. 42.
32. RGVIA. F. 330. Op. 10. D. 290. L. 42.
33. Glinoetskii N.P. Inostrannoe voennoe obozrenie // Voennyi sbornik. 1867. №4. S. 203-204.
34. RGVIA. F. 428. Op. 1. D. 108. S. 39-51.
35. Glinoetskii N.P. Inostrannoe voennoe obozrenie // Voennyi sbornik. 1867. №4. S. 197.
36. Glinoetskii N.P. Inostrannoe voennoe obozrenie // Voennyi sbornik. 1867. №4. S. 204.
37. Glinoetskii N.P. Inostrannoe voennoe obozrenie // Voennyi sbornik. 1865. №1. S. 175-176.
38. Glinoetskii N.P. Inostrannoe voennoe obozrenie // Voennyi sbornik. 1868. №5-6. S. 158.
39. Glinoetskii N.P. Inostrannoe voennoe obozrenie // Voennyi sbornik. 1867. №4. S. 205.
40. RGVIA. F. 330. Op. 10. D. 290. L. 43.
41. Glinoetskii N.P. Inostrannoe voennoe obozrenie // Voennyi sbornik. 1865. №1. S. 174.
42. Bibliografiya // Voennyi sbornik. 1866. № 2. S. 159.
43. Glinoetskii N.P. Inostrannoe voennoe obozrenie // Voennyi sbornik. 1865. №1. S. 174.
44. Glinoetskii N.P. Inostrannoe voennoe obozrenie // Voennyi sbornik. 1869. №1. S. 109.
45. Glinoetskii N.P. Inostrannoe voennoe obozrenie // Voennyi sbornik. 1868. №1-2. S. 164.
46. Glinoetskii N.P. Inostrannoe voennoe obozrenie // Voennyi sbornik. 1869. №1. S. 115.
47. Glinoetskii N.P. Inostrannoe voennoe obozrenie // Voennyi sbornik. 1869. №9. S. 93.
48. Glinoetskii N.P. Inostrannoe voennoe obozrenie // Voennyi sbornik. 1868. №3-4. S. 118.
49. Glinoetskii N.P. Inostrannoe voennoe obozrenie // Voennyi sbornik. 1869. №1. S. 109.
50. Glinoetskii N.P. Inostrannoe voennoe obozrenie // Voennyi sbornik. 1871. №10. S. 171-172.
51. Dronov A.M. Proekty reorganizatsii Voennoi Granitsy Monarkhii Gabsburgov v 1850-1860 gg. [Elektronnyi resurs] // Konferentsiya Lomonosov-2015. URL: http://lomonosov-msu.ru/file/uploaded/3000/report/uid61421_report.pdf (data obrashcheniya: 15.05.2016).
52. RGVIA. F. 428. Op. 1. D. 112. L. 47.
53. Glinoetskii N.P. Inostrannoe voennoe obozrenie // Voennyi sbornik. 1868. №3-4. S. 119.
54. Glinoetskii N.P. Inostrannoe voennoe obozrenie // Voennyi sbornik. 1871. №10. S. 171-172.
55. RGVIA. F. 330. Op. 61. D. 1937. L. 18-19.
56. Freidzon V.I. Istoriya Khorvatii. S. 145-151.
57. Zhukovskaya N.P., Shneider A.E. Zapiski Bogolyuba Katalinicha o voenno-politicheskom polozhenii v yuzhno- slavyanskikh zemlyakh v 1869-1870 gg. // Slavyanskii arkhiv. M.: Izd-vo Akademii nauk SSSR, 1961. S. 216-218.
58. Nigalatii M.V. Bogolyub Katalinich: avstriiskii ofitser-granichar na russkoi sluzhbe // Vestnik Tverskogo Gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya. 2007. № 25 (53). S. 148-161.

59. Nigalatii M.V. Bogolyub Katalinich: avstriiskii ofitser-granichar na russkoi sluzhbe. S. 148-150.
60. Belen'kii A.B. Razgrom meksikanskim narodom inostrannoi interventsii 1861-1867 gg. M.: AN SSSR, 1959. S. 116-117.
61. Belen'kii A.B. Razgrom meksikanskim narodom inostrannoi interventsii 1861-1867 gg. S. 102.
62. Belen'kii A.B. Razgrom meksikanskim narodom inostrannoi interventsii 1861-1867 gg. S. 140.
63. Nigalatii M.V. Bogolyub Katalinich: avstriiskii ofitser-granichar na russkoi sluzhbe. S. 155-158.
64. RGVIA. F. 430. Op. 1. D. 7. L. 24-26.
65. RGVIA. F. 428. Op. 1. D. 108. L. 1-19.
66. Tornau F.F. Vospominaniya barona F.F. Tornau. S. 444.
67. Kartsov Yu. S. Za kulisami diplomatii // Russkaya starina. T. CXXXIII. 1908. C. 91.
68. Kartsov Yu. S. Za kulisami diplomatii. S. 91.
69. Zhukovskaya N.P., Shneider A.E. Zapiski Bogolyuba Katalinicha o voenno-politicheskom polozhenii v yuzhno- slavyanskikh zemlyakh v 1869-1870 gg. S. 216.
70. Nigalatii M.V. Bogolyub Katalinich: avstriiskii ofitser-granichar na russkoi sluzhbe. S. 153-160.
71. Nigalatii M.V. Bogolyub Katalinich: avstriiskii ofitser-granichar na russkoi sluzhbe. S. 153-160.
72. Zhukovskaya N.P., Shneider A.E. Zapiski Bogolyuba Katalinicha o voenno-politicheskom polozhenii v yuzhno- slavyanskikh zemlyakh v 1869-1870 gg. S. 216-217.
73. RGVIA. F. 428. Op. 1. D. 108. L. 44-67.
74. RGVIA. F. 428. Op. 1. D. 108. L. 38-77.
75. RGVIA. F. 428. Op. 1. D. 108. L. 59-68.
76. Dragomirov N.I. Avstro-prusskaya voina v 1866 g. (Stat'ya vtoraya). S. 85.
77. Tornau F.F. Vospominaniya barona F.F. Tornau. S. 81.
78. RGVIA. F. 428. Op. 1. D. 108. L. 40.
79. RGVIA. F. 428. Op. 1. D. 108. L. 55-70.
80. RGVIA. F. 330. Op. 10. D. 290. L. 155.
81. Bibliografiya // Voennyi sbornik. 1866. № 2. S. 159.
82. Nigalatii M.V. Bogolyub Katalinich: avstriiskii ofitser-granichar na russkoi sluzhbe. S. 149-152.
83. Freidzon V.I. Istoriya Khorvatii. S. 160.
84. Freidzon V.I. Istoriya Khorvatii. S. 149.
85. Inostrannye izvestiya // Russkii invalid. 1866. № 5-21.
86. Freidzon V.I. Istoriya Khorvatii. S. 149.
87. Inostrannye izvestiya // Russkii invalid. 1866. № 101. S. 3.
88. Freidzon V.I. Istoriya Khorvatii. S. 149-151.
89. Dronov A.M. Proekty reorganizatsii VoЕННОI Granitsy Monarkhii Gabsburgov v 1850-1860 gg.
90. Dronov A. M. Yazykovoi vopros na VoЕННОI Granitse Gabsburgskoi monarkhii v 1850-1870-e gg. // Slavyanskii al'manakh. 2016. № 1-2. S. 51.
91. RGVIA. F. 430. Op. 1. D. 7. L. 10-13.
92. Freidzon V.I. Istoriya Khorvatii. S. 152.
93. RGVIA. F. 430. Op. 1. D. 7. L. 11-18.
94. Freidzon V.I. Istoriya Khorvatii. S. 163.
95. Freidzon V.I. Istoriya Khorvatii. S. 158.
96. Freidzon V.I. Istoriya Khorvatii. S. 152.
97. Kartsov Yu. S. Za kulisami diplomatii. S. 93.
98. Freidzon V.I. Istoriya Khorvatii. S. 146-147.
99. Zhukovskaya N.P., Shneider A.E. Zapiski Bogolyuba Katalinicha o voenno-politicheskom polozhenii v yuzhno- slavyanskikh zemlyakh v 1869-1870 gg. S. 219-220.
100. RGVIA. F. 430. Op. 1. D. 7. L. 23-26.
101. Kartsov Yu. S. Za kulisami diplomatii. S. 90.
102. RGVIA. F. 430. Op. 1. D. 7. L. 1-26.
103. Kartsov Yu. S. Za kulisami diplomatii. S. 93.

104. Nigalatii M.V. Bogolyub Katalinich: avstriiskii ofitser-granichar na russkoi sluzhbe. S. 153-160.
105. Glinevskii N.P. Voennoe obozrenie // Voennyi sbornik. 1861. №2. S. 576.
106. RGVIA. F. 330. Op. 10. D. 290. L. 44-45.
107. RGVIA. F. 330. Op. 10. D. 290. L. 44-45.
108. Volvenko A.A. Kazakomanstvo. Don case (the 1860th). Part I // Russkaya Starina, 2015, Vol.(13), Is. 1, pp. 19-37.
109. Saltykov-Shchedrin M.E. Literaturnye melochi // Sovremennik. 1864. № 5. S. 1-26.
110. Freidzon V.I. Istoriya Khorvatii. S. 149-150.
111. Dronov A.M. Proekty reorganizatsii Voennoi Granitsy Monarkhii Gabsburgov v 1850-1860 gg.
112. Freidzon V.I. Istoriya Khorvatii. S. 145-152.
113. Freidzon V.I. Istoriya Khorvatii. S. 151.
114. Nigalatii M.V. Bogolyub Katalinich: avstriiskii ofitser-granichar na russkoi sluzhbe. S. 157-161.

УДК 94(497.5)

Военная Граница от битвы при Сольферино до начала демилитаризации: три взгляда из России (Ф.Ф. Торнау, Н.И. Краснов, Б. Каталинич). Часть II

Артем Юрьевич Перетяtko

Международный сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований,
Российская Федерация
Лаборатория военных исследований
Кандидат исторических наук
E-mail: ArtPeretatko@yandex.ru

Аннотация. В статье анализируются материалы российской периодической печати 1860 гг. о Военной Границе и проект организации славянского восстания в Австрийской империи, разработанный Б. Каталиничем. Автор приходит к выводу, что авторы журнальных публикаций (Н.П. Глиноецкий, единственный российский офицер, регулярно писавший о граничарах, и М.И. Драгмиров, известный военных теоретик) рассматривали пограничные полки не как военно-поселенное войско, но как часть регулярной австрийской армии и переоценивали их боеспособность.

Особое внимание уделено проекту Б. Каталинича, который был младшим офицером в четырех армиях: австрийской, мексиканской, сербской и русской. Его проект общеславянского восстания носит фантастический характер, но военный министр Д.А. Милютин, начальник Главного штаба Ф.Л. Гейден и другие высокопоставленные российские чиновники выражали интерес к нему. Результатом исследования является вывод о том, что в иных условиях проект Б. Каталинича мог оказать определенное влияние на русско-австрийские и русско-хорватские отношения, однако был предложен слишком поздно.

Ключевые слова: граничары, казаки, военно-поселенные войска, Австрийская империя, Н.П. Глиноецкий, Б. Каталинич.

Copyright © 2016 by Academic Publishing House *Researcher*

Published in the Russian Federation
Voennyi Sbornik
Has been issued since 1858.
ISSN: 2309-6322
E-ISSN: 2409-1707
Vol. 13, Is. 3, pp. 164-181, 2016

DOI: 10.13187/vs.2016.13.164
www.ejournal6.com

UDC 94

**The Cossack troops of Russia on the eve of "Great reforms" of Alexander II:
(on materials the vsepoddanneyshikh of reports
of the Ministry of Defence for 1858–1862)**

Alexey A. Volvenko

Taganrog Institute Named after A.P. Chekhov (Branch of the Rostov State University of Economics (RINH), Russian Federation
PhD (History), Associate Professor
E-mail: avolvenko@mail.ru

Abstract

In article the data on a condition of the Cossack troops on the eve of "Great reforms" of Alexander II submitted in the vsepoddanneyshikh reports of the Ministry of Defence for the first fifth anniversary of their official publication from 1858 to 1862 are analyzed. The statistical materials generalized by us reflect demographic processes among the Cossacks, military and economic development of the Cossack troops, situation in education and so forth during the specified period. In article the assumption of possible influence of contents of reports on the made decisions concerning the Cossacks becomes.

Keywords: vsepoddanneyshy reports, Ministry of Defence, Cossack troops, statistical data

Введение

Эпоха «Великих реформ» Александра II оставила заметный след в истории российского казачества. Таких масштабных преобразований как в 1860-1870-х гг. казачьи войска, пожалуй, больше никогда не переживали в своем развитии. Реформы, проводимые Военным министерством под руководством Д.А. Милютин, затронули практически все стороны существования казачества от перевооружения и изменений в гражданской сфере до ликвидации отдельных казачьих частей и даже войск. В этой связи представляет определенный интерес вопрос о состоянии казачьих войск накануне эпохи «Великих реформ». Его решение пригодится, например, при проведении сравнительного исследования положения казачьих войск до и после преобразований. Однако в этой статье амбициозная задача всеохватного анализа предреформенного казачества не ставится. Мы попытаемся рассмотреть, в основном, количественные данные, которыми располагала центральная власть и на которые очевидно опиралась при формировании своего курса в отношении казачьих войск в 1860-х годах.

Материалы и методы

Главным источником для нас станут «Всеподданнейшие отчеты о действиях Военного министерства» за 1858-1862 гг., которые в обязательном порядке содержат раздел «Иррегулярные войска» [1]. Выбранные хронологические рамки обусловлены тем, что с

1858 г. начинается собственно история официальной публикации отчетов, с этого же года казацкие войска из ведения Департамента военных поселений переходят во вновь образованное Управление иррегулярных войск (далее – УИВ). Его чиновники станут нести ответственность за содержание соответствующего раздела в отчетах, а также разрабатывать основы правительственной казацкой политики. К 1862 г. УИВ в концептуальном виде сформулировало программу реформ, которая затем в той или иной степени реализовывалась Военным министерством на практике. Таким образом, на наш взгляд, 5-летнего отчетного периода будет вполне достаточно для того чтобы зафиксировать существенные показатели или даже увидеть определенные тенденции в развитии казацких войск накануне эпохи «Великих реформ».

Материалы отчетов ранее уже использовались в историографии, особенно в официальных исследованиях по истории казацества дореволюционного периода. На полезную содержательную сторону «Всепопданнейших отчетов» также обратил внимание известный советский историк П.А. Зайончковский. Однако он предупреждал, что сообщаемые в отчетах данные «требуют сугубо критического отношения: нередко имеют место случаи, когда частные цифры не совпадают с общей суммой их» [2]. В своей недавней публикации А.Ю. Перетягко напомнил о противоречивости и неточности статистических материалов II пол. XIX в., по крайней мере, о войске Донском [3]. В связи с этим, мы еще раз хотели бы подчеркнуть, что, осуществляя выбор и систематизацию количественных данных из отчетов, мы стремимся показать, в первую очередь, ту возможную воображаемую статистическую картину, которая складывалась у чиновников УИВ относительно положения казацких войск в конце 1850- нач. 1860-х гг., и которая могла бы влиять на принимаемые ими решения.

Результаты

Структура отчетов и соответственно разделов «об иррегулярных войсках» менялась дважды за указанный период. Отчет за 1859 г. был самый краткий и в него не вошли сведения о войсковых капиталах, образовании и пр. Каждый отчет имел приложения, в них в табличной форме приводились данные о количестве населения на казацких территориях, о строевом составе, о наличии удобных и неудобных земель и т.д. Они в свою очередь поставлялись в УИВ местными начальниками, в подчинении которых находились казацкие войска и иррегулярные части. Отчет за 1862 г., первый полноценный год нахождения Д.А. Милютин в должности министра, уже имел другую более сложную структуру – в его основной части указывались общие краткие сведения об иррегулярных войсках, а в приложение теперь перемещался полноценный доклад УИВ с обширными табличными пояснениями. Объем интересующего нас раздела из года в год рос, но в целом главные его темы были неизменными. В то же время почти в каждом отчете можно найти что-то особенное и нетипичное. Например, в отчете за 1859 г. встречается единственная приведенная за пять лет формулировка воинского назначения иррегулярных войск. По мнению чиновников УИВ, это назначение «состоит, с одной стороны в непосредственном охранении границ империи от враждебных племен и сохранении порядка и спокойствия между кочующими на юго-восточных пределах оной инородцами, не вполне еще усвоивших себе условия гражданского быта, с другой же – в содействии военному и гражданскому ведомствам в содержании таможенной и полицейской стражи на других пунктах государства и для усиления, на случай войны, регулярных войск легкою конницею и конною артиллерию» [4]. С 1860 г. в отчетах начинают упоминаться суммы, потраченные в год на содержание УИВ: 1860 – около 64 тыс. руб.; 1861 – около 68 тыс. руб.; 1862 – около 73 тыс. рублей. Напомним, что финансовое обеспечение деятельности УИВ по закону было отнесено на счет иррегулярных войск «соразмерно количеству принадлежащих им капиталов, а именно: войско Донское вносило 20 %, Черноморское 18 %, Башкирское 18 %, Уральское 16 %, Оренбургское 11 %, Кавказское линейное 11 %, Сибирское 2 %, Забайкальское 1 %, Азовское 1 %, Астраханское 1 % и Новороссийское 1 % всей потребной на содержание Управления суммы» [5].

К 1859 г. в ведении УИВ находилось «12 больших населений, носящих название и имеющих состав и организацию войск, 5 меньших казацких населений, сформированных в составе полков и батальонов, и, наконец, 6 отдельных частей, имеющих только строевой

состав». К «большим населением» относились войска – Донское, Черноморское, Кавказское линейное, Оренбургское, Уральское, Новороссийское, Азовское, Астраханское, Сибирское линейное, Забайкальское, Амурское Башкирское. «Меньшими населением» числились – Тобольский пеший батальон, Тобольский, Иркутский и Енисейский конные полки, Балаклавский Греческий батальон. Наконец, имели только строевой состав – Лейб-Гвардии Кавказский эскадрон Собственного Его Величества конвой, Образцовый Казачий конно-артиллерийский дивизион, Дагестанский конно-иррегулярный полк, Грузинская дружина, Анапско-Горский полуэскадрон и Лейб-Гвардии Крымско-Татарский эскадрон [6].

К 1863 г. казачьих войск осталось по-прежнему 12-ть, но из Черноморского и Кавказского линейного в 1860 г. образовались Кубанское и Терское казачьи войска, причем «отношение между ними, как по числу народонаселения, так и по пространству занимаемой ими земли, значительно изменилось, так что Кубанское войско оказывается сильнее Терского числом жителей в четыре, а пространством земли в три раза» [7]. Из «меньших населений» продолжали существовать только Иркутский и Енисейский конные полки, объединенные в бригаду. Вдвое увеличилось количество иррегулярных частей «не составляющих особенных сословий в оседлом быту», а к уже действующим частям, кроме упразднённого Анапско-Горского полуэскадрона, добавились – Кубанский и Лабинский конно-иррегулярные эскадроны; Терский, Дагестанский и Кутаисский конно-иррегулярные полки; Джаро-Лезгинская конная сотня и Гурийская пешая сотня [8].

В непосредственном оперативном управлении Военного министерства находились только Донское и Астраханское войска. Остальные войска и части подчинялись еще и представителям имперской власти на местах. Так, Кубанское и Терское войска, а также кавказские иррегулярные части состояли в ведении Главнокомандующего Кавказской Армией; Азовское и Новороссийское войска, Лейб-Гвардии Крымско-Татарский эскадрон – в ведении Новороссийского и Бессарабского Генерал-Губернатора; Оренбургское, Уральское и Башкирское войска – подчинялись Командиру Отдельного Оренбургского корпуса; Сибирское войско – Командиру Отдельного Сибирского корпуса; Забайкальское и Амурское войска, Иркутско-Енисейская бригада управлялись Генерал-Губернатором Восточной Сибири.

Казачьи войска и иррегулярные части к 1862 г. занимали около 68 408 979 дес. земли, из которых удобной числилось – около 31 140 867 дес., неудобной - около 17 268 112 дес., с неопределенным статусом – 20 000 000 десятин. Наибольшее количество земли находилось в распоряжении Донского войска – 14 517 014 дес., наименьшее имелось в Новороссийском – 55 900 дес. [9]. В сравнении с земельными ресурсами «гражданских» губерний Европейской части Российской империи получается, что территории всех казачьих войск и иррегулярных полков вполне могли уместиться в пределах одной только Архангельской губернии, располагавшей в нач. 1860-х гг. около 80 769 375 дес. земли [10]. В тоже время пограничные с войском Донским Екатеринославская и Воронежская губернии насчитывали 6 196 363 [11] и 5 927 512 [12] дес. соответственно. Таким образом, даже сумма земель двух этих губерний, была бы все равно меньше земельных угодий одного только войска Донского. Если же десятины перевести в более знакомые современному читателю гектары (1 дес. – 1,09 га), то 68 408 979 дес. казачьих земель превратятся в 74 565 787 гектаров, что на 32млн. га больше, чем, по данным Росреестра, располагал Южный федеральный округ в 2013 году (42 086 000 га) [13].

Земельный фонд казачьих войск и иррегулярных частей был практически неизменным в рассматриваемый нами период (в случае с образованием Кубанского и Терского казачьих войск было предпринято перераспределение земельных владений), поэтому мы не приводили сведения о земле в динамике, по годам, ограничившись только рубежным 1862 годом. Небольшие колебания в цифровых данных все же были, но связаны они, в основном, с деятельностью «межевых партий», которые ежегодно осуществляли более точное измерение земель, особенно в Сибирском, Забайкальском и Амурском войсках. Кроме того, в 1860 г. в ведение министерства государственных имуществ отошел т.н. Леонтьевский лесной буерак (около 1200 дес.), который ранее принадлежал войску Донскому [14].

Данные о количестве населения в казачьих войсках и иррегулярных частях являлись обязательными в отчетах и, непременно подкреплялись обстоятельной таблицей в

приложении. К концу 1850-х гг. общее число населения казачьих/иррегулярных войск (из которых почти полмиллиона находились на воинской службе) составляло 1/24 часть всего населения Империи [15]. На основании материалов отчетов мы попытались обобщить сведения о населении казачьих/иррегулярных территорий с 1 января 1859 г. по 1 января 1863 г. и представить их в виде двух таблиц.

В таблице 1. приведены данные об общем количестве населения казачьих/иррегулярных территорий, по состоянию на 1 января каждого года рассматриваемого периода и распределенного по принципу принадлежности или нет к казачьему сословию. В таблице 2. показано количество населения только казачьих войск и только причисляемого к казачьему сословию также по состоянию на 1 января каждого года. Здесь сразу оговоримся, что далее, в статье мы будем оперировать статистическими данными, относящимися преимущественно к казачьим войскам, что отнюдь не умаляет значения иррегулярных частей, но точно соответствует заявленному нами предмету изучения.

Таблица 1.

Население казачьих/иррегулярных войск	К 1-му января 1859 г.	К 1-му января 1860 г.	К 1-му января 1861 г.	К 1-му января 1862 г.	К 1-му января 1863 г.	Прирост в год min/max
Казачьего сословия	2 511 236	2 557 373	2 643 788	2 705 745	2 754 557	46137/ 86415
Не казачьего сословия	327 907	350 578	358 788	366 001	358 687	7213/ 22671
Всего	2 839 143	2 907 951	3 002 576	3 071 746	3 113 244	41498/ 94625

Из таблицы 1 видно, что казачье население демонстрирует стабильную динамику роста. Что касается не казачьего сословия, то оно тоже, похоже, не отстает от казачества, за исключением 1862 г., который показал отрицательное значение прироста без соответствующих разъяснений в отчете. Если же просто механически просчитать прогнозируемое увеличение только казачьего населения за 40 лет, начиная с 1863 г., то казачество к 1903 г. должно было бы насчитывать около 4,5 млн. чел. при условии минимального прироста в год, а при сценарии максимального – около 6,1 млн. человек. Как нам кажется, эти довольно очевидные цифры ставили перед УИВ перспективную многоплановую проблему, что делать с таким количеством казачества, имеющего к тому же привилегированное положение?

Таблица 2.

Казачьи войска	К 1-му января 1859 г.	К 1-му января 1860 г.	К 1-му января 1861 г.	К 1-му января 1862 г.	К 1-му января 1863 г.
Донское	591 717	593 585	609575	621312	630 133
Черноморское (Кубанское)	165 713	169 086	383721	383112	392941
Кавказское линейное (Терское)	278 708	277 230	101761	109226	109800
Оренбургское	201 951	207 629	213574	218547	224494
Уральское	72 373	75 699	76814	79410	81070
Азовское	10 335	10 403	10741	10669	9904
Новороссийское	12 072	12 029	12204	12282	12478
Астраханское	18 114	18 145	18412	18855	18994
Сибирское линейное	90 777	89 829	89 654	104416	105656

Забайкальское	110 131	110 137	107125	112677	110856
Амурское	-	1999 ¹	6170	10527	11743
Башкирское	943 647	962 312	981454	997754	1 015245
Всего	2 495 538	2 528 083	2 611 205	2 678 787	2 723 314

В таблице 2 количество казачьего населения приводится по отдельным войскам также за пятилетний период. Практически по каждому войску наблюдается ежегодное увеличение населения. Бросаются в глаза цифры перераспределения людских ресурсов между новообразованными Кубанским и Терским казачьими войсками. Прирост казачьего населения обусловлен не только преобладанием рождаемости над смертью², но и «причислением людей посторонних ведомств разного звания» в казачье сословие того или иного войска. За 1859-1862 гг. наибольшее количество «причисленных» значилось в Сибирском, Забайкальском, Амурском, Кавказском линейном (Терском), Черноморском (Кубанском) войсках. Так, например, за 1859 г. Сибирское войско должно было увеличиться на 1938 чел. из «посторонних лиц», Забайкальское на 1783 чел., Амурское на 3357 чел., Кавказское линейное на 1938 чел. и т.п. Для сравнения Донское войско за этот год получило всего 117 чел. «посторонних» и только д.м.п. [16]. В 1862 г. наибольшее количество «причисленных» можно видеть в Кубанском и Забайкальском войсках – 3126 и 2228 чел. соответственно [17]. Среди т.н. «посторонних лиц» преобладали «женатые нижние чины регулярной Кавказской армии», государственные крестьяне, «порочные нижние чины Корпуса Внутренней стражи и Оренбургских линейных батальонов» и пр.

О военном составе казачьих войск и иррегулярных частей можно получить представление из таблицы 3, в которой количественные показатели разных воинских подразделений даны отдельно к 1-му января 1859 г. и к 1-му января 1863 г.

Таблица 3.

Наименование частей и подразделений	К 1-му января 1859 г.			К 1-му января 1863 г.		
	На службе	Дома и на льготе	Всего	На службе	Дома и на льготе	Всего
Полки	85 ^{1/2}	64 ^{1/2}	150	74 ^{1/2}	82 ^{1/2}	157
Батальоны	9	19	28	11 ^{1/2}	23	34 ^{1/2}
Батареи	14 ^{1/2}	16	30 ^{1/2}	17 ^{1/2}	12 ^{1/2}	30
Дивизионы	2	1	3	1 ^{1/2}	1/2	2
Эскадроны	2 ^{1/2}	1/2	3	4 ^{1/2}	2 ^{1/2}	7
Полуэскадроны	1	-	1	-	-	-
Сотни	-	-	-	12	-	12
Грузинская дружина	1	-	1	1	-	1
Команды	20	11	31	22	-	22
Гарнизонная артиллерийская рота	1	-	1	-	-	-

Такой выбор дат в таблице 3, а также в последующих таблицах 4 и 5 обусловлен тем, что никаких особых кардинальных трансформаций в штатном расписании казачьих войск и иррегулярных частей с 1858 по 1862 гг. не было. Фиксируется только небольшой стабильный рост количества отдельных подразделений, который был связан с реорганизацией конкретных иррегулярных частей, с изменением географии службы и т.д.

¹Из-за отсутствия полных статистических сведений по Амурскому войску, приведённая цифра соответствует количественному штатному расписанию его строевого состава.

²По данным отчета за 1862 г. по Донскому войску из 627586 чел. казачьего сословия умерло 13 503, а из 306699 чел. крестьянского населения, вышедшего из крепостной зависимости, умерло 19 091, таким образом, отношение смертности в казачьем сословии составило 1 к 46, а в крестьянском сословии 1 к 16 [18].

В объемной таблице 4. детализируются сведения о военном составе только по казачьим войскам с сохранением стилистики отчетов при описании места прохождения службы.

Таблица 4.

Казачьи войска	К 1-му января 1859 г.		К 1-му января 1863 г.	
	Штатный состав	На действительной службе и место прохождения	Штатный состав	На действительной службе и место прохождения
Донское	2 гвардейских полка и 66 полевых конных полков, 1 Гвардейская и 13 полевых артиллерийских батарей	32 полевых полка и 5 ^{1/2} батареи в составе Кавказской Армии, в Бессарабии, в Царстве Польском, в Финляндии. По одному дивизиону Гвардейских частей в Петербурге	2 Гвардейских полка, 1 учебный полк и 64 полевых конных полка, 1 гвардейская облегченная и 13 полевых конно-артиллерийских батарей	32 полевых, полка и 4 конно-артиллерийские батареи на Кавказе, в Царстве Польском, Финляндии, Бессарабии, Екатеринославской губернии и в пределах войска. По одному дивизиону Гвардейских частей в Петербурге
Черноморское (Кубанское)	9 конных полков, 1 дивизион (Гвардейский), 12 пеших батальонов, 3 артиллерийские батареи и 1 гарнизонная артиллерийская рота	3 полка, 1/2 дивизиона, 4 батальона, 1 батарея и 1 гарнизонная артиллерийская рота. Охраняют границы войска от вторжения горцев и участвуют в экспедициях против них.	20 конных полков и 1 отдельный дивизион, 13 пеших батальонов, 5 легких, конно-артиллерийских батарей и, совместно с Терским войском, 3 гвардейских эскадрона Собственного Его Величества конвоя.	1 гвардейский эскадрон в Петербурге, конный дивизион (сборный) в Варшаве; 21 конный полк, 9 пеших батальонов и 3 батареи, на кордонных линиях Кубанской и Лабинской, а также в отрядах, действовавших против непокорных горцев
Кавказское линейное (Терское)	22 конных полков, 1 пеший батальон, 1 дивизион, 1 эскадрон и 4 конные артиллерийские	Все части за исключением 1/2 эскадрона охраняют границы войска от вторжения горцев и	10 конных полков (четырёхсотенного состава), 2 легкие конно-артиллерийские батареи и	Все части войска несут службу на линиях и в передовых местностях Терской области

	батареи	участвуют в экспедициях против них.	совместно с Кубанским войском гвардейских эскадрона Собственного Его Величества конвоя	3
Оренбургское	12 конных полков, 3 конные артиллерийские батареи и 6 пеших батальонов	5 полков, 2 батареи и 1 батальон используются на кордонной линии, в Киргизской степи и в Москве	12 конных полков, 3 конные артиллерийские батареи и 6 пеших батальонов	5 ^{1/4} конных полка, 1 пеший батальон и 2 батареи. Используются на Оренбургской линии, в области Оренбургских Киргизов, на Уральских горных заводах, в Нижегородской, Казанской и Пермской губерниях и внутри войска
Уральское	12 конных полков и 1 гвардейский дивизион	5 ^{1/2} полков и 1/2 дивизиона. Для кордонной службы в Киргизской степи, в составе сводного полуполка для полицейской службы в Москве, и в составе Гвардейского корпуса в Петербурге	12 конных полков и 1 гвардейский дивизион	4 ^{1/2} полка отбывали службу на кордонах по рубежам двух Киргизских орд - Внутренней (Букеевской) и Зауральской, поэтапной линии от Уралья до Бузулука, а также в фортах Сыр-Дарьинской линии, при Султানে-Правителе западной части области Оренбургских Киргизов, в Казани и внутри войска. 1 гвардейский дивизион в Петербурге
Азовское	23 морские команды	12 команд, предназначены для крейсерства у восточных берегов Чёрного моря.	22 морские команды	Все команды служат на морских станциях восточного берега Черного

				моря: Сухумской и Константиновской.
Новороссийское	2 полка.	1 полк охраняет границу с Турцией и несет полицейский функции в Новороссийском крае.	2 полка	1 полк на Бессарабской границе и в городах Одесса и Аккерман
Астраханское	3 конных полка и 1 конная артиллерийская батарея	Более ^{2/3} численности полков и ^{1/2} батареи для содержания кордонов Каспийской и внутренней Астраханской линий, а также по границам земель Калмыков и кочевий Киргизов Внутренней (Букеевской) Орды.	3 конных полка и 1 конная артиллерийская полубатарея	Мелкими командами 5 сотен и одна смена полубатареи. Охраняют оседлое население Астраханских степей от хищничества кочевых инородцев
Сибирское линейное	10 конных полков, 3 конные артиллерийский батареи, 10 команд	В полном составе поддерживают спокойствие в Киргизской степи и охраняют границы с Коканом и Китаем	12 конных полков, 3 конные артиллерийский батареи и 3 пеших полубатальона	4 конных полка, часть одного полубатальона, 3 батареи. Место службы не указано
Забайкальское	6 конных полков, 12 пеших батальонов и 2 конные артиллерийские батареи.	1 полк, 2 батареи и 1 батальон. Охрана Китайской границы, содержание караулов по городам, заводам и на золотых промыслах Восточной Сибири.	6 конных полков, 12 пеших батальонов и 2 конные артиллерийские батареи.	2 пеших батальона, ^{1/2} конных полка, 1 батарея. Служба отбывалась на Нерчинских и других горных заводах, в городах Иркутске, Селенгинске, Чите и в других местах Восточной Сибири
Амурское	2 конных полка, 2 пеших батальона	В полном составе охраняют юго-восточные границы и используются для содержания	2 конных полка (четырёх сотенного состава), 2 пеших батальона (пятиротного	До 1-го полка. Место службы не указано

		сообщений по рр. Амуру и Уссури	состава)	
Башкирское	28 кантонов	Из 9 кантонов 2 тыс. чел. служат на этапах Оренбургской линии и Сибирской дороги	28 кантонов	Из 6 кантонов более 5 тыс. посланы на казенные работы в Оренбургскую линию и Златоустовский тракт, на укрепления Киргизской степи

В качестве дополнительного пояснения к данной таблице приведем примеры наиболее крупных изменений, случившихся в военном составе казачьих войск. В 1860 г. Тобольские конный полк, городской полк и пеший батальон были присоединены к Сибирскому войску, что привело к увеличению его состава на 2 конных полка и 3 пеших полубатальона. В этом же году произошло упомянутое уже перераспределение штатных единиц между образованными Кубанским и Терским казачьими войсками, что в свою очередь привело к формированию укрупненного Кавказского казачьего эскадрона Собственного Е.И.В. конвоя и отдельного конного дивизиона, специально комплектуемого в Кубанском войске для службы в Варшаве. В 1862 г. был упразднен донской рабочий полк; за счет «водворения новых станиц за Кубанью» произошло новое увеличение конных полков Кубанского войска, а в Терском войске полки из 6-ти сотенного были переформированы в 4-х сотенный состав. Кроме того, в 1862 г. было запланировано переселение на Кавказ с вхождением в состав Кубанского войска всего Азовского войска, что, вероятно, стало причиной выхода на службу всех азовских морских команд. В этом же году донские казаки в качестве полицейской силы были задействованы в Екатеринославской губернии и внутри Земли войска Донского (далее – ЗвД), в связи с крестьянскими выступлениями из-за отмены крепостного права.

Отдельно стоит отметить военный состав и прохождение службы Башкирским войском. Оно было разделено на 28 кантонов, из которых до 1862 г. только на 9 была распространена обязанность отбывания воинской повинности. Свободное же от повинности население облагалось денежным сбором, часть его шла на укрепление пограничных линий Оренбургского края. С 1862 г. количество «служащих» кантонов уменьшилось до 6-ти. Специфика организации и службы Башкирского войска, видимо, давала основание авторам отчетов всегда выносить количество башкирского строевого состава за пределы общей численности казачьих войск и иррегулярных частей. Также поступили и мы в таблице 5:

Таблица 5.

Наименование чинов	К 1-му января 1859 г.			К 1-му января 1863 г.		
	По штатам	По спискам	На действительной службе (на лицо)	По штатам	По спискам	На действительной службе (на лицо)
Генералы, Штаб и Обер-офицеры	3920	4212	2193	3977	4386	1851
Нижние чины	181 193	239 765	87 009	183 044	267 125	75 427
Итого	185113	243977	89 202	187 021	271 511	77 278

К данным таблицы от себя добавим, что соотношение офицерства (включая генералитет) к рядовому составу в казачьих войсках рассматриваемого периода приблизительно равнялось 1/46 по штатам и 1/61 по спискам, в то время как в действующих регулярных войсках Российской империи такое соотношение на 1863 г. было около 1/31 [19].

С 1859 г. в отчетах обязательным становится раздел о состоянии капиталов казачьих войск и иррегулярных частей. Важная особенность таких капиталов заключалась в том, что «общественные потребности казачьих войск, по всем отраслям управления и благоустройства, удовлетворялись из собственных доходов, получаемых: от войсковых капиталов, от оброчных статей, от пошлинных сборов с каменного угля, соли, рыбной ловли и т.п., от вознаграждения, получаемого некоторыми войсками из Государственного Казначейства за отошедшие в казну источники местных доходов, и, наконец, от вспомоществований, делаемых казною некоторым войскам, не имеющих достаточных местных способов для необходимых расходов» [20]. Кроме того, с 1842 г. все подобные капиталы считались «войсковою казенною собственностью, т.е. собственностью казачьих войск, как особых правительственных учреждений» [21]. Контроль войсковых доходов и расходов, а также утверждение войсковых смет производились Военным министерством. Таким образом, казачьи войска находились на своеобразной финансовой самокупаемости и были почти свободны от прямого подушного обложения, что являлось важной казачьей привилегией. Только в Забайкальском войске казаки пеших батальонов были обязаны платить подушный налог, а также население 22 кантонов Башкирского войска лично вносило подать за освобождение от воинской службы. Денежные же сборы с крестьян донских помещиков, проживающих на территории ЗвД, шли непосредственно в Государственное Казначейство.

Помимо войсковых капиталов практически в каждом войске имелись также продовольственные капиталы, составляющие «непосредственную собственность обывателей». При этом учитывались и тратились они отдельно.

Таблица 6.

Наименование капиталов	К 1-му января 1859 г.	К 1-му января 1860 г.	К 1-му января 1861 г.	К 1-му января 1862 г.	К 1-му января 1863 г.
Капиталы	Нет данных	14 332148	14 759 011	15 169 612	13 570 551
Продовольственные капиталы	Нет данных	1 448102	1 595 122	2 074 388	2 078 163
Всего	15 083053	15 780 250	16 354 133	17 244 000	15 648 714

Из таблицы 6 видно, как казачьи и иррегулярные капиталы в целом росли в избранный период за исключением 1862 года. Уменьшение войсковых капиталов за этот год авторами отчетов объясняется рядом объективных причин, среди которых наиболее важными являлись «значительные единовременные расходы на постройку и исправление церквей и других общественных зданий, на выдачу денежных пособий казачьим семьям, переселившимся на передовые пространства Кубанской области, на сооружение Грушевско-Аксайской железной дороги» [22]. Тенденция роста капиталов не означает, что в тех или иных войсках в какие-то годы не было дефицита исполнения бюджета, каждый такой случай обязательно фиксировался в отчетах, а также намечались меры по преодолению сложившейся негативной ситуации.

В таблице 7 данные о состоянии войсковых капиталов нами детализируются по годам.

Таблица 7.

Казачьи войска	К 1-му января 1859 г.	К 1-му января 1860 г.	К 1-му января 1861 г.	К 1-му января 1862 г.	К 1-му января 1863 г.
Донское	6 132 093	6 204 905	6 343 826	6 373494	4 803 897
Черноморское (Кубанское)	2 298 180	2 243 012	2 186255	2 891542	2 585 089

Кавказское линейное (Терское)	1 003 039	1 011 558	1 091630	380354	431 201
Оренбургское	1 629593	1 550839	1 570037	1 707569	1 735 282
Уральское	941091	918 458	1 058484	959413	927 738
Азовское	156179	166706	183974	195331	196 515
Новороссийское	170 996	190 209	173766	151353	155 439
Астраханское	233 366	241 941	231218	225801	253 188
Сибирское линейное	394 465	449 780	395047	446232	537 167
Забайкальское	241 630	247 595	202 446	180357	216 935
Амурское	-	-	-	-	-
Башкирское	1 805250	1 916641	1 251814	1 601 245	1 668 023
Всего	15 005 882	15 141 644	14 688 497	15 112 691	13 510 474

Войсковые капиталы большинства войск состояли из нескольких частей, количество которых варьировалось от двух до 10-ти и даже чуть выше. Их названия и назначения иногда являлись эксклюзивными и зависели от специфики или традиций того или иного войска. Например, в Новороссийском войске имелся исключительный «ссудный» капитал, в Уральском – «для бедных», «на богадельню», в Забайкальском – «русско-монгольской школы» и пр. Капитал самого «богатого» Донского войска к 1860 г. разделялся на военный, вспомогательный, пенсионный, коннозаводский, войсковой, соборо-церковный, строительный, городской, приказа общественного призрения, училищный и капитал земского сбора. В 1859 г. размер донского капитала составил 6 204 905 руб., в то же время «казенные доходы» соседней Воронежской губернии в 2,5 раза меньшей по территории, но почти в 2 раза большей по численности населения – 7 804 180 руб. [23]. Среди частей донского капитала самыми крупными являлись – военный и войсковой капиталы, причем первый частично субсидировался вторым. Военный капитал тратился на содержание донской артиллерии и Учебного полка, на заготовление оружия, на обеспечение в кадетских корпусах донских воспитанников и пр. На деньги войскового капитала поддерживались военное и гражданское управление войска, учебные заведения, госпитали и лазареты, осуществлялись строительство и ремонт войсковых зданий и пр. Главным источником пополнения войскового капитала являлись доходы от т.н. «питейных откупов». В 1859 г. «питейный откуп» в ЗвД был заменен особой системой продажи «вина», включающей в себя акцизный сбор, которая только за один год ее существования увеличила размер прежних поступлений дополнительно на 630 000 руб. Такое увеличение свидетельствует не только об эффективности новой системы, но и о существовании на Дону соответствующих питейных производств и заведений. Так, в войске Донском на 1 января 1860 г. имелось 7 винокуренных заводов, 17 винных подвалов, 68 ведерных лавок, 616 питейных домов, 57 выставок, 826 постоянных дворов, «в коих производится продажа вина», 1323 мелочных и фруктовых лавок «с продажей вина», 46 трактирных заведений и 19 ренсковых погребов. Вместе с тем, как утверждает в отчете за 1859 г., которое, впрочем, сложно проверить, «пьянство в войске не только не усилилось, но скорее ослабло» [24].

Другой тенденцией, ясно просматриваемой в отчетах, являлась положительная динамика развития народного образования практически во всех казачьих войсках. В таблицах 8 и 9 представлены сведения о количестве учебных заведений, учителях и обучающихся как в войсковых образовательных учреждениях, так и за пределами войск.

Таблица 8.

Казачьи войска	1859		1860		1861		1862	
	Кол-во учебных заведений	Кол-во учителей						
Донское	37	140	37	137	230	364	403	516
Черноморское (Кубанское)	12	49	12	49	37	74	37	73
Кавказское линейное (Терское)	52	64	52	64	36	43	38	45
Оренбургское	79	79	81	86	89	93	101	119
Уральское	91	131	97	128	101	130	78	112
Азовское			1	2	2	3	2	3
Новороссийское	4	4	4	4	5	13	5	13
Астраханское	-	-	12	14	12	14	12	14
Сибирское линейное	60	60	60	60	61	62	61	62
Забайкальское	72	73	72	73	364	363	354	355
Амурское	-	-	-	-	15	34	25	26
Башкирское	607	-	641	709	626	628	659	672
Всего	1014	600	1069	1326	1592	1843	1775	2040

Таблица 9.

Казачьи войска	1859		1860		1861		1862	
	Число уч-ся в пределах войск	Число уч-ся вне пределов войск	Число уч-ся в пределах войск	Число уч-ся вне пределов войск	Число уч-ся в пределах войск	Число уч-ся вне пределов войск	Число уч-ся в пределах войск	Число уч-ся вне пределов войск
Донское	2190	111	2282	134	6930	182	8509	177
Черноморское (Кубанское)	631	69	650	70	2432	81	2709	74
Кавказское линейное (Терское)	2059	81	2048	112	1100	40	1126	59
Оренбургское	2329	106	2524	89	3137	90	3679	89
Уральское	1803	56	2237	-	2171	59	3397	58
Азовское	-	-	40	2	67	3	82	2
Новороссийское	176	-	194	6	167	8	200	6
Астраханское	-	-	456	7	418	48	422	87
Сибирское линейное	1200	60	1200	60	1250	238	1250	254
Забайкальское	1575	16	1575	16	7095	101	6707	82
Амурское	-	-	-	-	483	13	588	22
Башкирское	21 200	317	24 760	-	25345	482	26122	461
Всего	33 163	816	37 966	496	51 060	1377	54791	1371

Очевидную положительную тенденцию, скорее всего, следует рассматривать в контексте достижений всей образовательной политики Российской империи 60-х гг. XIX века, а также в сравнении с «гражданскими» губерниями. Так, например, в конце 1850-х гг. только Екатеринославская и Воронежская дирекции училищ, относящиеся к Министерству народного просвещения, объединяли 68 и 32 учебных заведений, в которых обучалось 3352 [25] и 1724 [26] учащихся соответственно, и это помимо школ и училищ других ведомств. Выделяющиеся же показатели по Башкирскому войску объясняются тем, что в нем вообще не было (по крайней мере, в этот период) казенных и общественных учебных заведений, а обучение велось «в частных татарских школах, в которых преподавалась только татарская грамота и правила магометанской религии» [27].

Значительный объем в отчетах занимала информация о «состоянии частного хозяйства, промышленности и торговли», но она почему-то не имела единообразных табличных форм. На наш взгляд, анализ «казачьей экономики» требует отдельного исследования и по более длительному периоду. Поэтому здесь мы ограничимся самым общим обзором главных особенностей хозяйства, промышленности и торговли казачьих войск.

Начнем с «хлебопашества», которое традиционно авторы отчетов ставили на первое место. Хлебопашество было наиболее развито в войсках Донском, Оренбургском, Башкирском, Кубанском и Уральском и производилось, по преимуществу, «первобытными способами». Средняя урожайность по казачьим войскам за 1862 г. (из-за климатических условий и нашествия вредителей признанного неудачным) составляла – сам $3\frac{3}{4}$ для озимых и $3\frac{1}{4}$ для яровых культур [28]. В отчетах отмечалось, что «из всех казачьих населений только Оренбургское может назваться земледельческим по преимуществу», т.к. «обилие земель и богатая их производительность, а также выгодный сбыт хлеба кочевым Киргизам и в Самаре ставит земледельческий труд (в Оренбургском войске. – А.В.) в весьма выгодные условия» [29].

Скотоводство было распространено практически во всех войсках, но более $\frac{1}{3}$ всех «казачьих лошадей» принадлежало Башкирскому войску, а около половины рогатого скота и овец Донскому войску. Тем не менее, скотоводство являлось «главным занятием жителей Кубанского войска» и особенно развивалось «на степной равнине нижнего течения Кубани». Именно туда приезжали «промышленники из внутренних губерний» для закупки скота и продуктов скотоводства, здесь также забирались лошади военными ремонтерами для артиллерии и обозов Кавказской армии [30].

Рыболовством с «большим успехом» занимались в Уральском, Кубанском, Донском, Астраханском, Азовском, Забайкальском и Амурском войсках. Так, в 1862 г. в ЗвД насчитывалось 217 рыболовных заводов, в основном в устьях р. Дон и по северо-восточному берегу Азовского моря. Ими было выловлено «рыбы красной и белой до 370 000 пудов и сельдей до 8 700 000 штук; изготовлено икры из красной рыбы более 1000 пудов». В этом же году астраханские казаки на Волге и ее притоках - Ахтубе и Бузане, «выловили рыбы красной и белой 135 487 пудов, сельдей (местное название - бешенка) более 1-го млн. штук; также добыли икры из красной рыбы 137 пудов; вытопили рыбьего жира 36 105 пудов» [31]. Для Уральского войска рыболовство являлось не только главным промыслом, но и своеобразным системообразующим фактором. По мнению авторов отчетов, наличие стабильного рыболовного дохода «служило основанием самого военного устройства Уральского войска», т.к. денежная наемка на службу среди уральцев была «возможна только при непрерывном обращении денежных капиталов в целой массе населения». В 1862 г. уральские казаки выловили «рыбы красной и белой 1 231 183 пудов, добыли икры из красной рыбы 20 010 пудов» [32].

Развитым виноделием отличались Донское и Терское войска. При чем «выделкой вина сами донские садоводы (преимущественно жители станиц Цымлянкой и Раздорской. – А.В.) занимаются мало, предоставляя занятие это особым промышленникам-винооторговцам, которые, скупая виноград разных сортов и не распределяя его по качествам, спешат получать вино с возможно меньшею тратой труда и капитала и потому выделяемое ими вино не достигает высоких качеств» [33]. В Терском войске виноградные сады имелись в Кизлярском, Гребенском, Моздокском и Горском полках. Правда вино производилось «первобытным

способом и не отличалось особенным достоинством, но, по своей дешевизне, оно находит массу потребителей в простом народе и имеет верный сбыт» [34].

Добыча соли входила в перечень привилегий казачества и была распространена в Донском и Кубанском войсках. Особенно славилась донская соль из долины р. Маныч, которая добывалась как по распоряжению войсковой администрации, так и частным путем. Также Донская земля, единственная из казачьих территорий в сер. XIX в. отличалась разработкой каменного угля в т.н. Грушевских каменно-угольных коях. Определенные успехи в угольной отрасли способствовали сооружению в ЗвД на войсковые капиталы уже упомянутой железной дороги, первоначально соединившей Грушевские шахты с Аксайской пристанью на Дону. Выбор пристани как конечной точки железнодорожного строительства был обусловлен наличием в ЗвД развитого судоходства. В нач. 1860-х гг. по Дону и Азовскому морю «промышляли» около 300 чел. на 200 морских и 120 речных судах [35]. Кроме того небольшой торговый «флот» имелся в Астраханском войске. Однако астраханские казаки предпочитали больше заниматься извозом, особенно в зимний период, когда «судоходное движение по Волге прекращается, и огромные грузы рыбы поднимаются гужем в верхние губернии» [36]. Также извоз в крупных размерах процветал в Оренбургском войске. Местные казаки занимались перевозкой пшеницы, соли и других грузов, направляемых в Уфу, Челябину, Самару, Казань и Москву, а также заключали государственные подряды на транспортировку разных предметов для укрепления пограничной Сыр-Дарьинской линии.

Авторы отчетов отмечали особую «промышленную предприимчивость» в Сибирском войске. Казаки у своих соседей «сибирских киргизов» скупали скот, кожу, пушнину и другие «произведения хозяйства и охоты кочевников», а затем перепродавали их более крупным «промышленникам». Киргизам же поставляли хлеб, посуду и другие предметы быта. Таким образом, казаки «сумели занять посредствующее положение между городскими рынками и кочевым населением сибирских степей. Порядок этот утвердился так прочно, что между казаками и киргизами существует даже кредит» [37]. Объемы торговых сделок были также высоки в Уральском, Донском, Кубанском и Оренбургском войсках. Среди «казачьих» ярмарок (на 1862 г. – около 390) «по значительности оборотов» выделялась Урюпинская в Донском войске. Урюпинская ярмарка занимала важное место вообще во всей системе ярмарочной торговли юго-восточной полосы империи. В основном на ней торговали: хлебом (преимущественно пшеница и овес), рыбой, виноградным вином, лошадьми, рогатым скотом, овцами, кожей, шерстью, салом, строительным лесом, углем. Сумма торговых сделок на ярмарке в нач. 1860-х гг. достигала до 5 780 800 рублей [38]. В соседней Воронежской губернии на все ее ярмарки в 1857 г. было привезено товаров на 3 460 116 руб., а продано на 1 456 702 руб. [39]. Специфика торговли в Кубанском войске, по мнению авторов отчетов, заключалась в том, что она находилась «в руках иногородних людей и преимущественно Нахичеванских армян» [40]. Несмотря на то, что в кубанском торговом обществе находилось 550 казаков, лишь «немногие из них посвящали себя торговому делу». Главными же предметами местной торговли были: рыба, лошади, рогатый скот, овцы, кожа, шерсть и сало. В Оренбургском войске ассортимент товаров, производимый и реализуемый на местных рынках и ярмарках, отличался особым разнообразием. Так, на Лондонской всемирной выставке 1862 г. от Оренбургского войска были представлены следующие предметы: «глины разных цветов, каменный уголь, аспидный и других родов камень, мумий, охра желтая, наджак, пшеница, рожь, ярица, ячмень, просо, горох, лен, конопля и семена: маковое, льняное и конопляное; дикая марена, крапш, маренный цвет, пенька из конопли; овечья шерсть, верблюжья армячина, шерстяное полотно, вареги шерстяные и перчатки пуховые; льняной холст, брань пестрая и красная, салфетка браного белого холста, салфетка вязанная, нитки льняные, белые и красные, железный сошник» [41]. Медальями выставки были награждены коллекция хлебов и коллекции льна, пеньки и марены. На этой же выставке были отмечены и товары из Уральского войска, медали получили: рыбий клей, козий пух и верблюжья шерсть, «почетного отзыва» удостоилось сало [42].

Согласно отчетам, т.н. «заводская промышленность» существовала в основном в Донском, Оренбургском, Уральском и Сибирском войсках. В 1862 г. на казачьих землях располагалось 107 салотопенных заводов, 7 мыловаренных, 6 свечных, 5 кожевенных, 5 винокуренных, 5 пивоваренных, 9 маслостойных, 3 воскобойных, 1 ваточный (в Донском войске), 1 крахмальный (там же), 2 клеевых (в Уральском) и 137 кирпичных, всего –

338 заводов [43]. По сравнению только с одной Екатеринославской губернией, имевшей в сер. XIX в. 533 завода (действующих – 324) [44], количество всех казачьих «предприятий» выглядит явно не достаточным.

Наряду с традиционными отраслями хозяйства, распространёнными на казачьих территориях, в том числе и менее развитыми пчеловодством и шелководством, имелись и довольно экстравагантные виды деятельности. Так, на Таманском полуострове (Кубанское войско) добывалась горная нефть, а в плавнях нижней Кубани производился лов пиявок, правда этим занимались не казаки, а откупщики, но все же от добычи нефти местный войсковой капитал в сер. XIX в. получал 113 руб., а от пиявочной ловли 450 руб. в год [45].

Выводы

В разделе «иррегулярные войска» всеподданнейших отчетов публиковались еще и данные о состоянии хлебных магазинов, «нравственности», болезнях и пр., а также обычно кратко перечислялись наиболее крупные изменения в административном устройстве войск и частей за каждый год. Однако мы решили все же обойти их своим вниманием. Проанализированный материал даже в таком, может быть и не полном виде, как нам кажется, дает основание сделать определенные выводы.

Читающие отчеты современники, ответственные за решения в отношении казачьих войск и иррегулярных частей, не могли не принимать в расчет демографические показатели. О своей уверенности в этом мы уже упомянули ранее, теперь же объясним ее подробнее. Рост казачьего населения за рассмотренный период, а также легко прогнозируемое умножение казачества до конца XIX в. при сохранении его status-quo, т.е., грубо говоря, несение военной службы в обмен на привилегии, особенно земельные, подразумевало естественное увеличение казачьих частей и уменьшение свободных земель на казачьих территориях из-за передачи ее в паевое довольствие новым казакам. Таким образом, чиновники УИВ, высшее руководство Военного министерства рано или поздно должны были ответить на очевидные вопросы: насколько необходимы казаки армии в таком количестве, и каково должно быть их качество; хватит ли земельных угодий, если точно исполнять букву закона и предоставлять только рядовому казаку 30 дес. земли, соответствует ли интересам государства увеличение привилегированного сословия, имеющего специфические функции и пр. Как показала дальнейшая известная нам практика, от ответов на эти вопросы непосредственно зависело содержание правительственной политики в отношении казачьих войск.

Мы также уверены в том, что не надо иметь специальный профессиональный взгляд, чтобы увидеть чиновнику 1860-х г. или современному читателю значительный потенциал в социально-экономическом развитии казачьих территорий, особенно Европейской части. Об этом говорят стабильное состояние войсковых капиталов, ассортимент производимых товаров, развитие торговли и т.д. Правда в последнем случае обращает на себя внимание, вскользь упомянутое в отчетах, сосредоточение в некоторых войсках торговых заведений и операций в руках представителей не казачьего сословия, т.н. иногородних. Таким образом, если актуализировалась бы задача стимулирования экономического развития казачьих регионов, то Военному министерству необходимо было бы решить какие ресурсы для этого задействовать, а также расставить приоритеты между военными и гражданскими потребностями казачьих войск и иррегулярных частей.

Благодарности

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта №16-01-50018.

Литература

1. Всеподданнейшие отчеты о действиях Военного министерства за ... [1858-1862] год. СПб., 1861-1864.
2. Зайончковский П.А. Самодержавие и русская армия на рубеже XIX-XX столетий. М., 1973. С. 8.

3. Перетятко А.Ю. Русские и украинцы на территории Области Войска Донского в 1763–1917 гг.: предыстория раздела Донецкого и Таганрогского округов между РСФСР и УССР // Русская старина. 2015. № 4 (16). С. 259
4. Всеподданнейший отчет о действиях Военного министерства за 1859 год. СПб., 1862. С. 239.
5. ПСЗ 2-е собр. СПб.,1858. Т. XXXII. № 32553. С. 1002.
6. Всеподданнейший отчет о действиях Военного министерства за 1859 год. СПб., 1862. С. 225.
7. Всеподданнейший отчет о действиях Военного министерства за 1858 год. СПб., 1861. С. 227.
8. Всеподданнейший отчет о действиях Военного министерства за 1862 год. Отчет управления иррегулярных войск. СПб., 1864. С. 1.
9. Всеподданнейший отчет о действиях Военного министерства за 1862 год. Отчет управления иррегулярных войск. СПб., 1864. С. 15.
10. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Архангельская губерния. Составил Генерального штаба капитан Н. Козлов. СПб., 1865. С. 12.
11. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Екатеринославская губерния. Составил Генерального штаба капитан В. Павлович. СПб., 1862. С. 14.
12. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Воронежская губерния. Составил Генерального штаба подполковник В. Михалевич. СПб., 1862. С. 14.
13. Южный ФО. Структура земель по категориям https://rosreestr.ru/upload/Doc/images-ugfo_kategor.JPG – дата обращения 30.05.2016
14. Всеподданнейший отчет о действиях Военного министерства за 1861 год. СПб.,1863. С. 252.
15. Столетие Военного министерства 1802-1902. Главное управление казачьих войск. Исторический очерк. СПб.,1902. Т.11. Ч.1. С. 402.
16. Всеподданнейший отчет о действиях Военного министерства за 1859 год. СПб., 1862. С. 225-226.
17. Всеподданнейший отчет о действиях Военного министерства за 1862 год. Отчет управления иррегулярных войск. СПб., 1864. С. 11
18. Всеподданнейший отчет... С. 27.
19. Всеподданнейший отчет о действиях Военного министерства за 1862 год. СПб., 1864. С. 2.
20. Всеподданнейший отчет о действиях Военного министерства за 1862 год. Отчет управления иррегулярных войск. СПб., 1864. С. 16
21. ПСЗ 2-е собр. СПб.,1843. Т. XVII № 16023. С. 897.
22. Всеподданнейший отчет о действиях Военного министерства за 1862 год. Отчет управления иррегулярных войск. СПб., 1864. С. 37
23. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Воронежская губерния... С. 342
24. Всеподданнейший отчет о действиях Военного министерства за 1859 год. СПб., 1862. С. 238.
25. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Екатеринославская губерния... С. 253.
26. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Воронежская губерния... С. 284-285.
27. Всеподданнейший отчет о действиях Военного министерства за 1859 год. СПб., 1862. С. 249.
28. Всеподданнейший отчет о действиях Военного министерства за 1862 год. СПб., 1864. С. 39.
29. Всеподданнейший отчет... С. 38.
30. Всеподданнейший отчет... С. 32.
31. Всеподданнейший отчет... С. 29,38.

32. Всеподданнейший отчет... С. 42.
33. Всеподданнейший отчет... С. 29.
34. Всеподданнейший отчет... С. 35.
35. Всеподданнейший отчет... С. 31.
36. Всеподданнейший отчет... С. 38.
37. Всеподданнейший отчет... С.4 7.
38. Всеподданнейший отчет... С. 31.
39. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Воронежская губерния... С. 256.
40. Всеподданнейший отчет о действиях Военного министерства за 1862 год. Отчет управления иррегулярных войск. СПб., 1864. С. 34.
41. Всеподданнейший отчет... С. 40.
42. Всеподданнейший отчет... С. 43.
43. Всеподданнейший отчет... С. 41.
44. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Екатеринославская губерния... С. 191.
45. Всеподданнейший отчет о действиях Военного министерства за 1862 год. Отчет управления иррегулярных войск. СПб., 1864. С. 33.

References

1. Vsepoddanneishie otchety o deistviyakh Voennogo ministerstva za ... [1858-1862] god. SPb., 1861-1864.
2. Zaionchkovskii P.A. Samoderzhavie i russkaya armiya na rubezhe XIX-XX stoletii. M., 1973. S. 8.
3. Peretyat'ko A.Yu. Russkie i ukraintsy na territorii Oblasti Voiska Donskogo v 1763–1917 gg.: predystoriya razdela Donetskogo i Taganrogskogo okrugov mezhdru RSFSR i USSR // Russkaya starina. 2015. № 4 (16). S. 259
4. Vsepoddanneishii otchet o deistviyakh Voennogo ministerstva za 1859 god. SPb., 1862. S. 239.
5. PSZ 2-e sobr. SPb.,1858. T. KhKhKhII. № 32553. S. 1002.
6. Vsepoddanneishii otchet o deistviyakh Voennogo ministerstva za 1859 god. SPb., 1862. S. 225.
7. Vsepoddanneishii otchet o deistviyakh Voennogo ministerstva za 1858 god. SPb., 1861. S. 227.
8. Vsepoddanneishii otchet o deistviyakh Voennogo ministerstva za 1862 god. Otchet upravleniya irregulyarnykh voisk. SPb., 1864. S. 1.
9. Vsepoddanneishii otchet o deistviyakh Voennogo ministerstva za 1862 god. Otchet upravleniya irregulyarnykh voisk. SPb., 1864. S. 15.
10. Materialy dlya geografii i statistiki Rossii, sobrannye ofitserami General'nogo shtaba. Arkhangel'skaya guberniya. Sostavil General'nogo shtaba kapitan N. Kozlov. SPb., 1865. S. 12.
11. Materialy dlya geografii i statistiki Rossii, sobrannye ofitserami General'nogo shtaba. Ekaterinoslavskaya guberniya. Sostavil General'nogo shtaba kapitan V. Pavlovich. SPb., 1862. S. 14.
12. Materialy dlya geografii i statistiki Rossii, sobrannye ofitserami General'nogo shtaba. Voronezhskaya guberniya. Sostavil General'nogo shtaba podpolkovnik V. Mikhalevich. SPb., 1862. S. 14.
13. Yuzhnyi FO. Struktura zemel' po kategoriyam https://rosreestr.ru/upload/Doc/images-ugfo_kategor.JPG – data obrashcheniya 30.05.2016
14. Vsepoddanneishii otchet o deistviyakh Voennogo ministerstva za 1861 god. SPb.,1863. S. 252.
15. Stoletie Voennogo ministerstva 1802-1902. Glavnoe upravlenie kazach'ikh voisk. Istoricheskii ocherk. SPb.,1902. T.11. Ch.1. S. 402.
16. Vsepoddanneishii otchet o deistviyakh Voennogo ministerstva za 1859 god. SPb., 1862. S. 225-226.
17. Vsepoddanneishii otchet o deistviyakh Voennogo ministerstva za 1862 god. Otchet upravleniya irregulyarnykh voisk. SPb., 1864. S. 11
18. Vsepoddanneishii otchet... S. 27.
19. Vsepoddanneishii otchet o deistviyakh Voennogo ministerstva za 1862 god. SPb., 1864. S. 2.
20. Vsepoddanneishii otchet o deistviyakh Voennogo ministerstva za 1862 god. Otchet upravleniya irregulyarnykh voisk. SPb., 1864. S. 16
21. PSZ 2-e sobr. SPb.,1843. T. XVII № 16023. S. 897.

22. Vsepoddanneishii otchet o deistviyakh Voennogo ministerstva za 1862 god. Otchet upravleniya irregulyarnykh voisk. SPb., 1864. S. 37
23. Materialy dlya geografii i statistiki Rossii, sobrannye ofitserami General'nogo shtaba. Voronezhskaya guberniya... S. 342
24. Vsepoddanneishii otchet o deistviyakh Voennogo ministerstva za 1859 god. SPb., 1862. S. 238.
25. Materialy dlya geografii i statistiki Rossii, sobrannye ofitserami General'nogo shtaba. Ekaterinoslavskaya guberniya... S. 253.
26. Materialy dlya geografii i statistiki Rossii, sobrannye ofitserami General'nogo shtaba. Voronezhskaya guberniya... S. 284-285.
27. Vsepoddanneishii otchet o deistviyakh Voennogo ministerstva za 1859 god. SPb., 1862. S. 249.
28. Vsepoddanneishii otchet o deistviyakh Voennogo ministerstva za 1862 god. SPb., 1864. S. 39.
29. Vsepoddanneishii otchet... S. 38.
30. Vsepoddanneishii otchet... S. 32.
31. Vsepoddanneishii otchet... S. 29,38.
32. Vsepoddanneishii otchet... S. 42.
33. Vsepoddanneishii otchet... S. 29.
34. Vsepoddanneishii otchet... S. 35.
35. Vsepoddanneishii otchet... S. 31.
36. Vsepoddanneishii otchet... S. 38.
37. Vsepoddanneishii otchet... S.4 7.
38. Vsepoddanneishii otchet... S. 31.
39. Materialy dlya geografii i statistiki Rossii, sobrannye ofitserami General'nogo shtaba. Voronezhskaya guberniya... S. 256.
40. Vsepoddanneishii otchet o deistviyakh Voennogo ministerstva za 1862 god. Otchet upravleniya irregulyarnykh voisk. SPb., 1864. S. 34.
41. Vsepoddanneishii otchet... S. 40.
42. Vsepoddanneishii otchet... S. 43.
43. Vsepoddanneishii otchet... S. 41.
44. Materialy dlya geografii i statistiki Rossii, sobrannye ofitserami General'nogo shtaba. Ekaterinoslavskaya guberniya... S. 191.
45. Vsepoddanneishii otchet o deistviyakh Voennogo ministerstva za 1862 god. Otchet upravleniya irregulyarnykh voisk. SPb., 1864. S. 33.

УДК 94

**Казачьи войска России накануне «Великих реформ» Александра II:
(по материалам всеподданнейших отчетов Военного министерства
за 1858-1862 гг.)**

Алексей Александрович Волвенко

Таганрогский институт имени А.П. Чехова (филиал) Ростовского государственного экономического университета (РИНХ), Российская Федерация
Кандидат исторических наук, доцент
E-mail: avolvenko@mail.ru

Аннотация. В статье анализируются данные о состоянии казачьих войск накануне «Великих реформ» Александра II, представленные во всеподданнейших отчетах Военного министерства за первое пятилетие их официального опубликования с 1858 по 1862 год. Обобщенные в статье статистические материалы отражают демографические процессы среди казачества, военное и хозяйственное развитие казачьих войск, положение в образовании и пр. в указанный период. В работе делается предположение о возможном влиянии содержания отчетов на принимаемые решения в отношении казачества.

Ключевые слова: всеподданнейшие отчеты, Военное министерство, казачьи войска, статистические данные.

Copyright © 2016 by Academic Publishing House *Researcher*

Published in the Russian Federation
 Voennyi Sbornik
 Has been issued since 1858.
 ISSN: 2309-6322
 E-ISSN: 2409-1707
 Vol. 13, Is. 3, pp. 182-192, 2016

DOI: 10.13187/vs.2016.13.182
www.ejournal6.com

UDC 930.1

Forerunner of Pearl Harbor

¹Igor V. Yurin
²Artem A. Gonchar

¹ITMO university, Russian Federation
 197101 Sankt-Peterburg, Kronverkskiy prospekt, 49
 PhD (Military Science), Assistant Professor
 E-mail: 9402015@mail.ru

²St. Petersburg University of the Russian Interior Ministry
 198206 St. Petersburg, ul. Flyer Pilyutova, d. 1.
 PhD (Military Science)
 E-mail: gonchar.tema@yandex.ru

Abstract

In this article is described the attack on the Italian naval base Taranto, carried out exclusively by the forces of English carrier-based aircraft 11 of November 1940 of year, – the first in the history of war shooting at sea the case of applying the aircraft carriers for inflicting of impacts on the sea bases and the based in them warships. This operation laid way to numerous alliterations in the course World War II. Strategic situation in Mediterranean theater of military actions changed radically after this impact.

Keywords: World War II, naval actions in the Mediterranean, aircraft carrier “Illustries”, battleships “Littorio”, “Duilio” and “Comte di Cavour”, Andrew Browne Cunningham

Введение

«Сила соломѹ ломит», эта мудрая русская пословица хорошо знакома нам с раннего детства. Однако в реальной жизни есть примеры, когда умудрялись упускать противника имея колоссальный перевес в силах, именно в силах, а не в численности, ибо значительное преимущество в оружии и выучке компенсирует даже солидное численное превосходство без особых проблем. Есть яркие примеры, когда наоборот совсем малыми силами умудрялись наносить действительно, а не «на бумаге», могучему противнику сокрушительное поражение или причинять ему серьезный ущерб. Многие называли такие события чудом, или примером небывалого воинского счастья, но тщательный анализ этих казусов, как правило, позволяет докопаться до истинных причин: обычно, это применение принципиально новых видов оружия или тактических приемов.

Если же в битве сходятся равные (или почти равные) противники, то победа достается, обычно, очень большой ценой. Одними из наиболее ярких примеров таких событий являются: знаменитая «Пирова победа» над древними римлянами, или Куликовская битва. Разгромить сильного врага при равенстве сил и не понести серьезных потерь, это верх полководческого искусства. Вместе с тем военная история знает примеры, когда громкие

победы в открытом бою при «равном раскладе» достигались вообще без потерь, при этом не применялись какие-либо особенные новшества. Причина тут часто крылась в грубейших просчетах проигравшей стороны.

Материалы и методы

В ходе анализа источников и литературы, а также в выводах, являющихся итогом исследования, автор, используя метод историко-сравнительного анализа, стремится к научной объективности, непременным условием которой выступает фундаментальный методологический принцип историзма. Материалами для исследования послужила российская и зарубежная специализированная историография и справочная литература. В методологии широко применен историко-описательный метод.

Обсуждение

Итальянский военно-морской флот создавался после 1661 года путем слияния флотов многих небольших княжеств, герцогств и королевств. Его унификация шла медленно и болезненно. Поражение от австрийцев в бою при Лиссе в 1866 году стало тяжелым ударом, оправиться от него итальянцы смогли только во время победоносной войны 1911 года с Турцией, которая показала, что флот понемногу приобретает вес. Первая мировая война укрепила уверенность в этом. Однако активность итальянского флота была ограничена действием легких сил и подводных лодок в замкнутом Адриатическом море. Опыта борьбы с действительно сильным, хорошо вооруженным противником в открытом море он так и не приобрел. Приход к власти Б. Муссолини (Benito Amilcare Andrea Mussolini; 1883—1945) раздул старые имперские амбиции, это коснулось и флота. Однако недостаток средств не позволил построить необходимые для выхода в число ведущих морских держав 5-6 современных линкоров, поэтому конструкторы предложили перестроить имеющиеся четыре устаревших по всем статьям дредноута таким образом, чтобы они стали хоть немного «конкурентоспособными» с новыми кораблями. Для этого обычной модернизации было недостаточно, требовалась полная реконструкция. [1]

Корпуса удлинили на 10 метров. Поставили принципиально новую энергетическую установку, которая, хотя и весила на треть меньше старой, но развивала втрое большую мощность. Это позволило дредноутам достигнуть вполне приличной скорости в 28 узлов. Оригинально решилась и проблема с вооружением. Прежние 305-мм пушки выглядели просто несолидно рядом с 381 и 406-мм монстрами ведущих морских держав. А разработка нового крупнокалиберного орудия для старых судов была для не очень богатой страны непозволительной роскошью. Тогда итальянцы просто рассверлили свои двенадцатидюймовки до 320 мм. Операция была довольно рискованной: пушки знаменитой фирмы Армстронг, находившиеся на вооружении этих кораблей, изготавливались путем намотки на специальную трубу многих километров проволоки. При рассверливании пришлось удалить несколько слоев этой намотки и вставить новый лейнер. Прочность стволов могла при этом серьезно пострадать, но к чести итальянских оружейников операция прошла просто отлично [1, 2].

Работы над первой парой линкоров, длившиеся более трех лет, закончили к 1937 году, и сразу перешли к такой же модернизации второй. Параллельно в 1935 году на верфях Генуи и Триеста произошла закладка двух принципиально новых кораблей – первых в мире дредноутов последнего поколения (по году закладки), органически сочетавших действительно хорошую защиту с очень большой скоростью и мощным вооружением. Эти линкоры, получившие названия «Литторио» и «Витторио Венето», имели водоизмещение в 45 000 т, а традиционно высокая для итальянских судов скорость (на испытаниях 31-31,5 узлов) сочеталась с неожиданной для традиций этой страны хорошей и тщательно продуманной защитой (комбинированный броневой пояс до 420 мм) [1].

Рис. 1. Гордость итальянского флота линкор «Витторио Венето»

Столь же внушительно выглядела защита сверху: главная броневая палуба имела толщину 162 мм. Хорошо прикрывались и башни главного калибра, весившие более полутора тысяч тонн каждая. В общем, «Литторио» стал одним из наиболее защищенных линкоров мира за всю их историю. Вооружен он был тоже неплохо, хотя итальянцы и ограничились 381-мм главным калибром (заказ Армстронгу по политическим мотивам стал невозможен, а сами они просто не сумели создать пушки планируемого ранее 406-мм калибра). Поэтому размер успешно скомпенсировали высокими баллистическими характеристиками. По своей способности пробивать броню на основных дистанциях боя эти орудия превосходили не только все 15-дюймовые, но и некоторые 16-дюймовые пушки других морских держав [2].

10 июня 1940 года, когда Италия объявила войну Англии и Франции, лишь два модернизированных ветерана были готовы к бою. Два новейших линкора только покинули верфи, и для их введения в строй требовалось не менее трех месяцев. Два других готовились к испытаниям после реконструкции. То, что линейный флот Италии не был готов к войне, лишний раз подтверждает известную истину: войну начинают политики, а отнюдь не военные. Кроме того, располагая вполне современными кораблями, флот страдал от многих просчетов в организации и, особенно, от недостатка боевого опыта. Не зря известный английский историк С. Роскилл (Stephen Wentworth Roskill; 1903–1982) сказал: «Итальянцы всегда лучше строили свои корабли, чем на них воевали» [3].

Первые недели после вступления Италии в войну прошли на морском театре относительно спокойно, обе стороны оценивали ситуацию. Однако итальянцам было необходимо снабжать свои войска в Ливии, а англичанам в Египте и на Мальте, что понуждало обе стороны к активности на Средиземном море. На первый план выходила защита своих конвоев и перехват вражеских [3].

Это сделало совершенно неизбежным встречу флотов противника, и 9 июля 1940 года такое столкновение произошло у мыса Сило. Итальянская эскадра в составе модернизированных линкоров «Конте ди Кавур», «Джулио Чезаре», 14 крейсеров и множества эсминцев вступила в боевое соприкосновение с силами британского Средиземноморского флота. У англичан было три линкора типа «Куин Елизабет», авианосец «Игл», 5 крейсеров и 14 эсминцев. Обе эскадры сопровождали конвои: итальянская в Бенгази, а английская на Мальту [3].

Позиция была благоприятной для итальянцев: вблизи своих берегов и в отдалении от баз противника. Столкновение началось с малорезультативной перестрелки между крейсерами. В 15 ч. 53 мин. итальянские дредноуты открыли огонь по английскому линкору

«Уорспайт», за которым следовали другие линейные корабли. «Уорспайт», а затем и его мателоты немедленно ответили. В 15 ч. 59 мин. «Джулио Чезаре» получил попадание 381-мм снарядом. Взрыв в районе второй дымовой трубы вызвал пожар. Четыре котельных отделения наполнились дымом, котлы пришлось загасить, и скорость линкора упала до 18 узлов. Командующий итальянской эскадрой немедленно приказал выйти из боя и, стреляя из кормовых орудий, линкоры начали отход. Через полчаса «Джулио Чезаре» смог уже развить 24 узла и направился на ремонт в Мессину. Бой мог бы иметь совсем другой исход. Неподалеку в море находились новейшие итальянские дредноуты, которые проходили последние испытания и были почти готовы вступить в строй. Однако на все просьбы разрешить присоединиться к ведущей бой эскадре они получили отказ [3].

Вскоре соотношение сил коренным образом изменилось: 31 августа в боевой поход пошли уже 5 итальянских линкоров. Вместе с двумя новейшими кораблями базу покинули «Кайо Дуилио», реконструкция которого была, наконец, завершена, «Конте ди Ковур» и «Джулио Чезаре», повреждения которого были быстро ликвидированы. Целью этого выхода был разгром британского соединения, шедшего на Мальту. Из-за плохой работы разведки перехват сразу не удался, а ночью разыгрался сильнейший шторм, вынудивший эскадру вернуться в базу. Как бы там не было, но флот дуче наконец-таки получил серьезные основания для того, чтобы воплотить в жизнь идею своего вождя – превратить Средиземное море в «наше море». Такая перспектива, конечно, никак не устраивала англичан [3, 4].

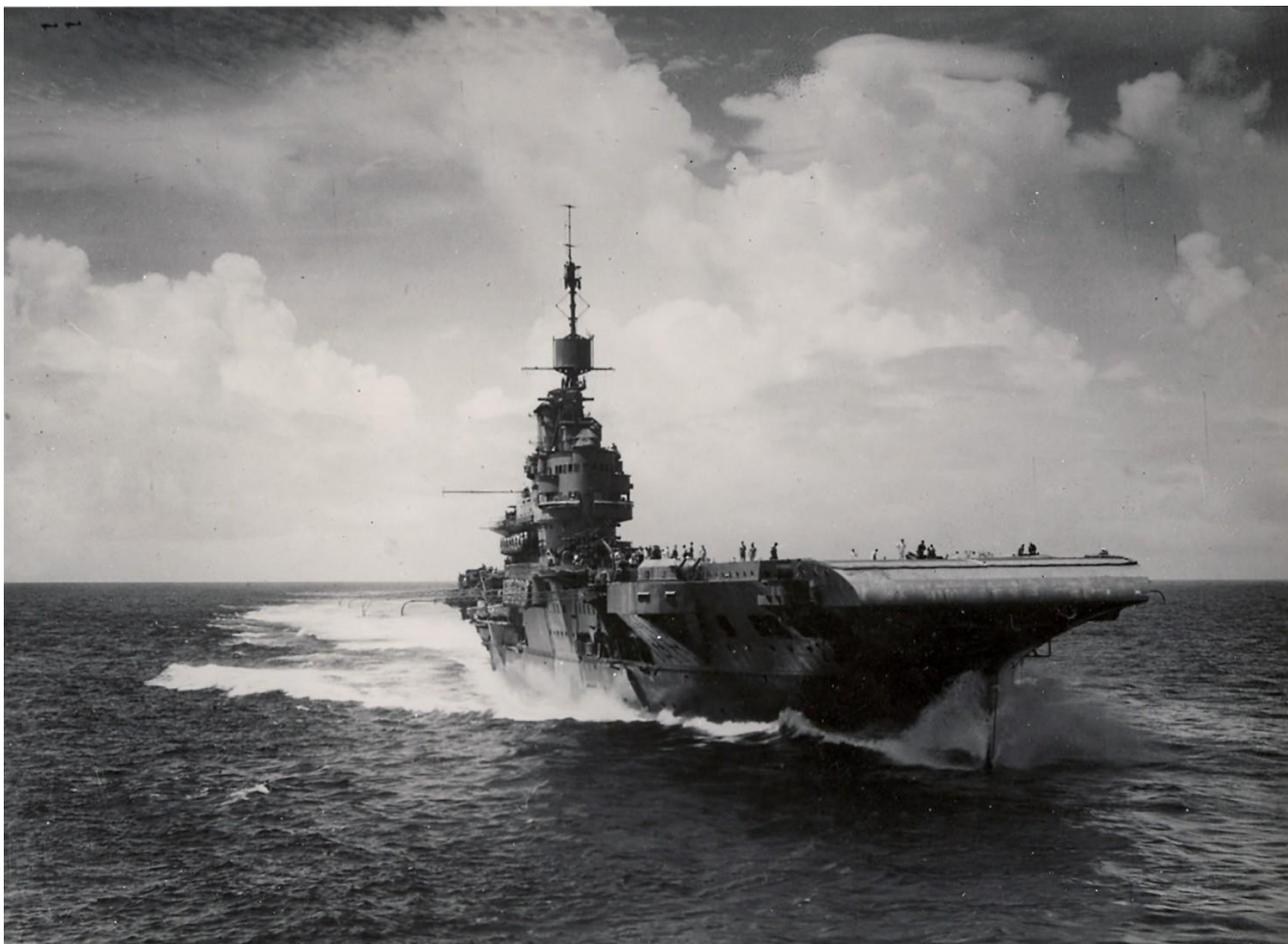

Рис. 2. Главный герой набега на Таранто авианосец «Илластриес»

Результаты

Понимая, что в открытом бою старые английские линкоры (еще участники Ютландского боя в мае 1916 года) имеют совсем мало шансов устоять перед суперсовременными кораблями итальянцев, командующий Средиземноморским флотом

адмирал Эндрю Каннингхем (Andrew Browne Cunningham, 1st Viscount Cunningham of Hyndhope; 1883—1963) решил атаковать авианосной авиацией противника в базе Таранто (Taranto). Первоначально операция намечалась на 21 октября, но ее дважды пришлось отложить: вначале из-за того, что английские корабли выполняли срочные задачи в других районах, а затем из-за повреждения авианосца «Илластриес». Перенесение операции случайно оказалось очень выгодным для англичан, ибо, когда поздно вечером 11 ноября налет был осуществлен, все шесть (20 октября в строй, наконец, вступил и «Андреа Дориа») итальянских линкоров находились в базе. Там же базировалось несколько тяжелых крейсеров [5].

Два авианосца, новейший «Илластриес» (1939 г) и ветеран «Игл» (1918 г), под прикрытием главных сил Средиземноморского флота скрытно вышли из гавани Александрии. В последний момент на авианосце «Игл» была обнаружена неисправность, которая не позволила ему продолжать движение совместно с другими кораблями. Пять торпедоносцев «Суордфиш» из-за этого вынуждены были перебазироваться с «Игла» на «Илластриес», который прибыл в район нанесения удара с 21 машиной этого типа на борту. Еще утром 11 ноября на борт авианосца были доставлены последние фотоснимки порта, произведенные разведывательной авиацией, на которых был очень хорошо виден каждый итальянский корабль, это позволило тщательно спланировать атаку. Оказалось, что большая часть внушительного барража из аэростатов ПВО была снесена штормом – их осталось 27 из 87, ранее прикрывавших подлеты к гавани. Корабельные стоянки были обнесены противолодочными сетями, однако против этого англичане выработали действенную меру – торпеды с магнитным взрывателем, способные проходить под сетями [5].

Рис. 3. Палубный бомбардировщик-торпедоносец «Суордфиш»

Вечером 11 ноября «Илластриес» начал выпуск самолетов. Незадолго до 21.00 первая волна из 12 «Суордфишей» под командованием капитан-лейтенанта Кеннета Уильямсона

(Kenneth Williamson; 1911–1941), командира 813-й эскадрильи, взлетела с авианосца в 170 милях юго-восточнее Таранто. Из них 6 были оснащены торпедами, 4 – 250-фн полубронебойными бомбами и 2 – осветительными ракетами. Вторая волна капитан-лейтенанта Дж. У. Хэйла (John W. Hale), командир 819-й эскадрильи, состояла из 9 самолетов, 4 из которых несли бомбы и 2 – ракеты, но один «Суордфиш» потерял подвесной бак с топливом и вынужден был вернуться на борт авианосца. [5]

При подходе к цели, первая группа из 12 машин разделилась на три подгруппы: четыре самолета с целью отвлечь внимание противника направились к внутренней гавани, где бомбами нанесли легкие повреждения двум крейсерам, а еще два самолета отошли в сторону для сбрасывания осветительных бомб с восточной стороны так, чтобы создать все условия для атаки линейных кораблей торпедами для шести остальных машин.

Примерно в 23.00 самолеты-осветители и бомбардировщики выполнили свою задачу и освободили место первым торпедоносцам. Те снизились к самой воде и разбились на звенья по 3 самолета, чтобы проскочить между аэростатами заграждения. Первая атака завершилась успешно. Яркий свет осветительных бомб помог торпедоносцам избрать цели для ударов. Были отмечены попадания торпед в линкоры «Литторио» и «Кавур». Только один из шести атакующих самолетов был сбит огнем зенитной артиллерией. Бомбардировка крейсеров во внутренней гавани оказалась менее удачной, потому, что 2 попавшие бомбы не взорвались [5].

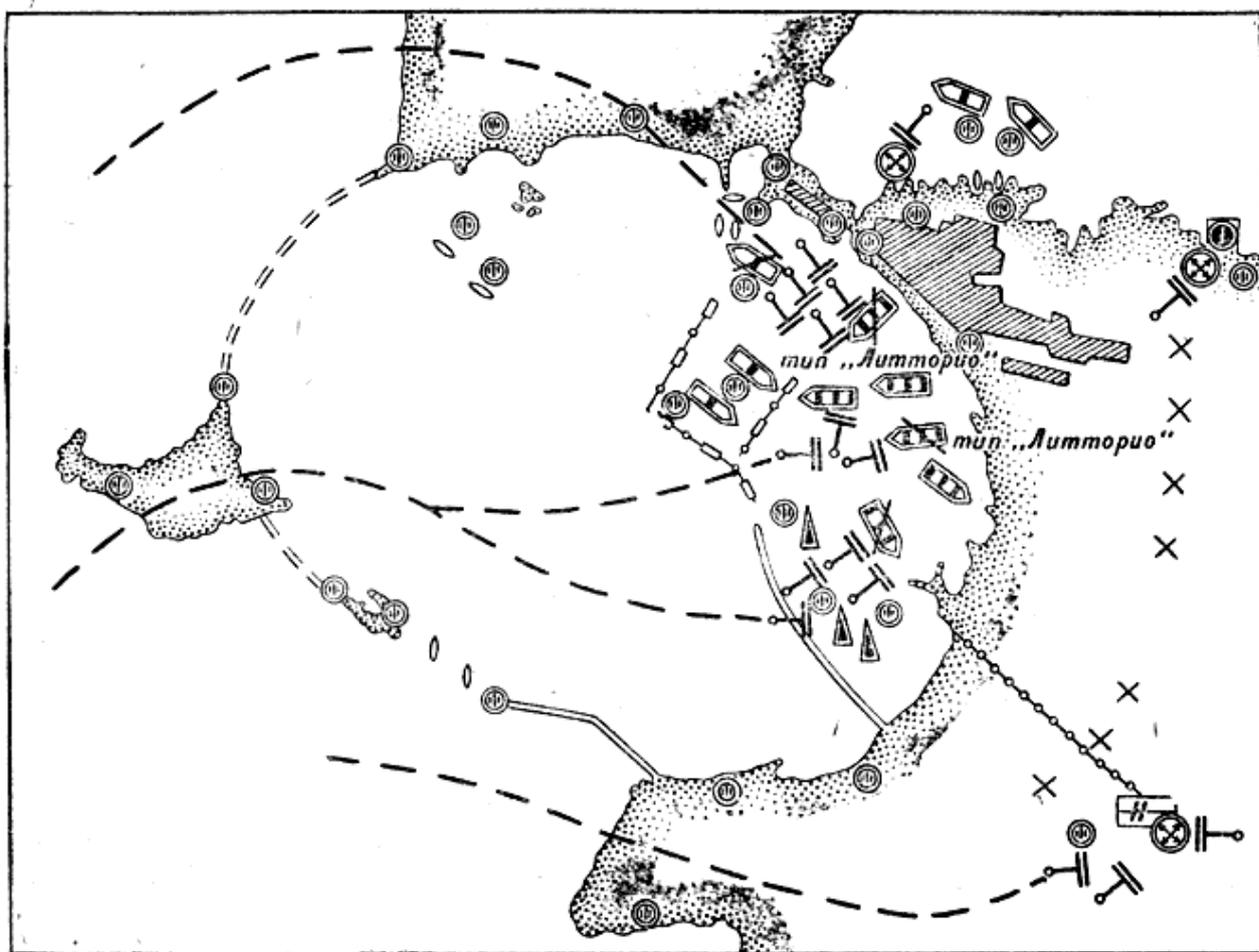

Схема 14. Налет английской авиации на итальянские корабли в Таранто 11–12 ноября 1940 г.

Рис. 4. Схема налета английской авиации на Таранто

Вторая группа из восьми машин использовала тот же тактический прием. На этот раз одна торпеда попала в линейный корабль «Дуилио» и две – в «Литторио», хотя одна из них, к сожалению, не взорвалась. Англичане потеряли еще один самолет. Таким образом, потери британцев составили 2 «Суордфиша», причем один экипаж погиб, а капитан-лейтенант Уильямсон попал в плен вместе со своим штурманом лейтенантом Н. Дж. Скарлетт [5].

При отходе от базы корабли, эскортирующие авианосец, уничтожили небольшой итальянский конвой из четырех судов под охраной миноносца «Никола Фабрици» и вспомогательного судна «Рамб III», направлявшийся в Бриндизи. Все 4 торговых судна — «Каталани» (2429 тонн), «Капо Вадо» (4391 тонна), «Премуда» (4427 тонн), «Антонио Локателли» (5691 тонна) — были потоплены. Тяжело поврежденный «Никола Фабрици» сумел добраться до порта. «Рамб III» не получил ни царапины. Все утренние попытки итальянской авиации обнаружить английские корабли и наказать их за такую «наглость», были безуспешными. Благополучно проскочил на Мальту и очередной конвой, который воспользовался тем, что внимание противника было отвлечено поиском английских боевых кораблей в связи с налетом на Таранто [3].

Рис. 5. Повреждения линкора «Кайо Дуилио»

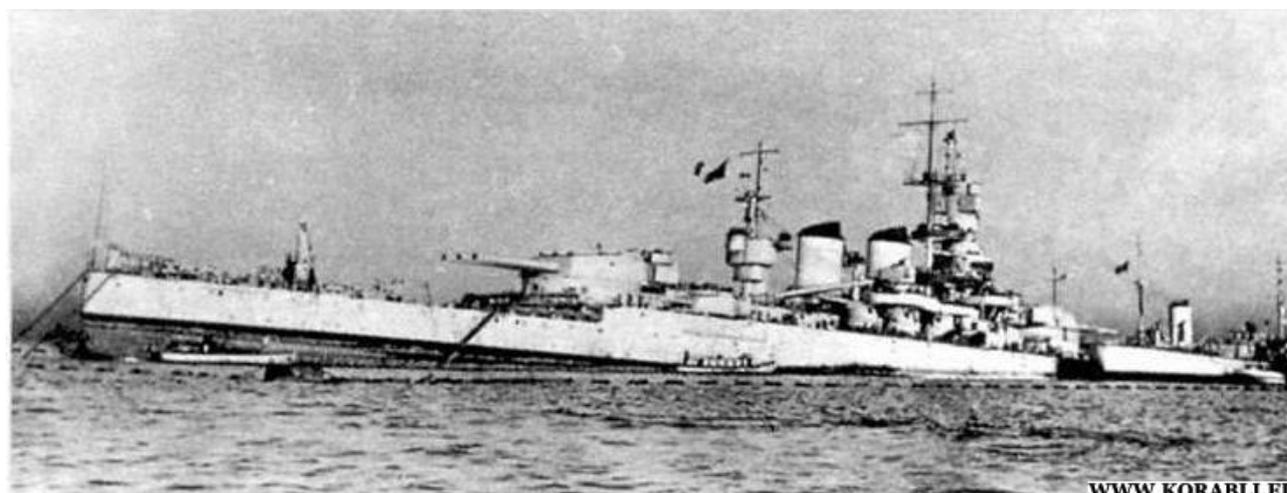

Рис. 6. Повреждения линкора «Литторио»

«Литторио» и «Кайо Дуилио» затонули на мелководье, сев носовой частью на грунт. «Конте ди Кавур» затонул на довольно большой глубине, несмотря на то, что пытался выбраться на берег, однако решение было принято слишком поздно. В итоге линкор накренился на правый борт, над поверхностью воды остались только трубы, надстройки и башни главного калибра. Оставшиеся неповрежденными 3 линкора на следующее утро были срочно перебазированы в Неаполь. Потери итальянцев в личном составе были относительно невелики. 23 человека погибли на борту «Литторио», 16 — на «Конте ди Кавуре», 1 — на «Кайо Дуилио».

Итальянцы сразу начали работы по подъему затонувших кораблей. Вернуть плавучесть «Литторио» и «Дуилио» было не слишком сложно, и это удалось сделать за месяц, хотя полный их ремонт занял значительно больше времени. «Конте ди Кавур» пострадал гораздо сильнее и перед подъемом его пришлось основательно разгрузить. Поэтому, в море он больше так никогда и не выходил [5, 6].

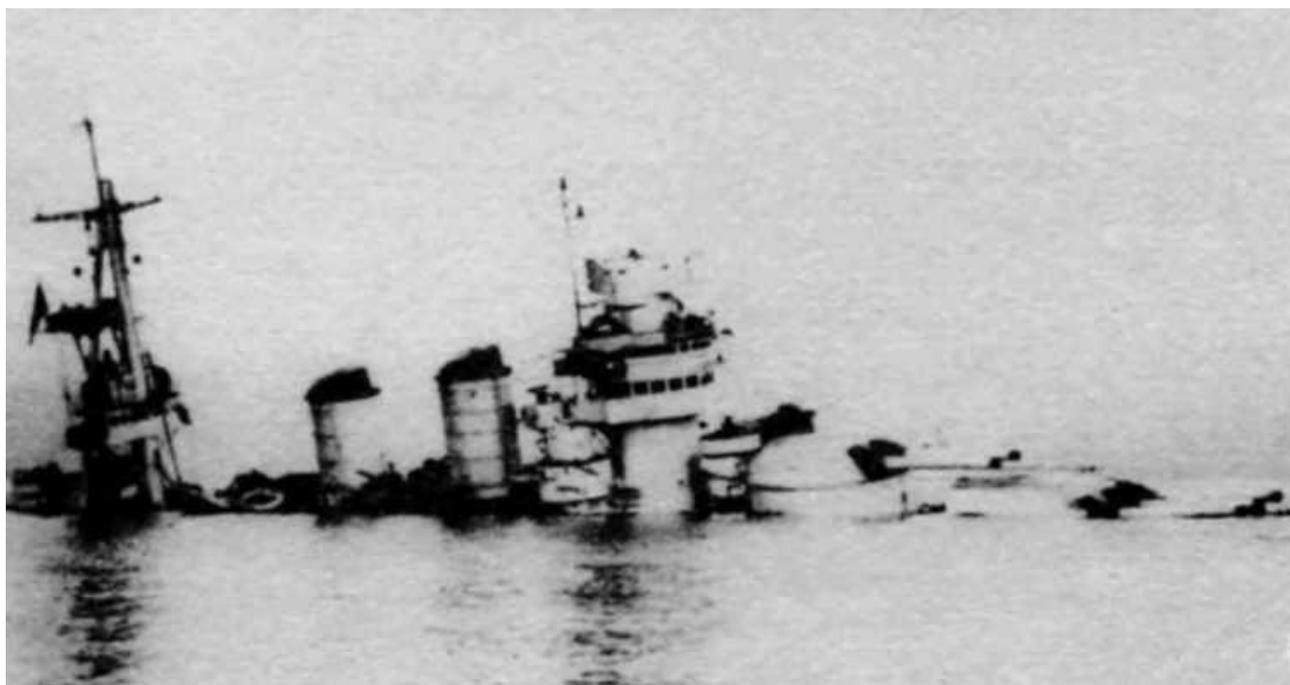

Рис. 7. Линкор «Конте ди Кавур», затонувший после попадания торпед

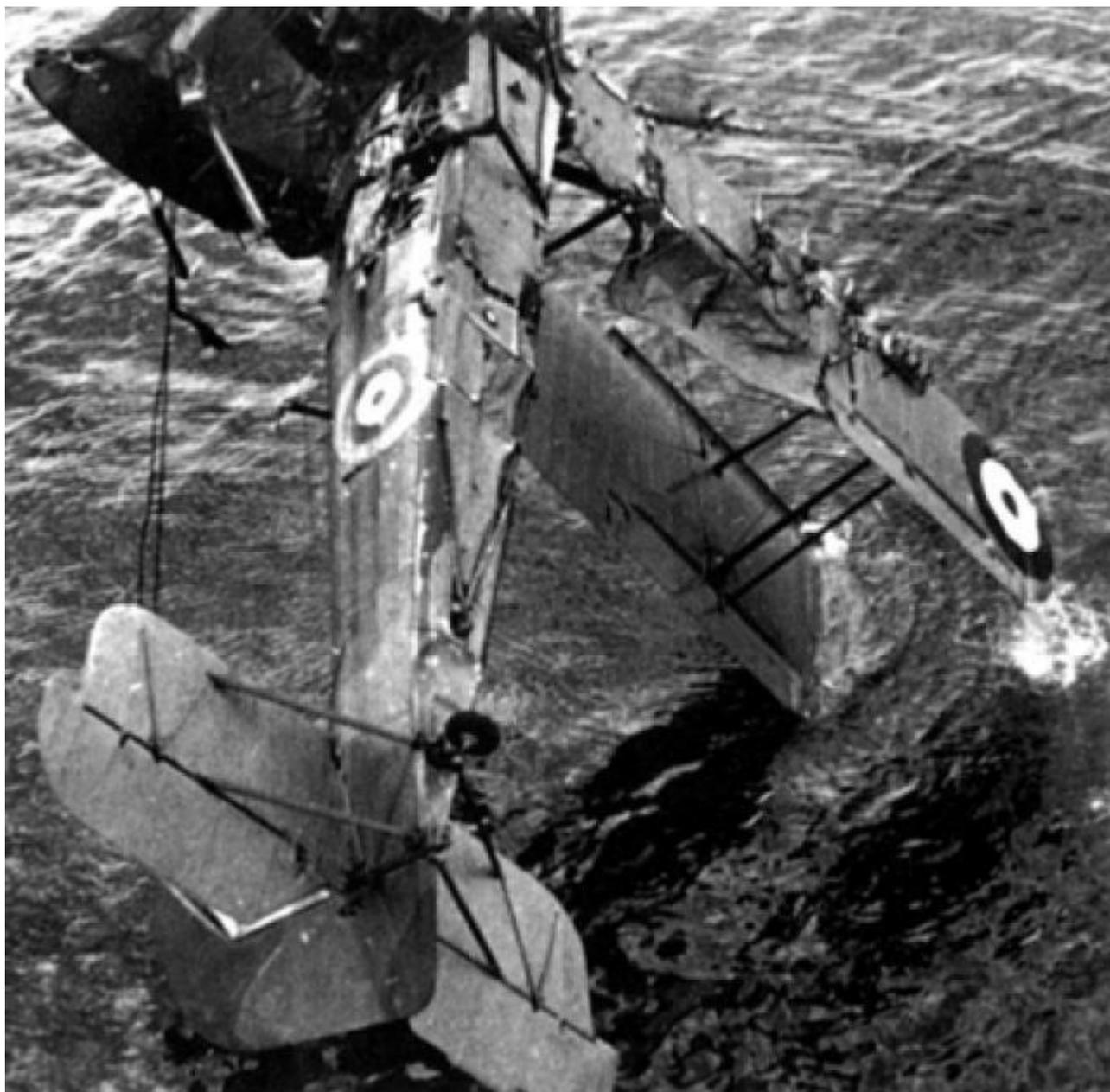

Рис. 8. Торпедоносец «Свордфиш» капитан-лейтенанта Уильямсона, который был сбит зенитной артиллерией линкора «Конте ди Кавур»

18 ноября Его Величество король Георг VI прислал адмиралу Каннингхэму поздравления. «Последняя успешная операция флота под вашим командованием является источником гордости и благодарности всей страны. Позвольте мне передать самые теплые поздравления ВВС, за их блестящие действия против итальянских кораблей в Таранто». Главной причиной такого грандиозного успеха является использование совершенно нового тактического приема. Атака на Таранто, проведенная исключительно силами английской авианосной авиации 11 ноября 1940 года, – первый в истории боевых действий на море случай применения авианосцев для нанесения ударов по морским базам и базирующимся в них боевым кораблям. Эта операция проложила путь многочисленным повторам в ходе Второй мировой войны [3].

Выводы

После удара по Таранто стратегическая обстановка на Средиземноморском театре военных действий изменилась коренным образом. Молодые британские пилоты

практически покончили с притязаниями дуче на «колыбель человечества». Проведенная в условиях солидного превосходства итальянского флота на этом театре боевых действий, операция благодаря своим поистине прекрасным результатам обеспечила англичанам на определенный период господствующее положение. За всю бурную эпоху войн на море трудно найти пример, когда такие крупные, стратегические результаты были бы достигнуты столь малыми силами [6, 7].

Это был, пожалуй, первый серьезный сигнал о возрастающем значении авианосцев в войне на море. Несомненно, именно пример Таранто, тщательно изученный в японских штабах, оказал основное влияние на решение самураев об ударе по американскому флоту в Перл-Харборе (Pearl Harbor — «Жемчужная гавань»). Их успешная атака, проведенная годом позже, во многом явилась повторением операции англичан, но в куда больших масштабах (всего в налете участвовало 353 японских самолета) [8].

В то же время, как это не покажется парадоксальным, печальный опыт Таранто был совершенно проигнорирован американским командованием, что имело, поистине, ужасные последствия для их ВМС [7].

Литература

1. Conway's All the World's Fighting Ships, 1922—1946. — Annapolis, Maryland, U.S.A.: Naval Institute Press, 1996.
2. Каторин Ю.Ф. Уникальная и парадоксальная военная техника. Том. Книга 1. СПб.: «Полигон», 2006.
3. Роскилл С. Флот и война. В 3 томах. М.: Воениздат, 1970.
4. Шершов А.П. Истории военного кораблестроения. СПб.: Полигон, 1994.
5. Шофилд Б.Б. Атака Таранто. В сборнике Битва за Средиземное море. Взгляд победителей. М.: Издательство: АСТ, 2001.
6. Kimmel, Short, and Pearl Harbor: The Final Report Revealed. // Naval Institute Press, 2005. P. 53–54.
7. Gannon Robert. Hellions of the Deep: The Development of American Torpedoes in World War II. Penn State Press, 1996.
8. Fioravanzo, Giuseppe. The Japanese Military Mission to Italy // «USNI Proceedings», January, 1956, pp. 24-32.

References

1. Conway's All the World's Fighting Ships, 1922—1946. Annapolis, Maryland, U.S.A.: Naval Institute Press, 1996.
2. Katorin YU.F. Unique and paradoxical military equipment. Tom. Book 1. St. Petersburg: "Range", 2006.
3. Roskill s. Fleet and war. In 3 the volumes. M.: Voenizdat, 1970.
4. Shershov A.P. Histories of military ship building. St. Petersburg: Range, 1994.
5. Shofild B.B. Attack Taranto. In the collector battle across the Mediterranean. View of conquerors. M.: Publishing house: AST, 2001.
6. Kimmel, Short, and Pearl Harbor: The Final Report Revealed // Naval Institute Press, 2005. P. 53–54.
7. Gannon Robert. Hellions of the Deep: The Development of American Torpedoes in World War II. Penn State Press, 1996.
8. Fioravanzo, Giuseppe. The Japanese Military Mission to Italy // «USNI Proceedings», January, 1956, pp. 24-32.

УДК 930.1

Предтеча Перл-Харбора¹ Игорь Валентинович Юрин² Артем Александрович Гончар

¹ Университет ИТМО, Российская Федерация
197101 Санкт-Петербург, Кронверский проспект, 49
Кандидат военных наук, доцент
E-mail: 9402015@mail.ru

² Санкт-Петербургский Университет МВД России, Российская Федерация
198206 Санкт-Петербург, ул. Летчика Пилотова, д. 1.
Кандидат военных наук, старший преподаватель
E-mail: gonchar.tema@yandex.ru

Аннотация. В данной статье описана атака на итальянскую военно-морскую базу Таранто, проведенная исключительно силами английской авианосной авиации 11 ноября 1940 года, – первый в истории боевых действий на море случай применения авианосцев для нанесения ударов по морским базам и базирующимся в них боевым кораблям. Эта операция проложила путь многочисленным повторам в ходе Второй мировой войны. После этого удара стратегическая обстановка на Средиземноморском театре военных действий изменилась коренным образом.

Ключевые слова: Вторая мировая война, морские бои на Средиземном море, авианосец «Илластриес», линкоры «Литторио», «Дуилио» и «Конте ди Кавур», адмирал Эндрю Каннингхем.

Copyright © 2016 by Academic Publishing House *Researcher*

Published in the Russian Federation
Voennyi Sbornik
Has been issued since 1858.
ISSN: 2309-6322
E-ISSN: 2409-1707
Vol. 13, Is. 3, pp. 193-204, 2016

DOI: 10.13187/vs.2016.13.193
www.ejournal6.com

UDC 68.65

Background of the Military Aviation Meteorological Service

¹V.I. Zshumatiy
²V.N. Pryamitsyn
³V.A. Drabenko

¹⁻³ Military Academy of the General Staff of the Russian Armed Forces Research Institute (military history), Russian Federation

¹ Captain retired, Doctor of Historical Sciences, Professor
E-mail: jumatiy_vi@mail.ru

² Mayor, Candidate of Military Sciences
E-mail: priamitzynvn@mail.ru

³ Colonel, Doctor of Technical Sciences, Professor
E-mail: drv@rshu.ru

Abstract

The article is devoted to the birth of aviation and its meteorological service in the early twentieth century. The article details the military aviation meteorological services in Italy, France, Germany, Austria, the USA and Russia. Are described the problems, which arose with the takeoff and landings of flight vehicles with complex weather conditions. It is shown that the information about the actual and forthcoming weather is capable of reducing a quantity of failures of flight vehicles, of increasing safety of pilots and accuracy of the defeat of enemy, of planning the application of aviation.

Keywords: Aviation meteorological service, airplane, airship.

Введение

Метеорологические условия являются важнейшим элементом воздушной обстановки. Они оказывают существенное влияние на взлет, посадку и полеты воздушных судов, их боевое применение [1]. Успешное функционирование военной авиации немислимо без надежного метеорологического обеспечения. Однако, в ее истории все же был непродолжительный период, когда она не имела метеорологических подразделений. Эта статья посвящена событиям, повлиявшим на осмысление авиаторами степени влияния погоды на использование летательных аппаратов, а также предпосылкам к созданию в военной авиации метеорологической службы.

Материалы и методы

Материалами для исследования послужила российская и зарубежная специализированная историография и справочная литература. В методологии широко применен историко-описательный метод.

Предыстория вопроса

В начале XX в. авиация стремительно ворвалась в человеческую жизнь. Законодателями авиационной моды можно было назвать Францию, вышедшую в лидеры по производству аэропланов, и Германию, славившуюся своей воздухоплавательной школой. Однако, авиационный бум охватил и многие другие государства в Европе и за ее пределами. Подобно тому, как в наши дни существуют страны, так называемого «ядерного клуба», в те времена сформировался своеобразный «клуб авиационных держав». Благодаря активной международной торговле аэропланами и двигателями, а также широко практиковавшемуся обучению пилотов за границей, становление авиации в крупных европейских странах происходило относительно схожими темпами.

Обсуждение

В каждой из них скоро пришли к осознанию тех преимуществ, которые может дать авиация в военном деле. В связи с этим, на службе военных ведомств разных стран появились дипломированные пилоты и аэропланы. В конце 1910 г. немецкие газеты так оценивали количество военных летательных аппаратов в европейских странах [2].

Таблица 1. Количество военных летательных аппаратов в европейских странах

	Австрия	Англия	Германия	Испания	Италия	Россия	Франция
дирижабли	2	2	14	1	3	3	7
аэропланы	4	2	5	3	7	6	29

Рис. 1. Починка в полевых условиях французского аэроплана «Бреге». 1910 г.

Кроме того, притязания на военный воздушный флот имели США, Япония, Турция и даже Китай. Независимо друг от друга, военные летчики этих стран столкнулись с одними и теми же сложностями – их аппараты были чрезвычайно уязвимы перед метеорологическими условиями. Первые крупные маневры и боевые действия, проходившие с участием авиации, показали, что в военном деле фактор погоды еще весомее, чем, к примеру, в популярном в те годы авиаспорте.

В середине сентября 1910 г. во Франции прошли Пикардийские маневры, получившие свое название по местности в которой проводились – Пикардии. Французы намеревались изучить разведывательные возможности авиации применительно к действиям крупных сухопутных группировок. Для участия в маневрах задействовали 2 дирижабля и 14 аэропланов. Их разделили поровну между силами «красных», которыми руководил генерал Пикар, и «синих», возглавляемых генералом Мёнье (рис. 1). В ходе маневров небольшие отряды, действовавшие на обширной территории, изображали собой армейские

корпуса. Наблюдая за маневрами войск, генералы исследовали возможности воздушной разведки [3]. С самого начала маневров стало очевидным явное превосходство аэропланов над дирижаблями (рис. 2). При ветре скоростью 9 м/с дирижабли не решались подняться в воздух, а аэропланы летали свободно. 13 сентября в главный день маневров дирижабли даже не выкатывали из сараев из-за сильного ветра, зато два аэроплана противоборствующих сторон совершили разведывательные полеты. Они доставили в штабы «синих» и «красных» достоверные сведения о сосредоточении войск противника. По приказанию генерала Мёнье поручик Беланже даже совершил разведывательный вылет при «очень сильном ветре» 13 м/с. Несмотря на отвагу французских пилотов, ряд самолетов получил из-за порывистого ветра повреждения. Пикардийские маневры дали толчок целому ряду прикладных исследований в сфере военной авиации. Они позволили опытно установить высоты и удаления, на которых способна вести разведку авиация, а также ограничения, которые на ее действия накладывают метеорологические условия.

Рис. 2. Первый дирижабль конструкции графа Цеппелина военного назначения. 1908 г.

На аналогичных маневрах, проведенных в 1910 г. в Германии, широко применялись дирижабли. В первый же день маневров дирижабль «Парсеваль 2» столкнулся с грозовым облаком и потерпел крушение. Чтобы не подвергать воздухоплателей и аппараты опасности император распорядился привлечь к участию в маневрах директора Аахенской метеорологической обсерватории. Ученый был доставлен в штаб маневров и на всем их протяжении делился с руководителем «своими соображениями по поводу настоящей и будущей погоды» [4].

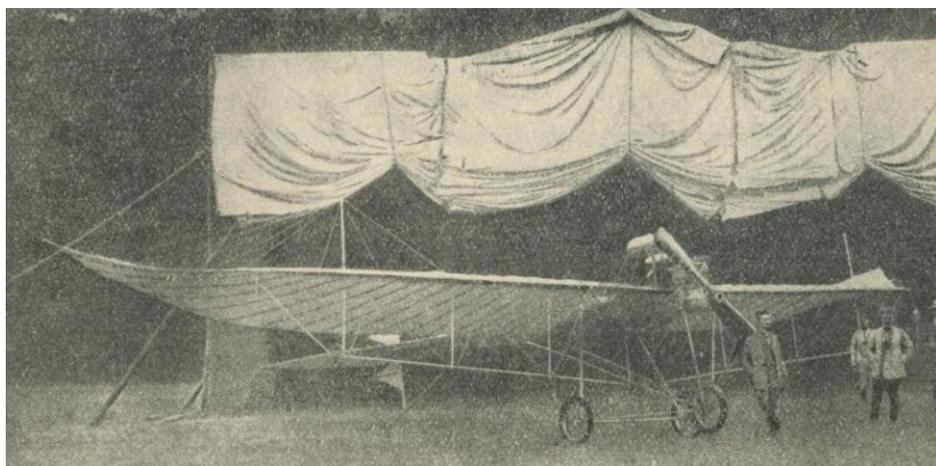

Рис. 3. Австрийские пилоты у аппарата «Таубе» на фоне ангара во время маневров. 1911 г.

На австрийских кавалерийских маневрах, состоявшихся в августе 1911 г. обоим «противоборствующим» сторонам были приданы по три аэроплана. С началом маневров погода не позволила аппаратам подняться в небо. Сильный ветер скоростью 18-20 м/с заставил 21 и 22 августа держать их в специальных укрепленных ангарах. 23 августа ветер стал ослабевать, и летчики совершили ряд разведывательных полетов. Однако, им приходилось неоднократно совершать преждевременные вынужденные посадки (рис. 3) [5].

В своей книге «Требования к современной сухопутной войне» военный инженер подполковник С.А. Бекнев провел анализ использования авиации в крупных маневрах зарубежных армий. Он констатировал: «К недостаткам использования авиации следует отнести зависимость от состояния погоды. Доходит до того, что большее число дней в году воздухоплавательные аппараты не могут действовать, а, следовательно, воздушная разведка не может быть применена. Дождь и ветер оказывают значительное влияние. Зимой к ним добавляется снежный покров, требующий очистки или укатки поля, а также мороз, влияющий на летчика» [6].

Немецкий майор Шперлинг рассчитал скорость ветра на высоте 500 – 2000 м. для центральных районов Европы: январь 14.5 – 15.0 м/с, февраль 9.5 – 10.0 м/с, март 12.5 – 13.0 м/с, апрель – сентябрь 5.0 – 9.0 м/с, октябрь 9.0 – 11.0 м/с, ноябрь 13.0 – 14.0 м/с, декабрь 11.0 – 12.0 м/с. Исходя из этих цифр, наиболее благоприятным для использования авиации был признан период с апреля по сентябрь. Однако, и в эти месяцы, отличающиеся относительно низким средним значением ветра, отмечались порывы, способные привести к крушению летательного аппарата. [7]

На первых порах развития авиации аэропланы использовались лишь для доставки корреспонденции и ведения воздушной разведки. Метеорологическая обстановка интересовала летчиков лишь с точки зрения безопасности полета. В дальнейшем авиация стала решать такие задачи, как аэрофотосъемка и бомбометание.

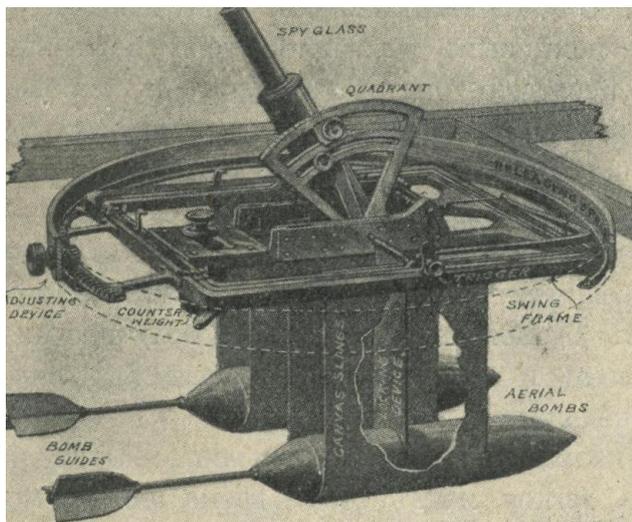

Рис. 4. Оптический прицел и прибор для метания бомб

Первые бомбардировки осуществлялись летчиками вручную, с применением армейских боеприпасов. Однако, вскоре ведущие мировые авиационные державы приступили к работам по созданию специального авиационного оружия. Испытания показали, что точное бомбометание не могло быть проведено без учета скорости и направления ветра. Лейтенант ВМС США Рили Скотт, создавший один из первых оптических авиационных прицелов, предложил учитывать скорость и направление ветра в виде поправки, высчитываемой по специальной таблице. Подобный принцип сохранялся и в последующих конструкциях большинства авиационных прицелов (рис. 4). Для того чтобы максимально точно поразить цель, пилоту надлежало рассчитать и учесть поправку на ветер. Для этого еще перед вылетом необходимо было подумать о том, какой ветер будет преобладать на расчетной высоте над точкой [8].

Метеорологической службы в авиационных подразделениях пока не существовало, но у практикующих пилотов наряду с требованиями обеспечения безопасности полетов, появилось еще одно серьезное основание иметь в подразделении профессионального метеоролога – обеспечение точности бомбометания.

В боевых действиях авиация впервые была использована в 1911 году. В Триполитании началась Итало-турецкая война [9], в которой итальянцы использовали аэропланы и аэростаты различных типов (рис. 5). Итальянские авиаторы уже знали, насколько сложны в метеорологическом отношении полеты на маневрах и бомбометание на полигонах. В боевой обстановке погода подтвердила свое влияние на успех применения летательных аппаратов. Пилоты, совершавшие вылеты на разведку, фотографирование и бомбардировку, сильно страдали от местных особенностей погоды. Во-первых, часто встречающиеся потоки горячего воздуха сильно колебали аэропланы. Попадая в область разреженного воздуха, винт давал меньшую тягу, аппарат снижался, обороты двигателя возрастали, и он перегревался. Во-вторых, неожиданно поднимающиеся вихри поднимали столбы мелкой песчаной пыли, сильно засорявшей обильно смазанные моторы. Эти причины обусловили то небольшое удаление от баз, на котором итальянцы использовали свои аэропланы при ведении боевых действий.

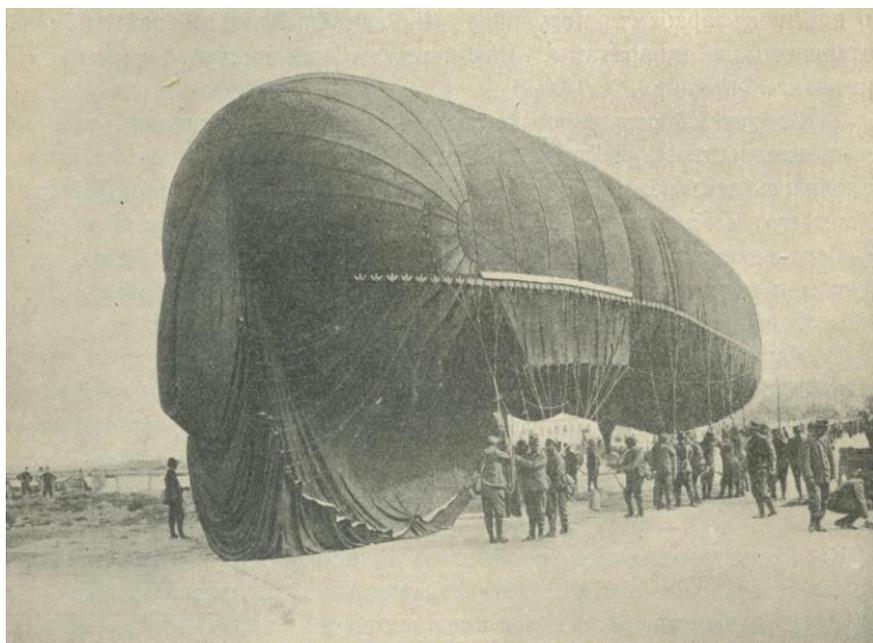

Рис. 5. Итальянский змейковый аэростат в Триполитании. 1911 г.

Главной проблемой авиаторов, наряду с песком, был сильный ветер, влияние которого можно проследить на примере одного декабрьского шторма. При ведении боевых действий в прибрежной полосе, итальянцы использовали артиллерию кораблей. Для корректировки огня они поднимали с борта одного из судов в небо змейковый аэростат. В артиллерийских дуэлях использование аэростата давало итальянцам солидное преимущество над противником в точности стрельбы. 17 декабря 1911 г. сильный порывистый ветер сорвал с якоря судно, с которого работали корректировщики, и унес в небо змейковый аэростат. В Триполи ветром был сорван ангар, что привело к повреждению размещавшихся в нем двух аэропланов. Сильным порывом ветра был брошен на землю «Фарман», пилотируемый летчиком Де-Рада. Машина была разрушена, а пилот лишь чудом остался жив [10]. Авиаторы пришли к выводу, что прогноз усиления ветра и своевременно предпринятые меры позволили бы сохранить в строю аэростат и три аэроплана, а также снизить риск для жизни и здоровья пилотов.

В начале XX в. авиация в России развивалась не менее интенсивно, чем в других европейских государствах. Как и за рубежом, техническое новшество было по достоинству

оценено военными, и привлечено ими к делу защиты страны. Практика использования дирижаблей в целях ведения воздушной разведки показала, что скорость и направление ветра оказывают на нее значительное влияние. На совещании по вопросу изготовления на русских заводах управляемых аэростатов, прошедшем 16 марта 1910 года, генерал Н.Ф. Алексеев докладывал: «... такие аэростаты при благоприятных условиях погоды и надлежащим образом обученном личном составе, могут служить средством для ближней разведки на расстоянии до 40 верст в один конец от места подъема» [11].

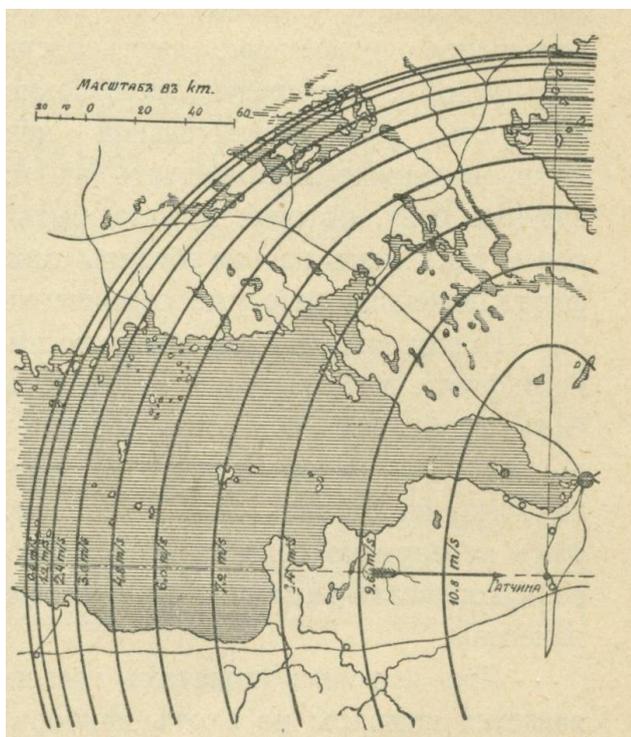

Рис. 6. Дальности действия дирижабля при скоростях ветра от 1.2 до 10.8 м/с при собственной скорости десятичасового полета 12 м/с.

Насколько существенным было влияние метеорологических условий на применение дирижаблей говорят расчеты, произведенные подполковником С.А. Бекневым. Он разработал схему, на которой отобразил степень влияния ветра на тактический радиус действия дирижаблей, а, следовательно, на глубину разведки. В данном примере рассматривается десятичасовой полет дирижабля из Гатчины в западном направлении со скоростью 12 м/с. Изогнутыми линиями обозначена максимальная дальность такого полета при скоростях западного ветра от 1.2 м/с до 10.8 м/с (рис. 6). Речь идет не о приземной скорости ветра, а о ветре на той высоте, на которой аппарат находится в безопасности от ружейного и орудийного огня. [12] Лицам военного ведомства, планирующим воздушную разведку, необходимо было заранее осведомиться о направлении и скорости ветра над интересующим районом [13].

В сентябре 1910 г. в Варшавском военном округе прошли первые крупные маневры, в которых приняли участие русские военные дирижабли и аэропланы. По итогам маневров командующий округом так отозвался о перспективах использования летательных аппаратов: «Секретно. К сожалению, эти дирижабли на практике оказались мало применены к военному делу. Незначительный ветер уже препятствовал их полетам, так как дирижабли не отваживаются вылетать на продолжительное время из своих ангаров, опасаясь усиления ветра... Тогда как аэропланы работали все время. Блестящий опыт маневренной службы аэропланов заставляет настоятельно желать широкого снабжения ими полевых войск» [14]. На полях документа Николай II поставил резолюцию: «По-моему на дирижабли следует поставить крест» [15].

Аэропланы демонстрировали меньшую зависимость от погодных условий, чем дирижабли. Однако, они тоже часто терпели аварии из-за порывистого ветра. Первые аэропланы обладали высокой парусностью, несовершенными аэродинамическими характеристиками и слабым мотором, поэтому в свежую погоду полеты не проводились. Подъем в воздух в условиях умеренного ветра считался прерогативой наиболее опытных пилотов, которых в те годы в России были единицы. Яркий пример: для получения диплома военного летчика необходимо было пройти ряд испытаний. В правилах проведения этих экзаменов особым пунктом было отмечено, что они должны проводиться «в штилевую погоду или при ветре не более 2 м/с» [16].

В частных авиаклубах, обучение в которых прошли многие будущие военные летчики, порывы ветра были настоящим бичом. Обучаемые не могли справиться даже с самым слабым ветром, поэтому дорогостоящие аппараты часто переворачивались. Высоты 20–30 метров, на которой совершались учебные полеты, было достаточно, чтобы разбить учебный самолет, в роли которого часто выступали легковесные машины «Фарман-4». Не желая неделями выжидать штилевой погоды и терять прибыль, владельцы частных авиаклубов, бравшие за курс обучения по 400 рублей, требовали еще 600 рублей залога на случай гибели аппарата [17].

Важной вехой в ранней истории российской военной авиации стал Первый Всероссийский праздник воздухоплавания (рис. 7). Офицерам воздухоплавательной школы предписывалось продемонстрировать публике полеты на аэропланах различных систем. Праздник, должен был начаться 5 сентября 1910 г., но из-за сильных ветров был перенесен. Лишь к 16 ч. 8 сентября, дождавшись ослабления ветра до 2–3 м/с, в воздух поднялся первый аппарат, управляемый наиболее опытным пилотом М.Н. Ефимовым. [18] На протяжении всего праздника метеорологические условия вносили корректуру в его программу. Так, к примеру, ни один из участников не решился из-за сильного ветра оспорить приз за наибольшую высоту полета. Интересна формулировка одной из самых престижных номинаций Праздника: «полет при ветре не менее 5 секундо-метров в течение не менее 10 минут». [19]

Рис. 7. Первый Всероссийский праздник воздухоплавания. 1910 г.

Для объективности судейства кто-то должен был регистрировать параметры ветра и высоту полета. Организаторы Праздника пригласили для этого студентов Института инженеров путей сообщения (рис. 8). Под руководством инженера Н.А. Рынина, преподававшего в Институте метеорологию, студенты разместили на поле измерительные приборы, и вели наблюдения за погодой. Эту деятельность студентов нельзя считать даже прообразом метеорологического обеспечения полетов, ведь обеспечивали они, скорее, судейскую бригаду (фото 8) [20].

Рис. 8. Студенты Института инженеров путей сообщения дежурят на площадке для метеорологических наблюдений во время Первого Всероссийского праздника воздухоплавания. 1910 г.

Если кто и понимал, насколько скромны достижения человека в деле покорения природы, так это сами летчики. В октябре 1910 г. военный летчик поручик Е.В. Руднев совершил перелет из Петербурга в Гатчину. Из отчета, представленного пилотом своему командованию, видно, сколь важную роль играла в этом перелете погода: «9 октября 1910 года мною было решено перелететь из Петербурга в Гатчину. Выяснилось, что направление ветра, хотя и не вполне благоприятное (СЗ), но сила его не велика 2-3 м/с, зато температура воздуха была довольно низка и руки озябли после 10-минутного полета. К 2 часам дня немного потеплело и я, одевшись потеплее (кожаные брюки, спасательная куртка и кожаные перчатки), приказал моему механику рядовому Плотникову одеться потеплее и взять с собой необходимый инструмент, на случай спуска в пути. В случае сильного обмерзания мною были намечены пункты остановки – Новый аэродром военного ведомства и Красное село, где можно было бы спуститься и, отогревшись продолжить путь. По выходе на сушу я взял путь на Лигово, а затем вдоль шоссе и Балтийской железной дороги, причем достиг высоты 300 метров. Уже над взморьем пальцы правой руки начали застывать, а у Лигово почти заоченели. Во время пути ветер сдувал аппарат в сторону так, что приходилось зачастую идти полуоборотом. Местами аппарат сильно раскачивало» [21]. За 56 минут, преодолевая трудности, связанные с погодой, поручик Руднев преодолел 75 километров, благодаря чему его перелет был отнесен к «важнейшим путешествиям, совершенным на аэропланах в 1910 году» [22].

Климатические особенности Петербурга и его окрестностей (сильные ветра, низкая облачность, значительное количество осадков...) заставили руководство Отдела воздушного флота перенести обучение военных летчиков в Севастополь. В Гатчине занятия стали проводиться только летом и только с пилотами старшего курса. Основной объем учебного процесса перенесли в Севастополь, где рассчитывали на более благоприятные метеорологические условия. [23] Однако, и там авиаторам приходилось испытывать на себе влияние погоды. Зима 1911 г. выдалась в Крыму необычайно снежной. Офицеры Севастопольской авиационной школы морской авиации Отдела воздушного флота В.Н. Кедрин и Г.В. Пиотровский решили воспользоваться создавшимися условиями, и попытаться впервые в истории отечественной авиации осуществить взлет не с колес, а с лыж. Полет на переоборудованном аппарате начался удачно, но был прерван порывом сильного бокового ветра. Экспериментальная машина была разбита [24].

Примечательно, что аэропланы страдали от превратностей погоды не только в воздухе, но и на земле. Хрупкие деревянные конструкции, обшитые тканью, било градом и ломало ветром. Обыкновенные навесы и легкие ангары, выполненные из ткани, не могли защитить летательный аппарат. На продуваемом всеми ветрами поле, легкий ангар могло сорвать неожиданным шквалом, и аэроплан, хранящийся в нем, получал тяжелые повреждения. Для защиты аэропланов от непогоды во время стоянки Отдел воздушного флота закупил во

Франции укрепленные ангары «Бессонно». Эта разборная конструкция, с успехом применялась французами, надежно защищая их аэропланы от сильного ветра, дождя и снега. Ангары «Бессонно» выдерживали даже сильные порывистые ветра. Несколько таких ангаров были выставлены на показ в ходе Всероссийского праздника воздухоплавания. С новшеством, обеспечившим долгожданную безопасность аппаратов от непогоды, лично ознакомился военный министр генерал от кавалерии В.А. Сухомлинов (рис. 9). [25]

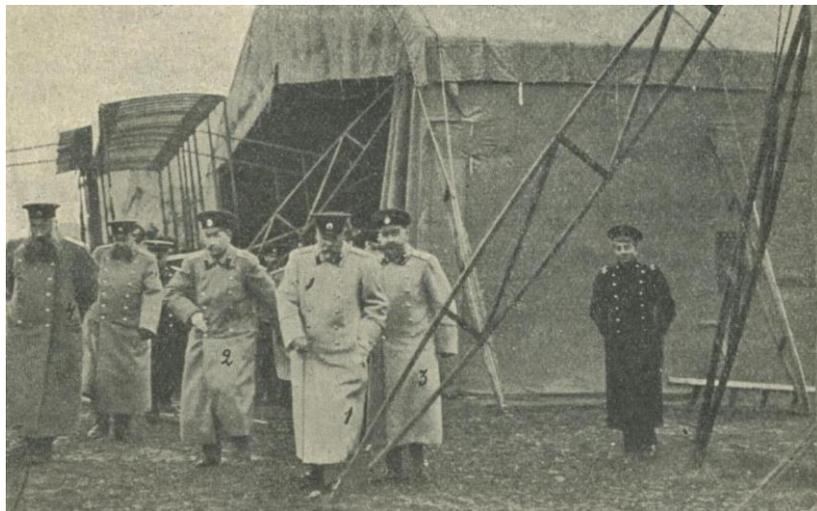

Рис. 9. Военный министр генерал от кавалерии В.А. Сухомлинов (четвертый слева) с группой генералов и офицеров осматривает ангары для аэропланов Отдела воздушного флота на Всероссийском празднике воздухоплавания. 1910 г.

Начало XX века ознаменовалось возникновением в целом ряде передовых стран военной авиации. Подводя итог обсуждению первых лет ее существования, можно отметить следующее. Практически одновременно страны «авиационного клуба» провели масштабные маневры, в ходе которых изучались возможности использования летательных аппаратов в вооруженной борьбе. На маневрах авиаторы проводили долгое время в ожидании летной погоды. Летательные аппараты нередко получали повреждения и терпели аварии по причине сложных метеорологических условий. В каждой из стран, желающих видеть авиацию в рядах своих вооруженных сил, детально анализировали опыт (свой и зарубежный) эксплуатации аэропланов и дирижаблей, оценивали итоги их участия в крупных маневрах. Одним из выводов стала крайняя зависимость авиации от условий погоды и превосходство в этом отношении аэропланов над дирижаблями. Последнее предопределило дальнейшие тенденции в авиационной области.

Результаты

Первый опыт применения авиации на войне подтвердил выводы, сделанные по итогам крупных маневров. Погода показала себя условием, непосредственно влияющим на боевые возможности летательных аппаратов. Еще больше это влияние усилило создание специального авиационного оружия, ведь с этого момента погода стала влиять не только на безопасность и дальность полета, но и на точность поражения противника.

Стала очевидной необходимость повышения знаний авиаторов о воздушной среде и применения этих знаний к летному делу. Первенство (как и дальнейшее лидерство) в этом вопросе принадлежало Германии. Сделав выводы из армейских маневров, уже в 1911 г. военное ведомство этой страны признало целесообразным включить в «Руководство по изучению военного искусства в училищах» главу «О влиянии погоды, времени года и дня на боевые действия» [26]. В России метеорология была включена в программу обучения Офицерской воздухоплавательной школы, в которой обучалось около 30 офицеров. Со временем программа обучения этой дисциплине постоянно расширялась [27].

Заключение

Изучение непродолжительного опыта применения авиации в ходе военных маневров и первых боевых действий показало, что осведомленность о фактической и предстоящей погоде способна снизить количество выходов летательных аппаратов из строя, повысить безопасность пилотов и точность поражения противника, планировать применение авиации.

Сперва оно было возложено на гражданских метеорологов, и осуществлялось эпизодически. Однако, совершенствование авиационной техники и расширение ее участия в военном деле, стали предпосылками создания новой отрасли метеорологической науки – военной авиационной метеорологии. Накануне Первой мировой войны или на ее начальном этапе страны, широко применявшие в вооруженной борьбе авиацию, обзавелись первыми подразделениями авиационных метеорологов.

Авиаконструкторы, пытавшиеся сделать свои машины более надежными, военачальники, желавшие сделать поддержку войск с воздуха более стабильной, летчики, испытывавшие на себе превратности воздушной среды, были солидарны в необходимости метеорологического обеспечения полетов.

По прошествии более чем 100 лет авиационная метеорология, по-прежнему, играет важнейшую роль в жизни военной авиации. Появление все более и более совершенной авиатехники, оснащение ее самым передовым оружием несколько не снизило потребности авиации в метеорологическом обеспечении. Как и век назад, его целью является наиболее полное использование метеорологических условий для эффективного применения авиации и обеспечения безопасности полетов [28].

Литература

1. Наставление по метеорологической службе авиации Вооруженных сил СССР (НАМС-86). С. 1.
2. Ефимов Л. Воздухоплавание и государственная жизнь. // Нива. 1910. № 43. С. 747-750.
3. Смыслов О.С. Асы против асов. М.: Вече. 2012. С. 4-5.
4. Бекнев С.А. Требования к современной сухопутной войне. // Воздухоплавание. СПб. 1913. С. 81-82.
5. Русский инвалид № 250. 1911. Иностранная военная хроника.
6. Бекнев С.А. Требования к современной сухопутной войне. // Воздухоплавание. СПб. 1913. С. 153.
7. Там же. С. 154.
8. Бекнев С.А. Требования к современной сухопутной войне. // Воздухоплавание. СПб, 1913. С. 49-50.
9. Война между Италией и Турцией, развернулась в одном из регионов Османской империи – Триполитании (территория современной Ливии), и длилась с сентября 1911 г. по октябрь 1912 г.
10. Бекнев С.А. Требования к современной сухопутной войне. // Воздухоплавание. СПб. 1913. С. 103, 105-106.
11. РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 74435. Л. 42-45.
12. Такой высотой в 1910 г. принято было считать 1000-1500 м.
13. Бекнев С.А. Требования к современной сухопутной войне. // Воздухоплавание. СПб. 1913. С. 29.
14. РГВИА. Ф. 802. Оп. 3. Д. 1326. Л. 6-7.
15. Там же. Л. 7.
16. РГВИА. Ф. 802. Оп. 3. Д. 1027. Л. 2.
17. Захаров В.П. Первый военный аэродром. М.: Воениздат. 1988. С. 38.
18. Известный авиатор начала XX века. Автор первых полетов на аэроплане в России. В 1910 г. был приглашен в Офицерскую воздухоплавательную школу инструктором. В годы Первой мировой войны записался на фронт добровольцем. Участвовал в боевых вылетах, обучал военных летчиков.
19. Отчет Императорского Всероссийского аэроклуба за 1910 г. СПб. 1911. С. 128-169.
20. Отчет Императорского Всероссийского аэроклуба за 1910 г. С.-Пб. 1911. С. 187-190.
21. РГВИА. Ф. 802. Оп. 3. Д. 1026. Л. 58, 58 об.

22. Воздухоплавание, наука и спорт. № 7. 1910.
23. Отчет за 8 лет Особого комитета по усилению военного флота на добровольные пожертвования (1904-1912 гг.). СПб. 1912. С. 6-8.
24. Пиотровский Г.В. Аэроплан на лыжах // Авиационный иллюстрированный журнал. 1911. № 12. С. 5.
25. Бекнев С.А. Требования к современной сухопутной войне. // Воздухоплавание. СПб. 1913. С. 58.
26. Борисенков Е.П. Становление и развитие военной метеорологии в ГФО-ГГО. // Военная метеорология. Ее роль в метеорологическом обеспечении военных действий в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. СПб.: Текст. 1995. С. 9.
27. РГВИА. Отчет военного министерства за 1910 г. СПб. 1912. Прилож. 5. С. 29-32.
28. Наставление по метеорологической службе авиации Вооруженных сил СССР (НАМС-86). С. 1.

References

1. Nastavlenie po meteorologicheskoi sluzhbe aviatsii Vooruzhennykh sil SSSR (НАМС-86). С. 1.
2. Efimov L. Vozdukhoplavanie i gosudarstvennaya zhizn'. // Niva. 1910. № 43. S. 747-750.
3. Smyslov O.S. Asy protiv asov. M.: Veche. 2012. S. 4-5.
4. Beknev S.A. Trebovaniya k sovremennoi sukhoputnoi voine. // Vozdukhoplavanie. SPb. 1913. S. 81-82.
5. Russkii invalid № 250. 1911. Inostrannaya voennaya khronika.
6. Beknev S.A. Trebovaniya k sovremennoi sukhoputnoi voine. // Vozdukhoplavanie. SPb. 1913. S. 153.
7. Tam zhe. S. 154.
8. Beknev S.A. Trebovaniya k sovremennoi sukhoputnoi voine. // Vozdukhoplavanie. SPb. 1913. S. 49-50.
9. Voina mezhdru Italiei i Turtsiei, razvernulas' v odnom iz regionov Osmanskoj imperii – Tripolitanii (territoriya sovremennoj Livii), i dlilas' s sentyabrya 1911 g. po oktyabr' 1912 g.
10. Beknev S.A. Trebovaniya k sovremennoi sukhoputnoi voine. // Vozdukhoplavanie. SPb. 1913. S. 103, 105-106.
11. RGVIA. F. 1. Op. 1. D. 74435. L. 42-45.
12. Takoi vysotoi v 1910 g. prinyato bylo schitat' 1000-1500 m.
13. Beknev S.A. Trebovaniya k sovremennoi sukhoputnoi voine. // Vozdukhoplavanie. SPb. 1913. S. 29.
14. RGVIA. F. 802. Op. 3. D. 1326. L. 6-7.
15. Tam zhe. L. 7.
16. RGVIA. F. 802. Op. 3. D. 1027. L. 2.
17. Zakharov V.P. Pervyi voennyi aerodrom. M.: Voenizdat. 1988. S. 38.
18. Izvestnyi aviator nachala KhKh veka. Avtor pervykh poletov na aeroplane v Rossii. V 1910 g. byl priglashen v Ofiterskuyu vozdukhoplavatel'nyu shkolu instruktorom. V gody Pervoi mirovoj vojny zapisalsya na front dobrovol'tsem. Uchastvoval v boevykh vyletakh, obuchal voennykh letchikov.
19. Otchet Imperatorskogo Vserossiiskogo aerokluba za 1910 g. SPb. 1911. S. 128-169.
20. Otchet Imperatorskogo Vserossiiskogo aerokluba za 1910 g. S.-Pb. 1911. S. 187-190.
21. RGVIA. F. 802. Op. 3. D. 1026. L. 58, 58 ob.
22. Воздухоплавание, наука и спорт. № 7. 1910.
23. Отчет за 8 лет Особого комитета по усилению военного флота на добровольные пожертвования (1904-1912 гг.). СПб. 1912. С. 6-8.
24. Piotrovskii G.V. Aeroplan na lyzhakh // Aviatsionnyi illyustrirovannyi zhurnal. 1911. № 12. S. 5.
25. Beknev S.A. Trebovaniya k sovremennoi sukhoputnoi voine. // Vozdukhoplavanie. SPb. 1913. S. 58.
26. Borisenkov E.P. Stanovlenie i razvitie voennoj meteorologii v GFO-GGO. // Voennaya meteorologiya. Ее rol' v meteorologicheskom obespechenii voennykh deistvii v gody Velikoi Otechestvennoj vojny 1941-1945 gg. SPb.: Tekst. 1995. S. 9.

27. RGVIA. Otchet voennogo ministerstva za 1910 g. SPb. 1912. Prilozh. 5. S. 29-32.

28. Nastavlenie po meteorologicheskoi sluzhbe aviatsii Vooruzhennykh sil SSSR (NAMS-86).
S. 1.

УДК 68.65

Предпосылки к созданию метеорологической службы в военной авиации

¹ В.И. Жуматий

² В.Н. Прямыцын

³ В.А. Драбенко

¹⁻³ Военная академия Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации, научно-исследовательский институт (военной истории), Российская Федерация

¹ Капитан 1 ранга в отставке

Доктор исторических наук, профессор

E-mail: jumatiy_vi@mail.ru

² Майор, кандидат военных наук

E-mail: priamitzynvn@mail.ru

³ Полковник, доктор технических наук, профессор

E-mail: drv@rshu.ru

Аннотация. Статья посвящена зарождению авиации и её метеорологической службы в начале XX века. В статье подробно рассматривается метеорологическое обеспечение военной авиации в Италии, Франции, Германии, Австрии, США и России. Описываются проблемы, возникшие при взлете и посадки летательных аппаратов при сложных погодных условиях. Доказано, что осведомленность о фактической и предстоящей погоде способна снизить количество выходов летательных аппаратов из строя, повысить безопасность пилотов и точность поражения противника, лучше планировать применение авиации.

Ключевые слова: авиация, метеорологическая служба, аэроплан, дирижабль.